МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТЕКСТ, ДИСКУРС И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ЯЗЫКА

МЕЖКАФЕДРАЛЬНЫЙ СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Курган 2006

УДК 800 (08)
ББК Зауралье.Ш+81.2
Т 30

Рецензенты:
Белоусова Н.К. – зав. кафедрой иностранных языков Курганского пограничного института ФСБ России, доцент.
Лазарева Т.Г. – докторант кафедры зарубежной литературы РГПУ им. А.И. Герцена, доцент.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

Ответственный редактор: Бочегова Н.Н.

Т 30 Текст, дискурс и некоторые аспекты концептосферы языка: Межкафедральный сборник научных трудов.– Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2006. –142 с.

Сборник содержит статьи по актуальным проблемам современного языкознания, теории текста и дискурса и методике преподавания иностранных языков. В центре внимания – культурологические параметры коммуникативного процесса, проблемы этнолингвистики и когнитивистики. Язык рассматривается как многоаспектный и многофункциональный феномен, развивающийся в контексте человеческого бытия.

Материалы сборника могут быть использованы при разработке учебных курсов и представляют интерес для широкого круга специалистов.

ISBN 978-5-86328-753-5

© Курганский государственный университет, 2006
© Авторы, 2006

ТЕКСТ И ДИСКУРС: КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л.В. Гришкова

ЭКФРАСИС КАК ТЕКСТ В ТЕКСТЕ

Экфрасисом называют вербализацию визуального изображения. Термин восходит к александрийской неориторике (II в. н.э.). Им обозначали «жанр блестящего обособленного отрывка, самоценного, не зависящего от какой-либо функции в рамках целого и посвященного описанию места, времени, тех или иных лиц или произведений искусства» [3, с. 395].

История исследования экфрасиса и его современные трактовки достаточно полно освещены в статье Н.А. Абиевой «Поэтический экфрасис» [1, с. 94], где автор приводит и самое распространенное современное определение этого литературного феномена: «вербальное представление визуального изображения» (“the verbal representation of visual representation”) [1, с.80].

Первым экфрастическим текстом, по мнению исследователей, было описание щита Ахилла в «Илиаде» Гомера:

Множество дивного бог по замыслам творческим сделал.
Там представил он землю, представил и небо, и море,
Солнце, в пути неистомное, полный серебряный месяц,
Все прекрасные звезды, какими венчается небо:
Видны в их сонме Плеяды, Гиады и мощь Ориона,
Арктос, сынами земными еще колесницей зовомый;
Там он всегда обращается, вечно блюдет Ориона
И единый чуждается мыться в волнах Океана * .

Как феномен культуры экфрасис в чистом виде, если можно так выразиться, бытует преимущественно в поэзии. Определение, предлагаемое Н.А. Абиевой, продиктовано именно этим обстоятельством* * .

Намного чаще экфрасис представляет собой текст в тексте: описание произведения пластических искусств включается в литературный текст большего объема (поэтический или прозаический) с определенной це-

** Гомер. Илиада. Одиссея / Пер. с древнегреч. Н. Гнедича, В. Жуковского. – М.: Эксмо, 2003.*

*** Н. Абиева под экфрасисом имеет в виду «параллельное бытование поэтического текста и объекта, инициировавшего его появление», придерживаясь при этом определения, данного Дж. Хеффернаном [1, -С.86].*

лью, иными словами, оно **функционально нагружено.**

Поэтому при исследовании экфрастических текстов филолог должен, с одной стороны, анализировать их лингвостилистические и структурно-композиционные особенности как **специфических типов текстов**, а с другой – как одну из форм интертекстульности, что влечет за собой изучение их функциональной нагрузки: «модальностей функций и импликаций – оценочных, характерологических, композиционных, идейных» [2, с. 352].

Сравним два описания одной и той же картины. Вначале рассмотрим стихотворение Л. Х. Одена «Музей изобразительных искусств»:

L.H. Auden

MUS`ÉE DES BEAUX ARTS

About suffering they were never wrong,
The Old Masters; how well they understood
Its human position; how it takes place
While someone else is eating or opening a window or just walking dully along;
How, when the aged are reverently, passionately waiting
For the miraculous birth, there always must be
Children who did not specially want it to happen, skating
On a pond at the edge of the wood:
They never forgot
That even the dreadful martyrdom must run its course
Anyhow in a corner, some untidy spot
Where the dogs go on with their doggy life and the torturer's Horse
Scratches its innocent behind on a tree.
In Breughel's *Icarus,* for instance: how everything turns away
Quite leisurely from the disaster; the ploughman may
Have heard the splash, the forsaken cry,
But for him it was not an important failure; the sun shone
As it had to on the white legs disappearing into the green
Water; and the expensive delicate ship must have seen
Something amazing, a boy falling out of the sky,
Had somewhere to get to and sailed calmly on [6, с. 380].

М. Волошин, художник и поэт, сравнивая живопись и литературу, писал: «Живопись имеет дело только с комбинациями зрительных впечатлений».

Точное выяснение этого положения очень велико. Это отделяет мышление художника-живописца от обычных приемов мышления остальных людей. Между восприятием и воплощением у художника нет обычного промежуточного звена – слова.

Поэтому художнику так трудно быть литератором, поэтому мысль, выраженная в картине, не может быть переведена на слова. А если это

бывает возможно, то доказывает только, что в данном произведении есть элементы, чуждые живописи и поддающиеся слову: т.е. рассказ, литературность [4, с. 211].

Картина Брейгеля «Падение Икара» *рассказывает.* Но о чем? В ней есть загадка или, выражаясь языком литературы, интрига. Картина называется «Падение Икара», но Икара в ней нет. Видны только его ноги (“the white legs disappearing into the green / water”). Поэтому, вероятно, существует довольно много ее интерпретаций.

Характеризуя необычность таланта художника Чарльза Стрикленда (главного героя романа «Луна и грош»), С. Моэм сравнивает его с Брейгелем:

The only painter who interested him who was at all unexpected was Breughel the Elder. I knew very little about him that time, and Strickland had no power to explain himself. I remember what he said about him because it was so unsatisfactory.

‘He is all right,’ said Strickland. ‘I bet he found it hell to paint.’

When later, in Vienna, I saw several of Peter Breughel’s pictures; I thought I understood why he had attracted Strickland’s attention. Here, too, was a man with a vision of the world peculiar to himself. I made somewhat copious notes at the time, intending to write something about him, but I have lost them, and have now only the recollection of the emotion. He seemed to see his fellow-creatures grotesquely, and he was angry with them because they were grotesque; life was a confusion of ridiculous sordid happenings, a fit subject for laughter, and yet it made him sorrowful to laugh. **Breughel gave me the impression of a man striving to express in one medium feeling more appropriate to expression in another, and it may be that it was the obscure consciousness of this that excited Strickland’s sympathy. Perhaps both were trying to put down in paint ideas which were more suitable to literature** [7, с. 165].

На традиционный для начальной стадии интерпретации вопрос: «О чем, по вашему мнению, это стихотворение?» - студенты обычно отвечают: «О картине Брейгеля “Падение Икара”». И отчасти они правы: заключительные девять строк стихотворения представляют собой экфрастический текст, описывающий впечатление поэта от созерцания картины Брейгеля. А как быть с остальным текстом и заглавием «Музей изобразительных искусств»?

Найти ответ на вопрос может помочь анализ сильных позиций стихотворения. Начнем мы на этот раз не с заголовка, а с первых трех строк:

About suffering they were never wrong,
The Old Masters; how well they understood
Its human position…

Слово *suffering* находится в сильной позиции текста; более того, его значимость подчеркивается инверсией. Слово является тематическим: в

дальнейшем оно контекстуально поддержано словами того же семантического поля: *dreadful martyrdom*, *torturer* (тот, кто причиняет страдание). Эти слова составят ядро поля. В периферию войдут слова *birth* (рождению также сопутствует страдание и матери, и ребенка), *forsaken cry* (выражение страдания).

Вторая тематическая цепочка представляет реакцию окружающих и выглядит следующим образом: *eating – walking dully along – to turn away leisurely – not an important failure – calmly* (последнее слово стихотворения). Таким образом, в сильных позициях оказываются два слова, описывающие два противоположных состояния человека – *страдание* и *покой*.

Второй текст – отрывок из повести Анн Филип, жены знаменитого французского актера Жерара Филипа. Повествуя о последних днях и часах жизни своего мужа, она обращается к «Икару» Брейгеля:

«Полет Икара» Брейгеля, полный солнца, есть само выражение одиночества, но рожденного не эгоизмом, а безразличием, которое разъединяет людей. Он, конечно, прав, этот пахарь, что все равно ведет свою борозду, в то время как Икар гибнет. Нужно, чтобы жизнь продолжалась, чтобы зерно было посеяно или собрано, несмотря на то, что над кем-то нависла смерть. И все-таки хочется, чтобы он бросил свой плуг и побежал на помощь ближнему. Или нет, я, наверное, ошибаюсь, он, конечно, не знает, что человек в беде. Он пребывает в таком же неведении, как море и небо, холмы и скалы. Икар умирает не потому, что его покинули, а потому, что люди не ведают о том, что он гибнет. Каждый из нас напоминает этого пахаря. Всякий раз, выйдя из дома, мы проходим мимо людского отчаяния или страдания, о которых даже не подозреваем. Мы не замечаем ни умоляющих взглядов, ни боли души или тела. Я далека от своего ближнего. Если бы я и вправду была близка к нему, я всегда и непременно бросилась бы на помощь, забыв о своих делах.

Мы стали Икаром* .

В стихотворении Одена нет ничего личного: никакой проекции на себя или свой личный опыт, столь характерных для лирики. Речь идет только об опыте старых мастеров, знавших, как надо изображать страдание:

They never forgot
That even the dreadful martyrdom must run its course
Anyhow in a corner, some untidy spot
Where the dogs go on with their doggy life and the torturer's horse
Scratches its innocent behind on a tree.

В первой части стихотворения даются детали еще трех картин Брейгеля: «Поклонение волхвов в снегопаде», «Перепись в Вифлееме» и «Изби-

---

* *Филип А. Одно мгновенье // Здравствуй, грусть. Современная французская психологическая повесть. – М.: Правда, 1990. -С. 122.*

ение младенцев», но полностью описывается только «Икар», причем очень последовательно: сначала – передний план (пахарь), затем – средний (исчезающий в морской пучине Икар) и, наконец, задний план (корабль).

Вторая часть является *иллюстрацией* (подтверждением) того, о чем говорится в первой. Стихотворение Одена – о мастерстве художников прошлых эпох, поэтому и названо оно *Musée des Beaux Arts.*

В описании Анн Филип, напротив, очень много личного. В основе повести «Одно мгновение» лежит эмотивная ситуация потери. Писательница не называет имен, да это и не нужно: о безвременной кончине талантливого актера писали очень много. Анн Филип пишет о Женщине, потерявшей своего Возлюбленного, о боли и одиночестве и невосполнимости утраты. Внутренний диалог отражает смятение чувств: ей хочется одновременно и обвинить людей в равнодушии к чужому страданию, и понять, а значит простить. Consolation à l'art: «Икар» Брейгеля и утешение, хотя и слабое, и обостренное понимание того, что «каждый из нас напоминает этого пахаря», и трагический итог: «Мы стали Икаром».

Экфрастическим можно назвать только текст Одена, воспроизводящий практически все основные элементы картины: композицию, перспективу и цвет (“green water”, “white legs”). В повести Анн Филип обращение к «Икару» Брейгеля – пример синкретической интертекстуальности: текст другой семиотической системы функционирует как символ, выражающий эмоциональное состояние повествовательницы.

Прозаический экфрасис чаще всего встречается в художественных биографиях. В романе «Жажда жизни» И. Стоун подробно рассказывает о работе Ван Гога над картиной «Едоки картофеля». Рассказ завершается описанием самой картины:

He painted the whole thing in the colour of a good, dusty, unpeeled potato. There was the dirty linen table cloth, the smoky wall, the lamp hanging from the rough rafters, Stien serving her father with steamed potatoes, the mother pouring the black coffee, the brother lifting a cup to his lips, and on all their faces the calm, patient acceptance of the eternal order of things… He looked at his work. It reeked of bacon, smoke and potato steam. He smiled. He had painted his *Angelus.* He had captured that which does not pass in that which passes* .

«Художник весь многоцветный мир должен свести к основным комбинациям углов и кривых и к простейшим отношениям основного тона, – подчеркивает М. Волошин в «Ликах творчества». – Из обычной человеку, выпуклой трехмерной действительности он должен уметь выделить основные двухмерные зрительные впечатления. В этом и состоит самая важная и самая сложная аналитическая часть работы художника. Если она не

* *Stone I. Last for Life, the Novel of Vincent Van Gogh. – L., 1934. – P. 247.*

совершенна, никакая творческая работа не возможна» [4, с. 211].

Что может слово?

Экфрастический текст И.Стоуна создается как **аналог** живописного, но на совершенно иной основе – **вербальной** – по принципу вторичной номинации: картина выдержана не в «бурых и зеленоватых тонах», как говорится в книге А. Перрюшо о Ван Гоге» [5, с. 147], а в цвете «доброго, пыльного, неочищенного картофеля». Первое место в описании автор отводит цвету: прилагательные *dirty*, *smoky, rough* с цветом напрямую не связаны, но в контексте описания сема цвета актуализируется в них благодаря первому предложению.

Далее одного за другим автор представляет читателю изображенных на картине персонажей:

... Stien serving her father with steamed potatoes...

... the mother pouring the black coffee...

... the brother lifting a cup to his lips.

Существенную роль при этом играет грамматическая форма – Present Participle, сочетающая, как известно, свойства глагола и прилагательного – движения и признака: *serving, pouring, lifting.* Художник **остановил мгновение: «He had captured that which does not pass in that which passes».**

Возможность существования экфрастических текстов проистекает из родства искусств, имеющих предметно-изобразительную основу, но лингвистические аспекты этого феномена культуры практически никогда не рассматривались и представляют интерес для дальнейших исследований.

Список литературы

1. *Абиева Н.А. Поэтический экфрасис// Studia Linguistica – 10. Проблемы теории европейских языков. -СПб.: Тригон, 2001. – С. 80 – 94.*
2. *Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность.: Сборник статей / Научный редактор П.Е. Бухаркин. – СПб.: Изд-во С.- Петербургского ун-та, 1999.*
3. *Барт Р. Эффект реальности // Ролан Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. – М.: Прогресс; Универс, 1994. – С.392 – 400.*
4. *Волошин М. Лики творчества. – Ленинград: Наука, 1988.*
5. *Перрюшо А. Жизнь Ван-Гога. – М.: Прогресс, 1973.*
6. *Auden L.H. Musйe des Beaux Arts // The Mentor Book of Major American Poets. – N.Y., 1962.*
7. *Maugham S. The Moon and Sixpence. – M.: Progress Publishers, 1972.*

Л.В. Гришкова

РОМАНТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РЕАЛИСТИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ
(на материале романа Ш. Бронте «Джейн Эйр»)

Теория дискурса открывает новые пути в исследовании литературных произведений. Ограниченные возможности статьи не позволяют рассмотреть все существующие в настоящее время концепции дискурса, и мы сосредоточим внимание на той из них, которая послужила теоретической базой данной статьи.

Под дискурсом, вслед за В.Е. Чернявской, мы будем понимать «корпус текстов, связь между которыми устанавливается на основании содержательных критериев: тексты одного дискурса так или иначе обращены к одному предмету, теме, концепту, связаны друг с другом семантическими отношениями и/ или выступают в общей системе высказываний, объединенных в коммуникативном и функционально-стилевом отношении» [5, с. 33].

О. Мандельштам оценивал теорию прогресса в литературе как «самый грубый, самый отвратительный вид школьного невежества» и рассматривал литературный процесс как постоянную смену литературных форм, когда «каждая смена, каждое приобретение сопровождается утратой, потерей» [4, с. 57]. Если придерживаться этой точки зрения, то сама собой отпадет и необходимость противопоставления (в смысле «лучше» или «хуже») как литературных направлений в целом, так и некоторых, на первый взгляд абсолютно противоречивых, тенденций в творчестве отдельных писателей.

В пору господства догматического литературоведения, целью которого было описывать картину мира, единообразно заданную для всех, Ю.М. Лотман писал:

«При всем различии и разнообразии научных принципов…типологически возможны два подхода к изучению художественного произведения. Первый исходит из представления о том, что сущность искусства скрыта в самом тексте и каждое произведение ценно тем, что оно есть то, что оно есть. В этом случае внимание сосредоточивается на внутренних законах построения произведения искусства. Второй подход подразумевает взгляд на произведение как на *часть,* выражение чего-то более значительного, чем самый текст: личности поэта, психологического момента или общественной ситуации» [3, с. 28].

Сказано, как мы видим, было достаточно мягко, но весьма определенно и убедительно, а первая часть этого высказывания стала программной для собственных исследований ученого.

Освободившись от пут пресловутой догматической оценочности, филологическая наука пришла к переоценке культурного наследия прошлого, к пониманию того, что наследуемая человечеством от прошлых поколений культура имеет причудливую и постоянно меняющуюся структуру [5, с. 9] * .

Сейчас нельзя читать без улыбки некоторые пассажи из критических статей 50-х годов прошлого века, посвященных роману Ш. Бронте «Джейн Эйр», такие, например, как этот:

«Роман «Джен Эйр» не свободен от некоторых романтических штампов. Мрачный образ сумасшедшей жены Рочестера и таинственные происшествия в замке Торнфильдхолл напоминают готические романы Матюрена и Анны Радклифф, которыми зачитывались сестры Бронте. Ряд маловероятных счастливых случайностей облегчает судьбу героини» [2, с. 9].

Рассказывая о процессе создания романа «Имя розы», У. Эко пишет и о тех принципах, которыми писатель должен руководствоваться в работе над прозаическими произведениями:

Нужно сковывать себя ограничениями. Тогда можно свободно выдумывать. В поэзии ограничения задаются стопой, строкой, рифмой…

В прозе ограничения задаются сотворенным нами миром. Это никакого отношения не имеет к реализму (хотя объясняет, в числе прочего, и реализм). Пусть мы имеем дело с миром совершенно ирреальным, в котором ослы летают, а принцессы оживают от поцелуя. Но при всей произвольности и нереалистичности этого мира должны соблюдаться законы, установленные в самом его начале, то есть нужно четко представлять себе, тот ли это мир, где принцесса оживает только от поцелуя принца, или тот, где она оживает и от поцелуя колдуньи? Тот мир, где поцелуи принцесс превращают обратно в принцев только жаб? Или тот, где это действие распространено, положим, на дикобразов? [6, с. 30].

Своеобразие сотворенного Ш. Бронте мира состоит в том, что он существует на стыке двух противоположных дискурсов – реалистического и романтического.

Став невольной свидетельницей любовной сцены мистера Рочестера и Джейн Эйр, домоправительница мисс Фейерфакс на следующий день предупреждает юную гувернантку о необходимости соблюдать осторожность в отношениях с хозяином дома:

I hope all will be right in the end," she said; "but believe me, you cannot be too careful. Try and keep Mr. Rochester at a distance: distrust yourself as well as him. Gentlemen in his station are not accustomed to marry their governesses [Jane Eyre, p.329].

Это реализм. Реалистически описаны мир дома миссис Рид, Лоувудс-

---

** В оригинале: "to see it, perhaps for the first time, as an intricate and continuing construction".*

кий пансион и даже жизнь мистера Рочестера до встречи с Джейн. То, что происходит далее: любовь героев с самого ее зарождения и до чудесного прозрения мистера Рочестера в годы их счастливого брака – чистейшей воды романтизм со всеми его атрибутами, такими, как старинный замок, тайны, вещие сны и невероятные совпадения.

«Принц» и «принцесса» в романе «Джейн Эйр» живут в одном мире, а любят друг друга – в другом. Английские литературоведы, отмечая мелодраматизм сюжета романа и отсутствие естественности в диалогах, подчеркивают, тем не менее, что роман производит большое впечатление благодаря силе воображения писательницы:

Jane Eyre is saddled with stiff dialogue and melodramatic plot, but it works as a novel because of the force of the author's imagination; it displays the irresistible sweep of passion without any rationalization. The love of Rochester, a married man, for Jane is a focus of almost cosmic significance [8, c. 65].

Самое удивительное, однако, в том, что два этих мира (а в нашей терминологии – два дискурса) гармонично сочетаются, а не противоречат друг другу. Переходу из одного мира в другой сопутствуют как темы высказываний персонажей, так их лингвистические характеристики.

Значительную роль при этом играет экфрасис: романтическое мироощущение героини находит отражение в акварельных рисунках, созданных ею в пору обучения в пансионе. Ниже мы приводим описание одной из акварелей и диалог Рочестера и Джейн:

The second picture contained for foreground only the dim peak of a hill slanting as if by a breeze. Beyond and above spread an expanse of sky, dark blue as at twilight; rising into the sky was a woman's shape portrayed as dark and soft as I could combine. The dim forehead was crowned with a star; the lineaments below were seen as through the suffusion of vapour; the eyes shone dark and wild; the hair streamed shadowy, like a beamless cloud torn by storm or by electric travail. On the neck lay a pale reflection of the moonlight; the same faint lustre touched the train of thin clouds from which rose and bowed the vision of the Evening Star [Jane Eyre, pp. 164 – 165].

На вопрос мистера Рочестера, была ли она счастлива, когда рисовала их, Джейн отвечает, как истинная художница:

"I was tormented by the contrast between my idea and my handwork: in each case I had imagined which I was quite powerless to realize."

Но еще больший интерес в связи с обсуждаемой проблемой представляет комментарий мистера Рочестера:

"Not quite: - you have secured the shadow of your thought; but no more, probably. You had not enough of the artist' skill and science to give it full being: yet drawings are, for a schoolgirl, peculiar. As to the thoughts, they are elfish. These eyes of the Evening Star you must have seen in a dream. How could you make them to look so clear, and yet at all brilliant? For the planet

above quells their rays. And what meaning is that in their solemn depth? And who taught you to paint wind? There is high gale in the sky and on this hill-top. Where did you see Latmos? For this is Latmos [Там же, p. 166].

Комментарий дополняет описание новыми деталями и убеждает читателя в том, что мистер Рочестер и Джейн **говорят на одном языке.**

Рисунки Джейн – примеры отвлеченного (notional) экфрасиса. Экфрастические тексты подобного рода описывают картины, существующие только в воображении писателей как некие ментальные образования, которые затем переводятся в факт языка.

Отвлеченный экфрасис, ближе всего стоящий к своему античному прототипу, часто представляет собой описание, которое «не подчиняется никакому реалистическому заданию; малосущественна его правдивость, даже правдоподобие», поскольку «правдоподобие, имеет здесь не референциальный, а открыто дискурсивный характер, все определяется правилами данного типа речи» [1, с. 395].

В романе «Джейн Эйр» этот тип речи – романтический дискурс с его культом воображения и интересом к необычайному, необъяснимому, фантастическому.

Аналогичный пример экфрастического текста мы находим в новелле Э.По «Падение дома Эшеров». Рассказчик описывает одну из картин хозяина дома Родерика Эшера:

A small picture presented the interior of an immensely long and rectangular vault or tunnel, with low walls, smooth, white, and without interruption or device. Certain accessory points of the design served well to convey the idea that this excavation lay at an exceeding below the surface of the earth. No outlet was observed in any portion of the vast extent, and no torch, or other artificial source of light was discernible; yet a flood of intense rays rolled throughout, and bathed the whole in a ghastly and inappropriate splendour [The Fall of the House of Usher, pp.15 – 16].

Эдгар По великолепно обрисовывает пустое пространство – *an immensely long and rectangular vault or tunnel, with low walls, smooth, white, and without interruption or device.* Но самое поразительное – это неизвестно откуда льющийся свет:

No outlet was observed in any portion of the vast extent, and no torch, or other artificial source of light was discernible; yet a flood of intense rays rolled throughout, and bathed the whole in a ghastly and inappropriate splendour.

Это как раз то, чего просто не может быть. Источник света всегда есть в любой картине. «Водопад яркого света» (“a flood of intense rays”) без видимого источника света – загадка картины, ее романтическая тайна. Что это – *lux aeterna* или отсвет адского пламени?*

Экфрастический текст Э. По представляет собой всего лишь часть

* *Вечный свет (лат.).*

обширного описания круга интересов и занятий Родерика Эшера, «беспредельная отвлеченность фантазии» (“an excited and highly distempered ideality”) которого «озаряла все каким-то фосфорическим светом» (“threw a sulphureous lustre over all”) [The Fall of the House of Usher, p.15].

Эшер был поэтом и музыкантом, но более всего рассказчика поражали его картины. Чувственная изощренность хозяина Дома Эшеров позволяла ему выражать невыразимое – живописать мысль:

From the paintings over which his elaborate fancy brooded, and which grew, touch by touch, into vaguenesses at which I shuddered more thrillingly, because I shuddered knowing not why; - from these paintings (vivid as their images are now before me) I would endevour to educe more than a small portion which should lie within the compass of merely written words. By the utter simplicity, by the nakedness of his designs, he arrested and overawed attention. **If ever mortal painted an idea, that mortal was Roderick Usher.**

Сходство описаний очевидно: Джейн нарисовала то, чего она никогда не видела (Латмос), а Эшеру удавалось выражать невыразимое. Но Эдгар По был романтиком, а Ш. Бронте безоговорочно относят к «блестящей школе английских романистов» (т.е. реалистов) наряду с Ч. Диккенсом, У. Теккереем и Э. Гаскелл. И если что-то не вписывается в данный тип дискурса, то это обязательно «романтические штампы».

Анализ, как мы видим, убеждает нас в обратном: именно сочетание реалистического повествования и включенного в него романтического дискурса составляет неповторимый идиолект романа «Джейн Эйр».

Список литературы

1. Барт Р. Эффект реальности // Ролан Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. – М.: «Прогресс», «Универс», 1994. – С..392 – 400.

2.Гражданская З. Предисловие к роману «Джейн Эйр» // Brontë C. Jane Eyre. – М., 1954. – С. 3 – 9.

3. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб., 2001.

4. Мандельштам О. Э. О природе слова // Мандельштам О. Слово и культура. – М.: Советский писатель, 1987. – С. 44 -48.

5. Чернявская В.Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа // Филологические науки. – 2003. № 3. – С. 68 - 76.

6.Эко У. Заметки на полях «Имени розы». – СПб.: Симпозиум, 2002.

7. Elam K. The Semiotics of Theatre and Drama. – N.Y., 1980.

8. The Penguin Companion to Literature / ed. by David Dickens. – London, 1971

Источники

Brontë Ch. Jane Eyre. – M.: Foreign Languages Publishing House, 1954.

Poe Edgar. Selected Tales. – M.: Chimera Classics, 2001.

Е.В. Захаров

О РОЛИ ОДНОГО РАССКАЗА Д. ХАРМСА: «ПЕТРОВ И КАМАРОВ» В ЦИКЛЕ «СЛУЧАИ»

Особое место в единственном цикле «Случаи», составленном самим Д. Хармсом, занимает пятый рассказ «Петров и Камаров»:

«Петров:

Эй, Камаров!

Давай ловить камаров!

Камаров:

Нет, я к этому ещё не готов;

Давай лучше ловить котов!»[1, с. 311]

М.Липовецкий, анализируя цикл, выдвигает следующее предположение: «Первые четыре текста «Случаев» создают конвенцию чтения всего цикла, поскольку содержит автометаописание его логики. Не случайно они отделены от остальных «случаев» (как некий пролог) совершенно беспредметным «Петровым и Камаровым» - своего рода «отбивкой»[5].

Мы согласны с идеей Липовецкого, что первые четыре рассказа «Случаев» «задают общую логику всего цикла» [Липовецкий]. Скажем больше – в них даны основные законы существования художественного мира малой прозы Хармса.

Мы согласны, что рассказ служит своеобразным водоразделом внутри цикла, но считаем, что исследователь принизил роль данного рассказа.

Как известно, Д. Хармс очень живо интересовался творчеством Льюиса Кэрролла, переписывал оригинальные произведения автора «Приключений Алисы в Стране Чудес» и пытался их переводить. В умозрительной онтологии русской и всемирной литературы, составленной Хармсом и сохранившейся в дневниковых записях писателя (1935 – 1936 г.) «Люис Кэроль» [2, с. 191] идет под одиннадцатым номером.

Хармс был хорошо знаком с книгой английского математика, изобретателя и чудака.

В первой главе «Вниз по кроличьей норе» Алиса, прежде чем попасть в Страну Чудес, бесконечно долго падает. Ближе к концу своего падения она начинает разговаривать сама с собой: «<…> Интересно, едят ли кошки мошек?».

Тут Алиса почувствовала, что глаза у нее слипаются. Она сонно бормотала:

- Едят ли кошки мошек? Едят ли кошки мошек?

Иногда у нее получалось: «Едят ли мошки кошек?».

Алиса не знала ответа ни на первый, ни на второй вопрос, и потому ей было всё равно, как его задавать. Она чувствовала, что засыпает. Ей уже

снилось, что она идет об руку с Диной <кошкой Алисы> и озабочено её спрашивает:

- Признайся, Дина, ты когда-нибудь ела мошек? [4, с. 11]

Близость данного отрывка и рассказа Хармса поразительная.

Игра со словами в рассказе Хармса (Петров – Камаров; Камаров - Котов), схожа с игрой словами у Кэрролла (кошки – мошки).

Алиса задает два вопроса. Один, с точки зрения обыденной логики правильный (Едят ли кошки мошек?), второй – нелепый и бессмысленный (Едят ли мошки кошек?) Причем для Алисы, которая уже на полпути к Стране Чудес оба вопроса бессмысленны.

Хармс рассказом «Петров и Камаров» даёт своеобразный ответ именно на второй вопрос Алисы. Ответ столь же нелепый, алогичный и бессмысленный с точки зрения «старой человеческой мысли» [1, с. 285], сколь и вопрос.

То есть рассказ «Петров и Камаров» играет роль «кроличьей норы», необычного и непонятного, но необходимого перехода к изображению мира «некоторого равновесия с небольшой погрешностью» [2, с. 284].

В пользу нашей трактовки рассказа «Петров и Комаров» говорит и название всего цикла – «Случаи». Обычно название цикла, сообразуясь с теорией двойной кодировки, присутствующей в творчестве писателей той эпохи, дают двойную трактовку: случай понимается как нечто случившееся, произошедшее, и одновременно случай – как случайное, не имеющее серьезных причинно-следственных связей и, как итог, обессмысленное.

А.А.Добрицын предлагает еще одно прочтение названия сборника.

Д.Хармс был большим поклонником немецкой культуры и немецкого языка, поэтому нам кажется вполне логичным и достойным внимания предположение Добрицына, «что название сборника хармсовских миниатюр «Случаи» учитывает и отражает омонимичность немецкого слова der Fall – «случай; падение» [3]. Персонажи сборника, как замечает Добрицын, в прямом и переносном смысле падают очень часто. Поэтому название «Падения», как он считает, вполне могло бы показаться Хармсу уместным.

Итак, рассказ «Петров и Комаров» оказывается приглашением узнать, прочитав последующие рассказы цикла, насколько глубока может быть «кроличья нора» в художественном мире Хармса. И не окажется ли падение, сообразуясь с существующей в художественном мире Хармса тенденцией тотальной смены знаков, взлётом в высокую реальность, противостоящую профанному миру.

Список литературы

1.Хармс Д. Собрание сочинений: В 3 т. Т.2:Новая Анатомия.-СПб.: Азбука, 2000.

2.Хармс Д. Записные книжки. Дневники: В 2 кн. Кн.1.- СПб.: Академический проспект, 2002.

3.Добрицын А.А. Две заметки о Данииле Хармсе. Цитируется по: http://xarms.lipetsk.ru/texts/dobr2.html

4.Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес; Алиса в Зазеркалье: Сказки.- Мн. Юнацтава,1993.
5.Липовецкий М. Аллегория письма: «Случаи» Д. И. Хармса(1933-1939). Цитируется по http://xarms.lipetsk.ru/texts/lip1.html

Ю.Б. Литовченко

ПРОЗА В. РААБЕ В КОНТЕКСТЕ НЕМЕЦКОГО РЕАЛИЗМА XIX ВЕКА

Немецкоязычные исследователи реализма в Германии [4,3] единодушно отмечают тот факт, что литература XIX века многослойна и представляет собой скорее полифонию индивидуальных стилей писателей, чем единое литературное направление. Указанное явление стало одной из причин того, что в литературной критике до сих пор ведутся дискуссии на тему «реализма в литературе». Говоря о реализме, литературоведы имеют в виду множество тенденций, существующих в данном литературном направлении параллельно, а иногда и противоречащих друг другу. Основная тема, которую писатели-реалисты развивали в своих произведениях – это непростые взаимоотношения между личностью и окружающим ее миром. У каждого автора эта тема нашла свое воплощение, основывающееся на его индивидуальном мировосприятии.

Вильгельм Раабе (Raabe Wilhelm, 1831-1910) – имя неизвестное широкому кругу российских читателей. Из богатого литературного наследия писателя – в период с 1857 по 1908 гг. он написал около семидесяти романов, новелл и рассказов – на русский язык была переведена лишь одна историческая новелла «Черная галера» (“Die schwarze Galeere”, 1861). Тем не менее, германские литературоведы ставят Раабе в один ряд с такими известными авторами, как Т. Шторм, Г. Келлер, Т. Фонтане. Более того, ряд исследователей считает В. Раабе автором переходного периода от реализма к модернизму, имея в виду прежде всего его поздние романы. Так И. Реблинг утверждает, что «поздние романы Раабе опровергают концепцию поэтического реализма, инновационным моментом в них является проблема идентификации личности» [6, с.110]. Реалистический метод Раабе имеет мало общего с литературной программой реализма, созданной его теоретиками после 1848 года. О популярном в то время романе Г. Фрейтага «Приход и расход» (“Soll und Haben”, 1855), который, с точки зрения теоретиков реализма Ю. Шмидта и Г. Фрейтага, был воплощенным в литературе образцом концепции реализма, Раабе отзывался не очень лестно, назвав его «романом, который годится лишь для послеобеденного чтения на диване». Неудивительно, что в журнале «Гренцботен», редактируемом Шмидтом и Фрейтагом, имя Раабе почти не упомина-

лось, о чем писатель неоднократно с сожалением писал своим друзьям и издателям [Erg.-Bd. 2: 490, Erg.-Bd. 4,: 41].

Ранние романы Раабе, среди которых в первую очередь следует назвать самый известный - «Хронику Шперлингсгассе» (“Chronik der Sperlingsgasse”, 1857), были популярны у широкого круга читателей, хотя и находились еще в сильной зависимости от литературных клише. Сам писатель, понимая это, невысоко оценивал свои ранние романы, назвав их в зрелые годы «юношеской чушью». Он тяжело переживал тот факт, что произведения среднего и позднего периодов его творчества, в которых, по его мнению, ему удалось в полной мере выразить свое мироощущение и достичь равновесия между эпическим созерцанием и смысловым содержанием, не нравились ни читателям, ни издателям. Так штутгартский издатель Альфред Крёнер не принял в печать роман Раабе «Шюддерумп» (“Schüdderump”, 1870) по причине «очень мрачной манеры повествования» [2, с. 15].

Главный вопрос, на который Раабе пытался найти ответ в своих произведениях, можно сформулировать следующим образом: как человек находит смысл своего существования и обретает свое место в жизни, полной внешних ограничений, насилия и зла. Проблема человеческого общества, по мнению Раабе, состоит в том, что «господином» в мире «всегда есть и остается каналья».

Решение этой проблемы он видел во внутренних, душевных силах человека, в способности его отграничиться от негативного влияния внешнего мира, сохранив при этом свою душу открытой для непреходящих общечеловеческих ценностей. Рассматривая жизнь как унижающую личность «трагикомедию», «игру теней», способную скорее горько разочаровывать, чем радовать, Раабе считал, что каждому человеку присуща в ней своя роль, которую он должен осознать сам и затем помочь сделать это ближнему. Тема преодоления бытия наличествовала и в произведениях других реалистов, например, Штифтера и Келлера. Однако в отличие от них Раабе считал, что преодолеть ограничения бытия человек может лишь смирившись со своей судьбой, которая у каждого индивидуальна. Понятие **судьбы** является ключевым в мировоззренческой системе Раабе. Он четко осознавал узкие рамки свободы личности и детерминирующие силы, которые привязывают человека к его судьбе. Так об этом, например, говорит одна из героинь романа «Акты Фогельзанга» (“Die Akten des Vogelsangs”, 1896) фрау Фойхт: «Благодаря моему бедному Фельтену я лишь в возрасте 90 лет поняла, какая это глупость, когда утверждают, что человеку нужно только захотеть сделать что-либо. Этот безумец не мог уже больше хотеть».

С утерей юношеских иллюзий взгляд Раабе на жизнь становился все более «реалистичным». Элементы идеалистического мировоззрения, сформировавшиеся под влиянием философии Гегеля и Бёме, и присут-

ствующие еще в ранних романах автора, сменяются горьким убеждением в том, что человек одинок в мире, где правят темные силы. Если в «Хронике Шперлингсгассе» повествование проникнуто лирически-доверчивым, открытым миру настроением, а в «Людях из леса» (“Die Leute aus dem Walde”, 1863) еще звучат жизнеутверждающие размышления о воспитании души, то уже «Шюддерумп» наполнен горьким пессимизмом. Мысль, которая звучит в «Шюддерумп», а именно – как может человек ощущать себя частью Вселенной, если в ней он является «не более чем колесиком часового механизма, которое бессмысленно вертится и не имеет собственной воли» - находит свою кульминацию в романе «У лешего» (“Zum wilden Mann”, 1874). Такое мировоззрение сформировалось у Раабе во многом под влиянием философии А. Шопенгауэра. В крайне пессимистическом взгляде Шопенгауэра на окружающую действительность как на мрачную «юдоль плача и воздыханий» [1, с. 8], в его своеобразной теории бытия, антиисторичной и тяготеющей к мировоззренческому дуализму, наконец, в его идее Мировой Воли, могучего, но «темного» элемента, слепо определяющего жизнь, Раабе находил объяснение своего личного, зачастую негативного жизненного опыта.

Примерно с 1870 года начинается новый период в творчестве Раабе, который немецкие литературоведы называют «брауншвейгским». В Брауншвейге, своем родном городе, Раабе написал романы «Старые гнезда» (“Alte Nester, 1880), «Штопфкухен» (“Stopfkuchen”, 1891), «Акты Фогельзанга», «Альтерсхаузен» (“Altershausen”, 1908), к интерпретации которых в последнее время обращаются многие исследователи творчества писателя. В произведениях позднего периода творчества Раабе предпринимает попытку примирить оба аспекта своего мировоззрения – его взгляд на мир по-прежнему лишен иллюзий, однако в нем появляется надежда, та самая вера в жизнь, которая была присуща Хагебухеру, главному герою его раннего романа «Абу Тельфан» (“Abu Telfan”, 1867) - «Я живу, я хочу жить!».

В одном из своих романов В. Раабе написал: «История одного дома это история его обитателей, история его обитателей - это история эпохи, в которой они жили и живут, история эпохи – это история человечества…». Эти слова объясняют тот факт, почему автор сознательно ограничивал повествование до эпизодичной судьбы отдельного человека, в то время как окружающий мир играет в его произведениях лишь второстепенную роль. Субъективизм авторского взгляда на жизнь определил портретную галерею его многочисленных произведений, представленную вариантами однообразного ряда персонажей. Писателю была свойственна интересная манера обращения к читателю, иронизируя, отталкивая, он, тем не менее, умело привлекал внимание читателя к наиболее важным темам, заставляя его задуматься над многогранностью бытия.

На наш взгляд, мироощущение Раабе как писателя лучше всего выра-

зил он сам, сравнив в романе «Хоракер» (“Horaker”, 1876) писателя со строителем, который возводит новый дом перед другим домом, где «тысячи людей наблюдают за его работой из своих окон». Почти все они, говорит Раабе, будут интересоваться в первую очередь технической стороной строительства, будут сравнивать архитектуру нового здания с архитектурой своего собственного жилища и думать при этом о том, как можно было бы расставить в этих стенах собственную мебель. На читателей, подобных таким зрителям, Раабе не возлагал особых надежд. Он утверждал, что пишет для того единственного человека, возможно одного из тысячи, который искренне заинтересуется событиями, которые будут происходить в этом новом доме: «Он наблюдает за работой строителей и каменщиков, прислонившись лбом к оконному стеклу, [...] и думает при этом о рождении и смерти, о колыбели и о гробе. Для этого единственного человека я всегда писал мои книги и пишу их сегодня. Мне хочется, чтобы у них было много читателей».

Список литературы

1. Шопенгауэр А. Избранные произведения.- М.: Просвещение, 1993.

2. Bock Hans-Joachim. Grundzъge von Wilhelm Raabes Weltanschauung und Kunst (aufgewiesen an den „Alten Nestern“). -Würzburg, 1937.

3. Geppert Hans Vilmar. Der realistische Weg. Formen pragmatischen Erzдhlens bei Balzac, Dickens, Hardy, Keller, Raabe u.a. Autoren des 19. Jahrhunderts. Tübingen, 1994.

4. Martini Fritz, Deutsche Literatur im bьrgerlichen Realismus: 1848-1898. 4 Aufl.- Stuttgart: Metzlersche, 1981.

5. Raabe Wilhelm. Sдmtliche Werke. Braunschweiger Ausgabe. In 20 Bd. u. 4 Erg.-Bd. Gцttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1970. При цитировании произведений автора в скобках вначале указан номер тома, а затем – страница.

6. Roebling Irmgard. Wilhelm Raabes doppelte Buchfьhrung: Paradigma einer Spaltung. Tübingen: Niemeyer, 1988.

О.А. Мальцева, И.И. Макарьева

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ И АДРЕСОВАННОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ М. МУРА “DUDE, WHERE’S MY COUNTRY?”)

В исследовательских работах неоднократно отмечался стереотипный характер газетной речи и средств ее образности. Н.Н. Цыцаркина среди многочисленных черт публицистического стиля особо важными считает компрессию содержания, опору на фоновые знания читателя, информационную насыщенность единиц текста, а также стандартизацию средств выражения смысла. Причиной тенденции к экономной затрате средств

языка исследователь считает требование публицистического стиля точно, быстро и кратко передавать информацию большого объема. В качестве другой неотъемлемой черты публицистического стиля называется употребление стандартизированных единиц. Н. Н. Цыцаркина определяет стандарт как устойчивое по своему составу и воспроизводимое в готовом виде языковое средство, которое обладает четкой семантикой и экономно выражает мысль, способствуя быстроте передачи информации. Таким образом, исследователь приходит к выводу, что применение языковых стереотипов диктуется, с одной стороны, ориентацией публицистических текстов на описание постоянно повторяющихся ситуаций социальной жизни общества, с другой - особенностями сферы публицистики, а именно, требованием динамизма подачи информации [5, с. 63].

Т. В. Чернышова, исследуя русские тексты газетной публицистики, отмечает, что современные социально-политические процессы в обществе привели к существенным изменениям в публицистическом дискурсе. Предметом изучения Т. В. Чернышовой является языковая личность, представленная через посредство своего речевого воплощения (то есть через газетно-публицистический текст), причем основное внимание уделяется не столько фигуре автора (журналиста), сколько фигуре адресата (читателя СМИ). Фактор адресата изучается через обращение к журналистскому тексту, в котором обязательно должна находить отражение система психосоциальных стереотипов (мифологем) обыденного сознания читателей СМИ, так как содержание текста, резко контрастирующее с системой ценностей реципиента, может вызвать у последнего позицию контрастной установки, т.е. неприятие навязываемой ему в СМИ жизненной позиции, модели мира или ценностной ориентации [6, с. 94]. Очевидно, что данное обстоятельство обусловливает необходимость изучения особенностей коммуникативного взаимодействия автора и адресата через текст в сфере газетной публицистики, равно как и во всех других разновидностях публицистики.

Одним из первых в отечественном языкознании к образам автора (ритора) и слушателя обратился еще М. В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию». По его мнению, воздействовать на чувства слушателей автор будет успешно в том случае, если будет учитывать главные свойства слушателей. Данный тезис был развит в работах У. Эко, Б. Л. Уорфа, З. Я. Тураевой, Н. Д. Арутюновой, Х. Линка, О. П. Воробьевой и других. Замечание М. В. Ломоносова по-прежнему актуально, особенно для сферы массовой коммуникации, где реализуется особое отношение «сторон» речевого общения - отправителем здесь является коллективный автор, адресатом - массовый читатель. Таким образом, в современных исследованиях в области коммуникации акцент делается на мыслительном и языковом взаимодействии участников коммуникации, что обусловлено интересом к языковому сознанию и языковым личностям ком-

муникантов, так как именно речемыслительное взаимодействие автора и адресата порождает высказывание (текст) как основную единицу и результат коммуникации.

Т. М. Пермякова рассматривает стереотипизацию в публицистике, исходя из ориентации последней на массового читателя. Устанавливается, что свойства массового сознания и механизм публицистической стереотипизации параллельны в следующих параметрах:

1) ограниченность познавательных возможностей. За конкретными ситуациями закрепляются определенные образы - происходит идиоматизация, т.е. обозначение некоторого фрагмента действительности путем установления аналогии между новым содержанием и той типизированной ситуацией, закрепленной в языковой картине мира, которая выражается внутренней формой идиомы;

2) диапазон и направленность интересов массового сознания. В процессе идиоматизации сохраняется меткость, красочность, а также оценка обозначаемого (как рациональная, так и эмоциональная);

3) диапазон информации, в массовых масштабах циркулирующей в обществе.

Следует указать, что под речевыми стереотипами Т. М. Пермякова понимает отрезок высказывания или целое высказывание, включенное в контекст, представленный «свободными» компонентами высказывания [4, с. 317-327].

Очевидно, что в сфере публицистики диалог между читателем и текстом (то есть стоящим за ним автором) возможен лишь в том случае, если исходные представления о мире и окружающей социальной действительности (психосоциальные стереотипы сознания) у них пересекаются. Представляется, что такое пересечение можно осуществить через общность системы стереотипов. В. В. Красных понимает «стереотип» как некоторое «представление» фрагмента окружающей действительности, фиксированную ментальную «картинку», являющуюся результатом отражения в сознании личности «типового» фрагмента реального мира, некоего инварианта определенного участка картины мира. В речи под воздействием ряда факторов (в частности фактора адресата) эти стереотипы «обрастают» неким набором потенциально возможных «векторов» ассоциаций. Выбор определенных векторов, причины их выбора зависят не только от национально-культурной специфики того или иного национально-лингво-культурного сообщества, но и, применительно к газетным текстам, от ориентации на определенные психосоциальные стереотипы сознания того или иного социально-культурного сообщества.

Рассматриваемая нами книга «Dude, Where's My Country?» имеет совершенно четкого адресата, на которого М. Мур указывает в последней главе:

«There you go. You have your marching orders. Don't fail me, and don't

fail yourself. They outsmarted us once—and they're supposed to be the stupid white men! Let's not let it happen again. There're just too damn many of us to have it end up any other way. We love our country and we care about the world in which our country exists. There is no reason to sink into some self-centered despair or cynicism. There is every reason to put this book down right now, pick up the phone, walk out the door, and make a difference.» – Автор ориентируется на средних американцев, настоящих патриотов, которым не безразлична судьба своей страны. Именно для них он составляет план «Operation 10-Minute Oil Change» («10-минутная операция удаления нефтяной грязи»), в который входят, например, такие пункты:

«1. Talk to anyone and everyone who will listen about every which way Bush has been bad for the country and bad for them… So the first focus must be to convince people you know that a change is in order.» – М. Мур призывает читателей убеждать других людей в необходимости перемен и, далее, проявлять политическую активность:

«5. There is still time for YOU to run for local office in the upcoming election. Why not YOU? It's not like there's a great brain trust lining up to be on the village council. Just do it!». Следует отметить написание прямого обращения «Вы» заглавными буквами, что, разумеется, привлекает внимание читателя и передает то логическое и эмфатическое ударение, которое в устной речи выражается через интонацию.

«7. I need each person who reads this book to pledge to give up their four Saturdays in October 2004 to go out and work for the candidates who are going to put an end to the Bush regime in D.C.» – Автор книги прямо призывает американцев голосовать против действующего президента на следующих выборах. Согласно Т. В. Чернышовой, такое явное навязывание свой позиции может вызвать у читателя неприятие чужого мнения, однако здесь М. Мур идет ва-банк, очевидно надеясь, что человек, дочитавший его книгу до конца, уже подготовлен к такой идеологической атаке. Чуть далее он сам на это указывает: «…you're in too deep now to quit!».

Заметим, что слова «американцы» или «граждане США» в данной части книги практически не встречаются. Социально-этническая адресованность выражается здесь с помощью введения таких национальных концептов, как «четыре субботы в октябре 2004 года» (время предстоящих выборов президента в США), «Белый дом» (символ политической жизни США), «кандидат-республиканец» (член одной из двух основных партий в США), «Вашингтон» (столица и политический центр США) и т.п.

Мы рассмотрели способы прямого и косвенного обращения автора книги к народу США. С другой стороны, в книге бесчисленное множество обращений к власть имущим, и в частности, к американскому президенту Дж. У. Бушу. К примеру, вся первая глава книги «7 Questions for George of Arabia» – это воображаемый диалог с президентом:

«Question №1: Is it true that the bin Ladens have had business relations

with you and your family off and on for the past 25 years?

Mr. Bush, in 1977, when your father told you it was time to get a real job, he set you up with your first oil company, something you called «Arbusto» (Spanish for «shrub»). A year later, you received financing from a man named James A. Bath. He was an old buddy of yours from your days (the ones when you weren't AWOL) in the Texas Air National Guard.» Здесь поднимаются вопросы деловых отношений семьи Бушей, которая владеет сетью нефтяных компаний Америки, с Бен Ладенами. Интересно, что М. Мур приводит перевод слова «кустарник» с испанского языка. Несмотря на то, что эксплицитно автор обращается к Дж. Бушу («мистер Буш», «Ваша семья», «Вы»), который не может не знать, что обозначает название его собственного предприятия, М. Мур все же дает перевод названия для остальных читателей. В этом действии мы видим еще одно имплицитное проявление категории адресованности.

Рассмотрим еще один пример: «Did you read that, Mr. Bush? I'll underline it and put it in bigger type so you can read it nice and slow and easy:

There's nothing wrong with looking to see if a suspected terrorist bought a gun.» – В этом отрывке М. Мур не просто обращается к президенту с помощью лексических средств, но и выделяет слова крупным шрифтом и подчеркивает их, чтобы Буш смог «не торопясь прочесть и уяснить их смысл».

Первая же глава книги погружает читателя в политику США, однако помня о том, что книгу будут читать люди, далекие от политики и экономики, Мур дает в этой главе наибольшее количество сносок и комментариев, чтобы даже человеку неподготовленному стал понятен этот «диалог». С другой стороны, специалист по политическим вопросам, не являющийся жителем США, также будет испытывать определенные трудности в понимании книги. Она так насыщена различными реалиями американской жизни, что человеку из другой страны приходится читать текст (даже в оригинале) с комментариями, так как адресат книги – это в первую очередь житель Америки. Тем не менее, ее полезно прочитать всем, кто хочет разобраться в происходящем в настоящее время в США и узнать «настоящую» Америку.

Итак, реальное событие, описываемое в публицистическом тексте, будучи интерпретируемым автором с учетом фактора адресата, становится языковым фактом. Языковой факт, с одной стороны, будучи текстом, является социально-речевым фактом, с другой, будучи результатом мыслительной деятельности автора, отражает определенные социальные стереотипы (идеологемы) и является социальным фактом. Социальный факт, пропущенный через авторские и читательские установки, становится мифологемой. Под термином *идеологема* мы будем понимать семантико-тематическое обозначение духовных ценностей действующих лиц [1]. Под *мифологемой* будем понимать устойчивые стереоти-

пы языкового сознания читателей. Мифологема, по мнению Ю. М. Лотмана, помимо своего референциального значения и вне зависимости от того, обладает ли оно сигнификативным значением или нет, в памяти говорящего/слушающего включена в некоторый круг привычных ассоциаций, понятных только носителю данной культуры. Подобного рода ассоциации могут материализоваться в виде постоянных эпитетов или других слов-спутников, сопровождающих, как правило, появление данной мифологемы в тексте [2].

Логично предположить, что «свои» устойчивые стереотипы сознания (мифологемы) характерны для текстов разной идеологической направленности, ориентированных на разного получателя информации. Эта ориентированность проявляется как на содержательном уровне текста - через интерпретацию события (набор идеологических стереотипов - идеологем), так и на языковом уровне - через отбор языковых средств: через языковые приемы выразительности, стилистическую окраску языковых единиц и стилистическую тональность речи в целом, позволяющие авторам публикаций оставаться в привычной для своего читателя языковой и смысловой парадигме, независимо от тематики и особенностей отображаемого факта-события.

Посмотрим, например, как М. Мур использует социально-оценочную лексику:

«But it was a *sham*. It was all a *ruse* concocted by the corporate *powers-that-be* who never had any intention of letting you into *their club*.» – «Только все это было гигантским *обманом. Уловкой*, состряпанной *финансовыми воротилами*, не имевшими никакого желания принимать вас в свой *клуб избранных*».

«In September 2002, Fortune magazine released a staggering list of these corporate *crooks* who made off like *bandits*…» – «В сентябре 2002 года журнал «Форчун» опубликовал сенсационный перечень этих *мошенников*, которые вели себя как *бандиты*…».

«At the top of the list of these *evildoers* was Qwest Communications.» – «Возглавляет этот список *злоумышленников* руководство компании «Куэст Коммьюникейшенс». Процитированные выше высказывания основаны на стереотипе отрицательного отношения простого народа к руководителям крупных предприятий, «финансовым воротилам».

Цель писателя-публициста – как можно быстрее и точнее донести свою мысль до читателя и, что отличает этот стиль от других, убедить читателя в своей правоте, переманить его на свою сторону. Для этого используются разнообразные средства убеждения: приведение фактов, намеки, примеры, аналогии, а также непосредственное утверждение своей точки зрения. Использование автором заглавных букв делает эти формулировки более заметными и указывает, что в них сосредоточены основные мысли книги.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу, что категория адресованности играет важную роль в текстах публицистического характера. В рассматриваемой нами книге мы обнаружили случаи ее эксплицитного (прямые обращения к читателям-американцам, к президенту США Дж. Бушу, к политическим и экономическим деятелям; использование экспрессивных графических средств; вопросительные и побудительные предложения; формы второго лица) и имплицитного (пояснения, комментарии, переводы, (т.е. авторские толкования лексических единиц [3, с. 98]); употребление лексики, обозначающей концепты, понятные только для жителей США; показатели важности сообщаемой информации или выражаемой оценки) выражения. Отдельную группу средств, связанных с образом читателя, составляют сигналы обобщения описываемого и показатели установки адресата на определенный стиль и способ изложения, из которых нами были рассмотрены ориентация на социальные стереотипы в сознании читателя и использование в этой связи определенной эмоционально-оценочной лексики.

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность.- М., 1987.

2. Лотман Ю. М. Текст как смыслопорождающее устройство // Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история.- М., 1999.

3. Николина Н. А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2003.

4. Пермякова Т. Н. Стереотипизация в публицистическом тексте // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 2002.

5. Цыцаркина Н. Н. Некоторые особенности публицистического стиля // Этнос. Культура. Текст: Материалы лингвистической научной конференции 15 апреля 1999 года. – Курган, 1999.

6. Чернышова Т. В. Особенности коммуникативного взаимодействия автора и адресата через текст в сфере газетной публицистики // Филологические науки.-2003, -№4.

А.П. Подкорытов

О ГРАНИЦАХ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И ГРАНИЦАХ ЛИТЕРАТУРЫ

Выдвинутая французским семиологом и литературоведом Ю. Кристевой теория интертекстуальности, согласно которой текст существует только как точка пересечения множества межтекстовых связей, приобрела широкую популярность и вызвала многочисленные дискуссии. Речь идёт как об определении интертекстуальности, так и о её проявлении в тексте (см. Р. Барт, Ц. Тодоров, Ю. М. Лотман, Ю. Н. Караулов и др.).

Интертекстуальность и производные от неё понятия: «интертекст», «интертекстуальное поле», «транстекст» имеют много общего с понятиями «ассоциативные связи», «прецедентные тексты», «национальная память», «апперцепционная база» и др.

В самом общем плане интертекстуальность понимается как наличие в тексте элементов других текстов, созданных раньше. Одним из основных понятий интертекстуальности является цитата, литературная реминисценция, некий знак из «чужого» текста.

Именно вокруг цитаты (прецедентного текста, интертекста), её характера и роли в тексте идёт дискуссия. Если Ю. Н. Караулов понимает под цитатой (прецедентным текстом) всякое явление культуры, хрестоматийно известное всем (или почти всем) носителям данного языка, «включая предшественников и современников» [3, с. 216-217], то Р. Барт считает, что «текст… образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читаных цитат, цитат без кавычек» [1, с. 418].

Другими словами, цитаты в тексте, по мнению одних, как правило, известны большинству «средних читателей», по мнению других – не всегда осознаются даже самими пишущими. По-видимому, здесь многое зависит от характера этих цитат: одни из них более, другие менее популярны, одни долговечны, другие быстро забываются. Так цитата «Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь» легко узнаваема большинством читателей в другом контексте, несмотря на то, что ей без малого 200 лет. В то же время рекламная фраза «Храбрость ковбоев Хаггис известна всем», ещё пять лет назад действительно известная всем и даже включённая в детектив А. Марининой как реплика на самоуверенное заявление одного из персонажей, в ближайшее время, скорее всего, будет забытой и непонятной читателям без соответствующего комментария.

Термин «цитата» многими исследователями текста трактуется расширительно. Так Ю. Н. Караулов к числу «прецедентных текстов» относит также «театральные спектакли, кино, телепрограммы, песни, анекдоты, живописные полотна, скульптуру, памятники архитектуры, музыкальные произведения» и т. п. И сама цитата в тексте может использоваться полностью или частично, в функции цитаты может выступать и одно слово и вообще «любой знак из чужого текста или другой знаковой системы» [5, с. 297]. Так употребление в тексте первой части пословицы «Чем дальше в лес…» вполне достаточно для понимания всего цитируемого высказывания, а использование в каком-либо тексте имени Отелло в переносном значении отсылает читателя к трагедии У. Шекспира.

В «Реквиеме» А. А. Ахматовой в первом стихотворении, датированном мартом 1940г. и озаглавленном как «Посвящение», ассоциации возникают в связи с ритмом:

Перед этим горем гнутся горы,
Не течёт великая река,

Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.

Первые три строчки каждого куплета удивительно совпадают по размеру с популярнейшей песней того времени «Широка страна моя родная», написанной в мажорных тонах и являющейся своеобразным гимном СССР. Вряд ли это совпадение можно считать случайным, поскольку в обоих текстах фигурируют перекликающиеся словосочетания: «Не течёт великая река» - «Словно Волга полная течёт»; «Для кого-то веет ветер свежий» - «Над Москвой весенний ветер веет» и др., оставляя в стороне вопрос психологии художественного творчества А. А. Ахматовой и степени намеренности автора использовать элементы чужого текста в своём произведении, мы можем лишь констатировать, что данное стихотворение представляет собой полемику с официальной пропагандой, отражаемой в популярной песне.

Другим примером использования чужой просодико-метрической системы (т.е. элементов другого теста) в русском стихосложении может служить поэма А. С. Пушкина «Домик в Коломне». В 30-е годы XIX века в русской литературе шли ожесточённые споры о возможности применения октавы (т. е. сдвоенных катренов – стихов из 8 строк, написанных пятистопным ямбом) в отечественной версификации. Пушкин вмешался в эту дискуссию своеобразным способом. Предыдущие его поэмы были написаны четырёхстопным ямбом (Бахчисарайский фонтан, Полтава и др.). Поэма «Домик в Коломне» начинается с рассуждения поэта о стихотворчестве:

Четырёхстопный ямб мне надоел:
Им пишет всякий. Мальчикам в забаву
Пора б его оставить. Я хотел
Давным-давно приняться за октаву.

Достаточно сравнить с «Божественной комедией» Данте (переведённой М.Л. Лозинским в 1945г.):

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины… ,

чтобы понять, что поэт перенёс итальянскую октаву на русскую почву. Предпослав 12 октав рассуждений о стихах, в остальных поэт излагает банальную бытовую историю о том, как молодая девица и её кавалер одурачили старую маменьку. Октава привилась в русском стихосложении, а пятистопный ямб широко использовался в последующей литературе. (Например, как в высказываниях героя И. Ильфа и Е. Петрова Васисуалия Лоханкина, так и в песне предвоенных лет «Гремя огнём, сверкая блеском стали»).

Теория интертекстуальности ставит перед последователями ряд воп-

росов, ответы на которые необходимо искать, несмотря на анонимность и неуловимость уже читанных цитат, «цитат без кавычек» (Р. Барт) и на «различные уровни (и их глубину) понимания одного и того же текста различными читателями и множественность (до непримиримости) его интерпретаций» (У.Эко).

Первый вопрос: все ли тексты обладают интертекстуальностью? Другими словами, во всех ли текстах можно проследить наличие «прецедентных текстов»? Многие лингвисты разделяют понятия «текст» и «дискурс». Под дискурсом понимается «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами… Поэтому термин «дискурс» в отличие от термина «текст» не применяется к древним и другим текстам, связь которых с живой жизнью не восстанавливается непосредственно» [ЛЭС, 1990: 136-137]. Таким образом, «Слово о полку Игореве», связь которого с предшествующей литературой восстановить затруднительно по причине малого числа предшествующих письменных памятников, следует отнести к тексту, а не к дискурсу. Более того, «если произведение не обладет интертекстуальностью, оно не имеет шансов войти в литературу» [5, с. 299], то «Слово» не следует считать литературой? В то же время Уголовный кодекс РФ, который несомненно имеет связь с аналогичными юридическими документами от кодекса Наполеона до законов Хаммурапи, является дискурсом и входит в состав литературы? Пародии обладают интертекстуальностью, поскольку они не могут существовать без пародируемого произведения, так же как и публицистика с её штампами, отсылающими читателя к предшествующим текстам. Значит, пародии и публицистика относятся к литературе? А «Теогомния» Гисида и басни Эзопа, не имеющие прецедентных текстов, к литературе не относятся?

Если интертекстуальность – это «ссылка на иной текст, который отыскивается (в том числе и) в творчестве этого же автора…» [5, с.296], то возникает другой вопрос: считать ли интертекстуальностью ссылку автора на самого себя в пределах одного произведения? Является ли интертекстом так называемый лейтмотив, т. е. неоднократные повторения какой-либо фразы или образа, которые служат для связи (когезии) элементов одного произведения, как цитата из предшествующего произведения автора служит связующим звеном его творчества? Так в романе Р. Роллана «Жан-Кристоф» образ водной стихии, в частности Рейна, на берегах которого прошла жизнь великого композитора, регулярно повторяется на протяжении всего довольно объёмного романа. Этот приём является важным композиционным средством построения романа, при помощи которого автор отсылает читателя из середины или конца романа к его началу. Этот образ водной стихии объединяет два важнейших романа Р. Роллана: «Жан-Кристоф» и «Очарованная душа» [4, с.257]. Один и тот же приём (лейтмотив), связывая два романа, относится к интертекстуальности, а

относится ли он к ней, если связывает главы одного романа?

Подобную образную связь мы можем увидеть и в более коротких произведениях. Например, в очерке XIX века В. Толбина «Ярославцы» находим: «Везде вы встретите людей, у которых всё говорит и всё вертится, как будто они наполнены *ртутью*…» и ниже: «… он рвётся туда, где ещё более жизни для него *ртутной* крови…». То же можно увидеть у Д. Григоровича в очерке «Петербургские шарманщики»: «Один из них высокий мужчина *флегматической* наружности…». «*Флегматический* носитель шарманки успел уже уставить…». Во втором примере слово «флегматический » бесспорно является связующим звеном между очерком Д. Григоровича и жанром так называемого физиологического очерка XIX века, где слова сферы психологии, биологии, медицины, френологии, физиогномики и т. п. являются «ключевыми». Здесь вопрос ставится таким образом: можно ли считать повторяющийся эпитет «флегматический» (или «ртутный») интертекстуальным элементом, если его цитирование осуществляется в пределах одного текста? Если нельзя, то почему? Если можно, то чем этот элемент интертекста отличается от уже устоявшегося термина «повтор», который, как известно, является основным принципом организации любого текста?

Ответов на поставленные и многие другие вопросы пока нет. Поэтому понятие «интертекстуальность», которое, несомненно, очень много даёт исследователям для более глубокого понимания текста, вряд ли можно считать «универсальной отмычкой» для их интерпретации. Очевидно, необходимо построение общей типологии дискурсов (Тодоров) или речевых жанров (Бахтин), где роль текстовых категорий, в том числе и интертекстуальность, будет более чётко определена.

Список литературы

1. *Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. -М., 1989.*
2. *Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера, история. -М., 1996.*
3. *Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. -М., 1987.*
4. *Эткинд Е. Г. Семинарий по французской стилистике. Проза. -Л., 1960.*
5. *Бабенко П. Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. -М., 2003.*

А.А. Просекова

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ НАПРЯЖЕННОСТИ В ТЕКСТЕ ДЕТЕКТИВНОГО РАССКАЗА

(на материале рассказа Г.К.Честертона “THE DOOM OF THE DARNAWAYS”)

Автор, создавая художественное произведение, ориентируется на читателя, на его когнитивную модель мира, поскольку решающее значение для восприятия этого произведения будет иметь социальное бытие, жизненный опыт, кругозор и т.п. читателя. Для адекватного восприятия текста необходимо, по крайней мере, одно условие: текст должен быть прочитан, а это выполнимо в том случае, если автор сможет заинтересовать читателя излагаемыми событиями.

Создание читательского интереса и поддержание его на протяжении всего повествования связано с функционированием категории напряженности в тексте. Как полагает З.Я. Тураева, «категории теста отражают его наиболее общие и существенные признаки и представляют собой ступеньки в познании его онтологических, гносеологических и структурных признаков» [2, с.80]. Специалисты называют ряд текстообразующих категорий, как-то: художественное пространство и время, модальность, информативность и т.д.

Однако для детективного рассказа наиболее значимой нам представляется именно категория напряженности, которая функционирует в тексте благодаря особой организации лингвистических и экстралингвистических средств, направленной на формирование читательского интереса к тексту. В основе категории напряженности лежит конфликт. Участниками художественного конфликта становятся персонажи литературного произведения. В зависимости от характера конфликта (сюжетный, психологический, семантический и т.д.) в тексте действует сюжетная, эмоциональная, глубинная и другие виды напряженности. Таким образом, «категория напряженности представляет собой некий коммуникативно-содержательный инвариант, представленный в конкретном тексте в виде вариантов, каждый из которых реализуется с помощью системы разноуровневых элементов» [3, с. 152].

Обратимся к фактическому материалу и рассмотрим функционирование категории напряженности в рассказе “The Doom of the Darnaways”.

Любому литературно-художественному произведению свойственно так называемое *коммуникативно-познавательное напряжение* [3, с. 170]. Уже после прочтения заглавия произведения возникает желание понять,

почему оно так названо. «Заглавие является неким ключом к пониманию произведения, но для этого необходима полная семантизация заглавия, а это возможно лишь по прочтении текста, т.е. только тогда, когда осуществляется интеграция заглавия текстом» [2, с.52]. Для детектива роль заглавия особенно важна: во-первых, она заключается в том, чтобы привлечь внимание читателя, вызвать интерес к произведению (функция рекламы), а во-вторых, в том, чтобы «запутать» читателя, увести его от разгадки. У. Эко отмечает: «Название, к несчастью, само по себе является ключом к пониманию» [6, с. 2], а для автора детектива недопустимо позволить читателю преуспеть в решении задачи раньше, чем того захочет сам автор, поэтому заглавие, по мнению У. Эко, призвано дезориентировать читателя, одновременно стимулируя его интерес: «название должно запутывать мысли читателя, а не организовывать их» [6, с. 3].

Здесь действует так называемый *принцип обманутого ожидания*[1, с. 69]. Суть его состоит в следующем: линейность речи означает, что появление каждого отдельного элемента подготовлено предшествующим и само подготавливает последующие. При такой связи переходы от одного элемента к другому малозаметны. Однако, если в речевой цепи появляется элемент неожиданный, непредсказуемый, на нем заостряется внимание читателя. Для детектива роль данного явления чрезвычайно важна, поскольку для автора обязательным является сделать финал непредсказуемым; этого требуют законы жанра. Принцип обманутого ожидания лежит в основе второй функции заглавия – предотвратить преждевременную разгадку.

Что касается заглавия рассматриваемого нами рассказа, оно выполняет обе вышеуказанные функции. Семантика слова «doom» предполагает некую напряженность, стилистически данное слово не является нейтральным, поскольку несет эмоциональную нагрузку, а в сочетании с именем собственным (в данном случае – названием древнего рода) создает у читателя представление о чем-то таинственном, непостижимом, неизбежном и ужасном, порождая массу предположений о содержании рассказа и призывая выяснить смысл заглавия.

Таким образом, создается читательский интерес, т.е. реализуется первая важнейшая функция заглавия.

С другой стороны, читатель, поверивший в то, что виной всему злой рок, тяготеющий над старинным родом, и умело убеждаемый автором на протяжении всего рассказа в достоверности этого предположения, лишь в конце рассказа понимает, что, введенный в заблуждение заглавием, с самого начала шел по неверному пути, и никакого «проклятия» никогда не существовало, а трагедия была тщательно продумана и мастерски разыграна умным и жестоким человеком.

Таким образом, коммуникативно-познавательное напряжение, созданное заглавием, остается до конца чтения. С первых абзацев начинается

описание замка, в котором впоследствии произойдет преступление. С целью создать атмосферу таинственности, мрачности автор привлекает целый ряд стилистических приемов: метафоры (“old shell”, “weedy old den of superstitions” – о замке; “the ragged outlines of a ruin, *pierced* by so many wide windows and large rents…” – о верхнем этаже замка; “the Darnaways all *went to sleep* a few centuries ago” и т.д.), сравнения (“[the Darnaways] have to live in the lower rooms of a ruin, like bats and owls”; “a very low – browed Tudor archway standing open but dark, like a cave”; “the great black ebony clock that looked like a titanic coffin” и т.д.); эпитеты (“blind windows”, “dead elegance”, “gloomy antiquity”, “melancholy place”, “dim figures” и т.д.). Кроме того, чтобы обозначить древность рода Дарнуэев и их фамильного замка, автор прямо или косвенно указывает на различные исторические эпохи, с которыми связаны те или иные события из жизни рода Дарнуэев: the Wars of the Roses; under Henry VII and Henry VIII; under the Georges; Tudor archway (имеется в виду время господства архитектурного стиля); Holbein (подразумеваются годы жизни и творчества художника).

Таким образом, создается атмосфера древности, запустения, уныния, разрухи. На этом отрезке рассказа пока еще очень мало слов, в семантической структуре которых доминирующее положение занимает признак, совпадающий с понятием “tension”, т.е. напряженность выражается преимущественно имплицитно. Само по себе знакомство читателя с действующими лицами, местом действия разрешает коммуникативно-познавательное напряжение, но вместе с тем заставляет задаваться новыми вопросами, создавая интерес к дальнейшему развитию действия. Большое значение для поддержания динамики повествования на начальном этапе имеют синтаксические стилистические приемы, в частности, повторы. Местный художник Мартин Вуд, рассказывая своему приезжему другу Гарри Пейну о прекрасных портретах из замка, заостряет внимание на одном из них: “There’s one of them especially, and one of the earliest, but it’s so good that it gives you the creeps”.

“The whole place gives you the creeps, I should think by the look of it”, replied Payne.

Из отрывка следует, во-первых, что портрет, о котором говорит Вуд, чем-то выделяется из числа остальных (в чем читатель убеждается несколько позже), а во-вторых, повтор фразы «gives you the creeps» довершает уже сложившееся у читателя мрачное представление об описываемой местности.

Мысль об отрешенности и покорности року обитателей замка внушает читателю высказывание доктора Барнета, содержащее анафору: “They don’t think in this weedy old den of superstitions; they only dream and drift”.

Многократное повторение слов “old”, “ruin” позволяет отнести данные слова к разряду тематических в анализируемом рассказе. Компонен-

тный анализ помогает выявить и другие лексические единицы, связанные с тематическими словами оттенками значения “shabby, lifeless”: “dark”, “pale”, “melancholy”, “gloomy” и др. Таким образом, можно говорить о функционировании в рассказе тематического поля “desolation”, отражающего идею запущенности, безжизненности.

Коммуникативно-познавательное напряжение развивается динамично и непрерывно: любая новая информация, давая ответы на одни вопросы, ставит перед читателем другие. Следовательно, роль создания интереса к тексту в зачине рассказа всецело принадлежит коммуникативно-познавательному напряжению.

Дальнейшее повествование можно условно разделить на несколько частей, в каждой из которых действие развивается в различных временных рамках. В основу каждого эпизода положен отдельный конфликт. С начала развития конфликта в каждой новой части, наряду с коммуникативно-познавательным напряжением, начинает действовать так называемая *ситуативная напряженность* [4, с. 171]. Проследим функционирование данного явления в первой части рассказа, в которой Пейн знакомится с обитателями замка и с их фамильным проклятием.

Нарастание напряженности происходит стремительно вместе с развитием сюжета. Пейн узнает о давнем соглашении, по которому хозяйка замка, мисс Дарнуэй, должна выйти замуж за своего родственника из Австралии, чьего приезда в замке уже ожидают.

Попав в замок, Пейн испытывает еще более гнетущие чувства, чем снаружи. Кругом царит запустение; это передается с помощью многочисленных эпитетов: “the one pale gleam of natural light”, “dusty bookshelves”, “dim figures”, “the dim room”, “the gray light”, “gloomy antiquity”, “indistinct and melancholy things” и т.д. Обитатели замка напоминают призраков, что следует из сравнений: «all three dressed in black and looking like dark shadows»; “he [the steward] showed a face that looked almost as grey as its frame of hair ” и т.д.

Затем Вуд ведет Пейна в галерею и показывает тот самый портрет, о котором речь уже шла в начале рассказа, а также сообщает Пейну о проклятии, связанном с портретом, и о том, что предполагаемый жених хозяйки замка, будучи родственником в седьмом поколении, должен стать жертвой этого проклятия. Напряжение достигает наивысшего накала, когда в доме появляется приехавший родственник и все с ужасом отмечают, что молодой Дарнуэй как две капли воды похож на человека с портрета: : “A new sort of irony, more like the Greek irony, began to pass over Payne’s mind. He had dreamed of the stranger as a devil, but it seemed almost worse that he was an unconscious destiny. He seemed to march towards crime with the monstrous innocence of Ьdipus. He had approached the family mansion in so blindly buoyant a spirit as to have set up his camera to photograph his first sight of it; and even the camera had taken on the semblance of the tripod

of a tragic pythoness". Высокая степень напряжения передана с помощью конвергенции, создаваемой целым набором стилистических приемов: 1) повтор (irony (эпифора), he (анафора)); 2) экспрессивные эпитеты: "monstrous", "unconscious", "so blindly buoyant" , "tragic "; 3) метафора ("he was an unconscious destiny", "he seemed to march towards crime"); 4) ритмичность; 5) аллюзия (OEdipus; the tripod of a tragic pythoness); 6) аллитерация (многократный повтор звуков [s], [z] создает эффект зловещего шипения). В совокупности все эти приемы производят очень сильное впечатление, заставляя читателя поверить в неизбежность грядущей трагедии.

Напряжение в этой части разрешается лишь частично (Пейн покидает мрачный замок и выходит к морю на свежий ночной воздух); конфликт не исчерпан, он просто временно вытесняется на второй план новым конфликтом (ссора Пейна с доктором). С момента начала функционирования ситуативной напряженности роль коммуникативно-познавательного напряжения снижается, читательский интерес на протяжении всего эпизода поддерживается за счет ситуативной напряженности. С разрешением ситуативной напряженности коммуникативно-познавательное напряжение не снимается полностью, поскольку рассказ не окончен, читатель ждет развязки событий.

В последующих эпизодах рассказа схема и характер действия обоих видов напряженности повторяется, т.е. коммуникативно-познавательное напряжение отходит на второй план с развитием ситуативной напряженности и активизируется вновь после ее разрешения. Нельзя не отметить, что ситуативная напряженность выражается богатым арсеналом стилистических приемов и выразительных средств, причем приемы эти чрезвычайно разнообразны. Так, в одном из эпизодов рассказа мы находим яркий пример синтаксической конвергенции. Пейн, влюбленный в мисс Дарнуэй, пытается выяснить у Вуда, почему ее жених никак не заводит разговор о помолвке. Вуд отвечает: "… if you ask me, I'll tell you what I think. I think he's afraid".

"Afraid of being refused?" asked Payne.

"No, afraid of being accepted", answered the other. "Don't bite my head off – I don't mean afraid of the lady. I mean afraid of the picture."

"Afraid of the picture!" repeated Payne.

"I mean afraid of the curse", said Wood.

Синтаксическая конвергенция, содержащая различные виды повторов (подхват, анафора), эллиптические предложения, приобретает важное стилистическое значение, выражая высокую степень напряжения. Для выражения напряжения, волнения героев зачастую используется умолчание и апозиопезис. Рассмотрим примеры. Обитатели и гости замка, собравшись, обсуждают ситуацию, пытаясь выяснить, насколько реальна угроза, содержащаяся в проклятии. Пейн пытается всех успокоить: "Well,

the coincidences are curious, I admit, “he said, rather forcing a note of cheerfulness”; but surely we – “and then he stopped as if he had been struck by lightning. For Darnaway had turned his head sharply over his shoulder at the interruption, <…> and for an instant the face of the portrait glared at him with a ghastly exaggeration of exactitude” . Данный пример иллюстрирует явление апозиопезиса. Пейн не в силах закончить свою мысль, поскольку он поражен и напуган невероятным сходством Дарнуэя с роковым портретом.

В следующем эпизоде мы находим пример умолчания. Мисс Дарнуэй беседует с Пейном: “Father Brown is a wonderful person”, she said after a pause, “He was the only person who ever brightened my existence in any way at all until…”

“Until what?” asked Payne, and made a movement almost impetuous, leaning towards her and thrusting away the bronze monster so that it seemed to rock on its pedestal.

“Well, until you did,” she said and smiled again”.

Очевидно, что девушка намеренно замолчала, предоставляя молодому человеку самому догадаться о недосказанном. Однако, видя его порыв, девушка закончила фразу, столь приятную для Пейна.

Проанализировав пример, можно заключить, что умолчание и апозиопезис помогают понять эмоциональное состояние героев, оценить их взаимоотношения, а также участвуют в создании напряжения, вызывая желание узнать, чем вызван обрыв высказывания. Таким образом, для выражения ситуативной напряженности используется большое число разнообразных стилистических приемов.

Анализируя напряженность, необходимо отметить, что, если на начальном отрезке рассказа преобладали слова, принадлежащие семантическому полю “desolation”, то с развитием конфликта в тексте появляются лексические единицы, которые по тому или иному семантическому признаку могут быть отнесены к семантическому полю “tension”: “depressed”, “start”, “startle”, “hard”, “woe”, “creepy”, “dreadful”, “unnerving”, “pressure”, “storm”, “catastrophe”, “thrill”, “paralysis” и т.д. С развитием действия увеличивается и число подобных лексических единиц. А поскольку им на протяжении всего рассказа сопутствуют составляющие поля “desolation”, под влиянием контекста последние приобретают некоторые признаки, позволяющие им быть включенными в семантическое поле “tension”. Таким образом, лексические единицы одного семантического поля могут интегрироваться в другое поле на основе контекстуальных словозначений, а также на основе ассоциативных связей тематических слов со словами, выражающими понятие напряженности. Следовательно, в создании напряженности участвуют не только единицы семантического поля “tension”, но также и единицы, интегрированные в это поле из других семантических полей.

Итак, в художественном произведении функционируют как минимум два вида напряженности: коммуникативно-познавательная и ситуативная. Коммуникативно-познавательное напряжение связано с обменом информацией, с актом коммуникации в целом; оно возникает в тексте автоматически, независимо от желания автора.

В основе ситуативной напряженности находится конфликт, выбранный автором. От автора зависит острота изображения конфликта и, следовательно, степень напряженности в тексте. Ситуативная напряженность обусловлена прагматической установкой автора, темой, композицией и семантикой художественного произведения.

Разрешение ситуативной напряженности, так же как и разрешение коммуникативно-познавательного напряжения, сопряжено с ожиданием информации, которая удовлетворит этот интерес. Но коммуникативно-познавательное напряжение может разрешить любая новая информация, а для разрешения ситуативной напряженности необходима информация, которая своим содержанием исчерпывает конфликт, изображенный в тексте.

Анализ языкового материала позволяет утверждать, что главную роль в создании читательского интереса играет ситуативная напряженность: об этом говорит многообразие средств, выражающих ее в тексте, среди которых большинство содержит эмоциональный и экспрессивный компонент. Степень ситуативной напряженности зависит и от организации этих средств: пик напряженности, как показывает анализ, сопровождается стилистической конвергенцией. Коммуникативно-познавательное напряжение, напротив, не зависит от характера средств, участвующих в актуализации.

Таким образом, оба вида напряженности участвуют в создании читательского интереса и влияют на восприятие произведения, но степень их влияния различна в силу ряда особенностей данных явлений.

Список литературы

1. *Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования): Учебное пособие для студентов пед. ин - тов по спец. 2103 «Иностр. яз.». - 2-е изд., перераб. – Л.: Просвещение, 1981.*
2. *Тураева З.Я. Лингвистика текста. – М.: Просвещение, 1986.*
3. *Юдина Т.В. Лексические средства категории напряженности // Современные проблемы теории языка. – СПб.:Изд-во РГПУ, 2000.*
4. *Юдина Т.В. Роль напряженности в восприятии текста // Лингвостилистика и прагматика текста (№ 5). – СПб.: Тест – Принт, 1997.*
5. *Chesterton G.K. Selected stories. – Moscow: Progress Publishers, 1971.*
6. *Eco U. Postscript to “The Name of the rose”. – Copyright, 1994. Reed Business Information, Inc.*

Р.П. Сысуева

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ РЕВИЗСКИХ СКАЗОК 1816 ГОДА ГОРОДА КУРГАНА

В XVIII-XIX вв. в России проводились переписи населения, подлежащего подушному обложению. В результате переписи или ревизии составлялись ревизские сказки во многих губерниях (слово *сказка* имело значение список, реестр).

Ревизские сказки являются важным историко-лингвистическим источником, позволяющим, наряду с другими деловыми документами этого времени, судить о роли деловой письменности в формировании общенациональных норм русского языка определенного хронологического среза. Писались они скорописью, по официальному стандарту. Однако в них обнаруживаются и черты народно-разговорной, диалектной речи, обусловленные правописной культурой местных писцов.

В Государственном архиве Курганской области хранятся ревизские сказки под общим названием «Ревижская скаска 1816 года июля 31 дня Тобольской Губерніи Города Кургана» (фонд И-8, опись 1, дело 2, 45 л.). Нами она скопирована современными буквами (с сохранением некоторых дореволюционных, важных для филологического исследования). Этот источник по истории русского языка не изучался и не издавался. В деле находим ревизские сказки о купцах, мещанах, мещанах из купцов, из числа следовавших за Байкал на поселение, из военнопленных поляков, из цеховых (*цех* в XIX веке – городская организация ремесленников одной профессии), посельщиков (не коренных жителей, переселенцев). В ревизских сказках называются имена, фамилии мещан, указываются их возраст, откуда и когда прибыл (или убыл), перечисляются члены семей (дети, внуки, родственники, свойственники). Сказку заключают «Перечневая ведомость о состоящих въ городЕ КурганЕ купцахъ мещанахъ и цеховыхъ в подушном окладЕ и не во ономъ изъ военно пленныхъ полякъ равно перечисленныхъ за байкалъ в мещанЕ и не положенныхъ в цеховые в окладъ поселщиков» (л. 45).

При засвидетельствовании сказок указано: «подлинныя скаски въ ревижскую коммисію подавали и подписомъ утвердили ратманы Иванъ Корсаковъ Федоръ Васильевъ городовой староста Иванъ Шалабановъ по безграмотству приложилъ печать» (л. 45).

Ревизские сказки дают возможность судить об **антропонимике**, подтверждая, что в рассматриваемый период в русском языке была обычной трехчленная антропонимическая система. В частности, главы семей имеют обязательное трехчленное имя (Дмитрій АлексЕевъ Черныхъ, 8 об; Иванъ Яковлевъ Шалабановъ, 6 об), в обозначении других членов семьи находим двучленное имя (Ивана Яковлева сынъ Дмитрій, 6 об; Ивана Яковлева жена Авдотья, 6 об).

В текстах отмечаем особенности в **родовой характеристике личных имен собственных мужского рода** на -о и их склонении. Самым частотным является имя Михайло (12 словоупотреблений) – Михайла (1 раз). Другие имена: Гаврило, Данило – Данила (по 1 разу), Ивойло. Имея окончание -о, они, однако, склоняются как существительные женского рода: Михайлы Егорова жена Варвара, 12 об.; Ивойлы Никитина жена Парасковья, 17 об; Данилы Иванова жена Анна, 42. Преобладание косвенных падежей по женскому роду – севернорусская диалектная черта, единичная форма по мужскому роду – влияние южновеликорусского наречия. Возможно, его носителем был писец, отразивший и другие южновеликорусские черты, в частности иканье (мачиха).

Широко представлена в сказках тематическая группа **наименований родства**: брат, брат родной, двоюродный, сводный, дочь, мать, отец, дети, внук, незаконнорожденный, внука (ж. р.), внучка, сынъ, дЕдъ, пасынокъ, падчерица, сестра, тетка, бабка, племянник, племянница, тесть, зять, свояк, свояченица, шурин, деверь, свекор, жена, сноха, мачеха, теща.

В текстах получило отражение наименование приемных детей, взятых на воспитание: пріемышъ ево Наталья Иванова, 7; его же пріемыши девки Анна Софья, 21.

Ревизские сказки хорошо представляют прошлое состояние **терминологии свойства`** (отношения по женитьбе). Сейчас редки в общем употреблении такие наименования, как шурин (брат жены), тесть (отец жены), свояк (муж жениной сестры), деверь (брат мужа). Они заменяются описательными названиями. Как устарелое отмечается в толковом словаре наименование внука (ж. р.).

Поскольку лица в ревизских сказках характеризовались и в социальном плане, отмечаем тематическую группу **наименований социальной терминологии**: поступил изъ государственныхъ крестьянъ, 1 об; мещанЕ, 1 об; состоитъ в... купеческомъ званіи, 3 об; рекрутъ, 10 об; причисленъ... изъ уволенныхъ от рабства, 32 об; причисленъ... изъ... дворовыхъ людей, 33 об; причисленъ... изъ военнопленныхъ, 37 об; причислены... изъ цыганъ и посельщиковъ, 41; оставалса во ономъ званіи, 2 об; сосланъ на поселеніе, 20 об; изъ дворовыхъ людей, 33 об.

В ревизских сказках отражены названия **территориально-административных единиц**: Тобольской губернии города Кургана, 1 об; Курганской округи Утяцкой волости, 1; Смолинской волости, 2; города Тюмени, 2; Тобольской казенной полаты, 4; въ Тюменскую губернію, 18; в волость Иковскую, 37.

Перспективны ревизские сказки и в плане фонетических исследований, словообразования и в области морфологии. В них отражаются книжные и частично разговорные черты русского языка. Они датированы, локализованы, являются надежным источником по истории русского языка. В целом их язык не выходит за пределы литературных норм.

Е.В. Березина

КУЛЬТУРОВЕДЕНИЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Последние годы прошлого столетия кардинально изменили социокультурный контекст изучения языков в России. Мысль о необходимости культуроведческого образования средствами иностранного языка начинает приобретать аксиоматичное звучание.

Прежде всего, рассмотрим различие между культуроведением как одной из областей культурологического знания и культуроведением как теоретико-прикладной областью языковой педагогики. Если рассматривать культуроведение как одну из культурологических наук, то эта область научного знания на контрастивно- сопоставительной основе изучает:

- образ жизни стран (нормы, традиции и обычаи);
- социокультурный портрет стран, их народов и языков;
- ценностно-смысловые аспекты духовной, физической и материальной культуры соизучаемых сообществ;
- социокультурные аспекты коммуникативного поведения членов культурного сообщества;
- социокультурные нормы поведения в условиях межкультурной коммуникации.

Однако если говорить о культуроведении как о теоретико-прикладной области в сфере языковой педагогики, то оно, по мнению В.В. Сафоновой, приобретает целый ряд социально-педагогических функций [7, с.50].

во-первых, оно изучает общетеоретические основы развития поликультурной языковой личности обучаемого в процессе изучения языков, культур и цивилизаций;

во-вторых, оно сконцентрировано на ценностно-ориентационном содержании культуроведческого образования;

в-третьих, оно призвано определять принципы культуроведческого образования;

в-четвертых, на него ложится обязанность обратиться к проблемам отбора культуроведческого материала для учебных целей.

Говоря о задачах культуроведческого образования средствами иностранного языка, представляется уместным в их число включить такие задачи как:

- развитие культуры восприятия современного многоязычного мира;

- комплексное билингвистическое и поликультурное развитие языковой личности обучаемых;

- развитие у обучаемых полифункциональной социокультурной компетенции, помогающей им ориентироваться в изучаемых типах культур и соотносимых с ними норм общения, в стратегиях социокультурного поиска в незнакомых культурных сообществах, в выборе культурно приемлемых форм взаимодействия с людьми в условиях современного культурного общения и др.

Методические исследования в области социокультуралистики, проведенные В.В. Сафоновой, Л.Г. Кузьминой, П.В.Сысоевым, создают основу для разработки учебной литературы по культуроведению изучаемых стран и культурных сообществ [8, с.20], [6, с.15], [9, с.20]. Необходимо четко осознавать, насколько те или иные культуроведческие знания и умения, которыми овладевает обучаемый при изучении иностранных языков, могут реально способствовать обогащению его социокультурного мировидения и подготовить его к межкультурному общению. Однако, культуроведческое образование, по мнению В.В. Сафоновой, «может быть эффективно лишь в том случае, если этот тип образования осуществляется с учетом таких принципов, как принцип дидактической культуросообразности, принцип диалога культур и цивилизаций, принцип доминирования методически приемлемых проблемных культуроведческих заданий» [8, с.20].

Согласно принципу дидактической культуросообразности при отборе фактов, событий и фактов культуры следует:

- определить ценностный смысл отбираемых материалов для формирования у обучаемых неискаженных представлений об истории и культуре народов;

- понять, в какой степени данный материал может служить стимулом для ознакомления;

- прогнозировать опасности насаждения искаженных культурных воззрений в учебной аудитории;

- задуматься о целесообразности использования конкретного материала с учетом возрастных особенностей и интеллектуального потенциала обучаемых.

Принцип диалога культур и цивилизаций обращает внимание педагогов на необходимость анализа культуроведческого аутентичного материала с точки зрения потенциальных возможностей его использования при моделировании в учебной аудитории такого культурного пространства, погружение в которое строится по принципу расширяющихся культур и цивилизаций (от этнических к цивилизационным пластам и их отражению в мировой культуре). Принцип предполагает также использование культуроведческого материала о родной стране, что позволяет студентам раз-

вивать представления о своей культуре на ИЯ в иноязычной среде.

Следование принципу доминирования проблемных культуроведческих заданий ориентирует на построение такой методической модели, при которой студенты в процессе решения серии усложняющихся культуроведческих задач:

- тренируются в сборе, систематизации, обобщении и интерпретации культуроведческой информации;
- развивают поликультурную коммуникативную компетенцию, помогающую им ориентироваться в типах культур и цивилизаций, в стратегиях социокультурного поиска в абсолютно незнакомых культурных сообществах, в выборе форм взаимодействия с людьми;
- участвуют в творческих работах, культуроведческого и коммуникативно-познавательного характера.

Изучение культурного пространства моделируется с помощью современной учебной литературы по иностранным языкам. Кроме позитивных тенденций в развитии российского языкового рынка в нашей стране нельзя отрицать тот факт, что он пока перенасыщен учебной литературой, для которой могут быть характерны и такие характеристики как:

- погружение обучаемых в мир культурных стереотипов, многие из которых формируют у них искаженные представления о культурном сообществе;
- отсутствие какой-либо ориентировки и опоры на родную культуру, в результате собственное культурное сообщество как бы становится дидактическим изгоем в условиях иноязычного общения.

В последние годы широкое распространение приобретает коммуникативный подход, который, по мнению многих исследователей, способен подготовить учащихся к спонтанному общению на иностранном языке. При этом особая роль отводится социокультурному компоненту содержания обучения. С развитием и распространением коммуникативного подхода к обучению иностранным языкам значительно больше внимания стало уделяться использованию языка в определенных социальных и культурных ситуациях. Известные западные модели коммуникативной компетенции рассматривают социокультурный компонент как вспомогательный социолингвистической компетенции. Так, знание норм поведения, ценностей, правил общения необходимо для выбора речевого регистра. Например, считается, что культурная компетенция поможет студентам определить, в какой ситуации они могут использовать How are you doing, sir? , а в какой What's up dude?, здороваясь с собеседником. Однако этим вовсе не ограничивается роль культуры в процессе иноязычного общения. Культуроведческая осведомленность необходима для верной интерпретации того, что происходит в конкретной ситуации в инокультурной среде и позволяет говорящим чувствовать себя практически на равных с носителями языка (в отношении культуры), что является шагом

к адекватному владению иностранным языком.

В чем же содержание социокультурного компонента? П.В. Сысоев рассматривает его по трем направлениям: средства социокоммуникации, национальная ментальность и национальное достояние [9, с.20].

В термин «социокоммуникация» автор вкладывает совокупность приемов и средств устной и письменной передачи информации представителями определенной культуры или субкультуры. К ним относятся язык, в который мы включаем специфические различия между существующими в языке вариантами. Например, в лексике (to prepare\to ready, shop\ store, single ticket\one way ticket); грамматике (например, американский вариант английского языка характеризуется преимущественным использованием Past Simple Tense вместо британского Present Perfect Tense); фонетике - различиях в произношении разных штатов. К средствам социокоммуникации относятся язык жестов и невербального общения. К особенностям письменной коммуникации относятся правила написания дат, обращений, адресов, деловых писем.

Под национальной ментальностью П.В. Сысоев понимает способ мышления представителей определенной культуры или субкультуры, который определяет их поведение и ожидание подобного со стороны других.

Под частью национального достояния подразумеваются такие культурные направления, как наука и искусство, история и религия, национальные парки, исторические заповедники. Национальное достояние- это своего рода фон национальных социокультурных знаний-концептов, представляющий культуроведческую ценность.

Социокультурная компетенция, по мнению П.В. Сысоева, может быть достигнута «как результат социокультурного образования на уроках иностранного языка, а также за счет других дисциплин. Дополнительные источники социокультурной информации, такие как литература, средства массовой информации, Интернет, фильмы могут служить существенным дополнением» [9, с.20].

В заключение отметим, что культуроведческие знания, которые студенты получают на уроках иностранного языка, способствуют обогащению их социокультурного мировидения и готовят к межкультурному общению.

Список литературы

1. *Библер В.С. Культура. Диалог культур: Опыт определения// Вопр. философии.-1989.-№6.*
2. *Витлин Ж.Л. Навыки и умения в психологии и методике обучения языкам// Иностр. языки в школе. -1999.-№1.*
3. *Выготский Л.С. Мышление и речь. - М.: Лабиринт, 1996.*
4. *Кавнатская Е.В. Социокультурные аспекты развития умений профессионально-делового общения специалистов в области обучения иностранным языкам: Дис...канд.пед.наук. - М.,1999.*
5. *Кузьмина Л.Г. Социокультурные аспекты развития иноязычной письменной речи*

в послевузовском образовании: Дис... канд.пед.наук. - М.,1998
6. *Кузьмина Л.Г. , Сафонова В.В. Типология социокультурных ошибок в англоязычной письменной речи русских обучеаемых// Иностр. языки в школе. - 1998.- №5,6.*
7. *Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам. - М.: Высш. шк.; Амскорт Интернэшнл,1991.*
8. *Сафонова В.В. Культуроведение в системе языкового образования// Иностр. языки в школе.-2001. - №3.*
9. *Сысоев П.В. Язык и культура: в поисках новых направлений // Иностр. языки в школе.- 2001. - №4.*

Н.Н. Бочегова

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Категория национальной идентичности является одной из ведущих категорий публицистического текста. В качестве яркого примера её объективации рассмотрим сочинение знаменитого американского публициста негритянского происхождения начала XX века Уильяма Дю Буа. Книга под названием «Душа чёрного народа» («The Souls of Black Folk») состоит из 13 эссе и одного короткого рассказа. В названии вербализован концепт души, который, хотя и имеет универсальный прототип, обладает уникальной национально-культурной спецификой, раскрывающей столь же уникальный историко-культурный опыт чёрных американцев.

По мнению издателей, книга представляет собой трогательное повествование о сути афроамериканской народной культуры:

The book as a whole is a moving evocation of black American folk culture and a critical response to the racism and economic subjugation afflicting black Americans at the end of the nineteenth century (2, p. 6).

Книгу называют также политической Библией негритянской расы. Ключевыми концептами всего цикла являются *soul, race, color, black.* Подчёркивая, что главной проблемой американского общества в XX веке будет являться проблема взаимоотношения белого и цветного населения, Дю Буа употребляет слово «color», которое вербализует в данном случае социально-политический концепт первостепенной важности «the problem of the Twenties Century is the problem of the color line». Концепт «black» включает в себя разные характеристики, в том числе, трудно поддающиеся описанию «strange meaning of being black». Замысел книги состоит в том, чтобы донести до читателя американскую трагедию – «провал великой республики» в самом «конкретном испытании» (Декларация Независимости, провозглашающая право на свободу для каждого человека, с одной стороны, и наличие рабовладельческой системы de facto, с другой стороны).

Уникальный характер американского этноса, то, что Дю Буа называет словом «twoness», выражается в следующем ёмком описании особенностей американской культуры, которая впитала в себя значительную часть наследия Чёрного Континента: «work, culture, liberty, — all these we need, not singly but together, not successively but together, each growing and aiding each, and all striving toward that vaster ideal that swims before the Negro people, the ideal of human brotherhood, gained through the unifying ideal of race; the ideal of fostering and developing the traits and talents of the Negro, not in opposition to or contempt for other races, but rather in large conformity to the greater ideals of the American Republic, in order that some day on American soil two world races may give each to each those characteristics both so sadly lack. We the darker ones come even now not altogether empty-handed: there are to-day no truer exponents of the pure human spirit of the Declaration of Independence than the American Negroes; there is no truer American Music but the wild sweet melodies of the Negro slave; the American fairy tales and folk – lore are Indian and African; and, all in all, we black men seem the sole oasis of simple faith and reverence in a dusty desert of dollars and smartness. Will America be poorer if she replace her brutal dyspeptic blundering with light – hearted but determined Negro Humility? or her coarse and cruel wit with loving jovial good – humor? or her vulgar music with the soul of the Sorrow Song? » (2, p.43).

Истоки американской национальной идентичности предстают в работе Дю Буа в образе двух потоков, которые никогда не пересекаются. Белые и чёрные – это чужие люди, но с общей судьбой:

> «... silently, resistlessly. The world about flows by him in two great streams… - then they divide and flow wide apart» (2, p. 144).

Текст книги Дю Буа построен по принципу креолизованного текста, в структурировании которого наряду с вербальными применяются иконические средства (фотография, рисунок, карикатура и др.), а также средства других семиотических кодов (шрифт, цвет).

Е.Е. Анисимова [1], автор работы по исследованию специфики подобных текстов, отмечает, что за последние годы значительно возрос интерес к невербальным средствам письменной коммуникации, информационная ёмкость и прагматический потенциал которых нередко выше, чем у вербальных средств. По её мнению, лингвистика текста всё в большей мере преобразуется в лингвистику семиотически осложнённого текста.

Уникальность цикла эссе Дю Буа состоит в том, что в нём используется двухкомпонентная структура эпиграфов. Каждому эссе предпослано стихотворение одного из известных американских или западноевропейских поэтов (за исключением двух эссе, где эпиграфы взяты из Библии и книги Омара Хайяма) и нотная запись нескольких тактов из различных негритянских духовных песнопений «спиричуэл». Бахтинский принцип полифонии художественного текста демонстрирует себя в полной мере,

соединяя в одном тексте две культурные традиции и подчёркивая своеобразие и уникальность чёрной американской культуры, которая, в силу особенностей национального этоса и исторических обстоятельств, проявилась наиболее ярко именно в форме духовной песни.

Стихи и спиричуэл скомпонованы следующим образом: 1. Артур Саймонз «Плач воды» и спиричуэл «Никто не видел столько бед». 2. Джеймс Рассел Лоуэлл «Кризис нашего времени» — спиричуэл «Бог мой, какое горе!». 3. Лорд Байрон «Путешествие Чайльд Гарольда»(отрывки) и спиричуэл «Встреча в обетованной стране ». 4. Фридрих Шиллер «Орлеанская дева» — спиричуэл «Тёмен мой путь». 5. Джон Гринлиф Витьер «Говард в Атланте» и спиричуэл «Скалы и горы». 6. «Рубайат Омара Хайяма», 44 строфа и спиричуэл «Шагайте вперёд». 7. Песнь Соломона 1.5 – 6 и спиричуэл «Яркий свет на кладбище». 8. Уильям Вон Муди «Брут» и спиричуэл «Дети, придёт ваш час». 9. Элизабет Браунинг «Видение поэтов» и спиричуэл «Я качусь (I am roling)». 10. Фиона Маклеод «Загадочное лицо красоты» и спиричуэл «Пробирайтесь домой». 11. Элджернон Суинбёрн «Итил», последняя строфа и спиричуэл «Надеюсь, моя мать будет там». 12. Лорд Теннисон «Смерть Артура» и спиричуэл «Пролетай низко, колесница». 13. Элизабет Браунинг «Романс Ганга» и спиричуэл «Вы можете похоронить меня на Востоке». 14. Стихи из негритянского спиричуэл «Положите это тело на землю». Музыка из негритянского спиричуэл «Борющийся Иаков».

Состояние рабства, в котором пребывали чёрные американцы в течение долгого времени, не предоставляло возможностей для развития разнообразных видов искусства, поэтому духовное песнопение (спиричуэл) — песня-жалоба, обращённая к Богу, явилась основной эстетической формой выражения национального этоса. Через использование двухкомпонентной структуры эпиграфов Дю Буа создаёт гармонично интегрированную культурную идентичность, подлинное самоосознание, которое является целью его книги. В эпиграфах Дю Буа, а также в последней главе книги безымянные американские рабы и всемирно-известные поэты озвучивают один и тот же Текст Жизни и поют в одной и той же Церкви. Несомненно, тексты книги имеют двойную адресацию – для «посвящённых» и «непосвящённых» — людей одной культуры с автором и «чужих». Для непосвящённых элементы креолизованного текста – нотный стан и расположенные на нём нотные знаки будут представлять собой загадку и сигнализировать об уникальности культурного опыта, заключённого в этих символах. Расположение в сильной позиции свидетельствует о важности заключенной в них информации, а вербальное истолкование смысла музыкальных эпиграфов содержится в основных идеях каждого эссе.

Рассмотрим в качестве контекстуального анализа содержания концепта «soul» последнее, XIV эссе цикла – «The Sorrow Songs». Эпиграфом к нему являются следующие строки из негритянской песни:

«I walk through the churchyard
To lay this body down;
I know moon – rise, I know star – rise;
I walk in the moonlight, I walk in the starlight;
I'll lie in the grave and stretch out my arms,
I'll go to judgment in the evening of the day,
And my soul and thy soul shall meet that day,
When I lay this body down».

Ключевым словом здесь является слово «soul», которое имеет контекстуальные связи с названием всей книги «The Souls of Black Folk», а также с контекстом следующего за ним эссе. В песне фигурируют символы смерти, страшного суда и возрождения как единения душ (and my soul and thy soul shall meet that day).

Ключевые смыслы эссе актуализируются при помощи слов *darkness* - угнетённое состояние и *songs* (sang songs, Sorrow Songs, weird old songs). Автор утверждает, что душа народа выразила себя в этих песнях, которые чёрные американцы пели от переполняющей их сердца скорби (they were weary at heart). Смысл введения креолизованных элементов текста в том, что без усвоения этой формы культуры нельзя полностью понять этос чёрного народа Америки, так как именно через эти песни душа чёрного человека проявляла себя, общаясь с миром (weird old songs in which the soul of the black slave spoke to men). Говоря об особенностях американского национального духа, Дю Буа отмечает в качестве его ведущих качеств энергичность и изобретательность:

Little of beauty has America given the world save the rude grandeur God himself stamped on her bosom; the human spirit in this new world has expressed itself in vigor and ingenuity rather than in beauty (2, p. 48).

Негритянское народное песнопение, которое основано на ритмических выкриках рабов, является единственной аутентичной американской музыкой, которое «проросло» позже в джаз, блюз и современный рэп. Дю Буа называет его уникальным духовным наследием нации (the singular spiritual heritage) и величайшим даром негритянского народа (the greatest gift of the Negro people). Одну из сюжетных линий эссе составляет повествование о первом ансамбле исполнителей негритянских народных песен, который с триумфом объехал многие страны мира, заработав, таким образом, средства на создание университета им. Фиска:

So their songs conquered till they sang across the land and across the sea, before Queen and Kaiser, in Scotland and Ireland, Holland and Switzerland. Seven years they sang, and brought back a hundred and fifty thousand dollars to found Fisk University (2, p.150).

В тексте эссе фигурирует риторический вопрос: «What are these songs and what do they mean?», на который даёт ответ сам автор: они – явно выраженное послание раба миру. Это музыка несчастливого народа, «де-

тей» разочарования; она рассказывает о смерти, страданиях и о невысказанном стремлении к более справедливому миру, о загадочных странствиях и тайных путях. Народная песня соединяет в себе дух нескольких столетий, так как музыка, как правило, бывает гораздо старше слов. Примером тому являются приведённые в тексте мелодия и слова примитивной африканской песни, попавшей на американский континент и впитавшейся в чёрный американский этос на уровне коллективного бессознательного:

The child sang it to his children and they to their children's children, and so two hundred years it has travelled down to us and we sing it to our children, knowing as little as our fathers what its words may mean, but knowing well the meaning of the music. (2, p.188)

Слова песни не расшифровываются, так как они приведены на одном из африканских диалектов, но смысл песни существует в национальном сознании в невербализованном виде и соотносится с появившимся позднее песнопении:

«You may bury me in the East,
You may bury me in the West,
But I'll hear the trumpet sound in that morning».

Слово «morning» в сильной позиции представляет концепт возрождения и являет собой оппозицию слову «bury», репрезентирующему концепт «смерть».

Мы уделили столько внимания анализу американской музыкальной культуры, так как слой концептов, вербализованных в спиричуэл является базовым в концептосфере афроамериканского варианта английского языка. Посредством этих песен душа народа, находящегося в рабстве, общалась с миром. Как и все примитивные этносы, чёрные американцы были неразрывно связаны с природой. Жизнь в спиричуэл представлена в образе бурного и вечноменяющегося океана (rough and rolling sea), пустынная местность (wilderness) – это дом Бога, одинокая тропа (lonesome valley) вела к жизни. Для людей с «тропической» ментальностью образ конца зимы был символом жизни и смерти (winter'll soon be over). Грозовые бури южного побережья внушали им благоговейный ужас; в них слышались голоса то жалобные, то властные:

«My Lord calls me,
He calls me by the thunder,
The trumpet sounds it in my soul».

Концепт монотонного подневольного труда манифестирован во многих песнях: «Dere's no rain to wet you,
Dere's no sun to burn you,
Oh, push along, believer,
I want to go home».

Тройной повтор обращения к богу актуализирует этот концепт:

«O Lord, keep me from sinknig down. »

Злой дух сомнения также присутствует иногда в спиричуэл, но он вербализован снова через лексемы обозначения Бога:

«Jesus is dead and God's gone away».

Однако, духовная жажда, жалоба и зов метафизического превалируют:

«My soul wants some thing that's new, that's new».

Концепт «смерть» в спиричуэл не сопровождается эмоциями страха, о ней говорится просто и даже с любовью, просто как о пересечении реки и возможном обретении утраченного древнего леса. Позднее этот фатализм трансформировался в мечту о «доме».

«Dust, dust and ashes, fly over my grave,
But the Lord shall bear my spirit home».

В концептах целых текстов спиричуэл, включённых в эссе «Песни печали» содержится идея надежды, которая основана на вере в высшую справедливость. В композиции спиричуэл строки отчаянья часто сменяются в концовке выражением триумфа и спокойной уверенности. Иногда- это вера в жизнь, иногда – вера в смерть, иногда - уверенность в безграничной справедливости лучшего мира.

В завершающей части эссе Дю Буа использует ряд риторических вопросов, которые подчёркивают, что чёрные афроамериканцы являются полноправными творцами американской культуры и цивилизации, благодаря нескольким факторам – в частности, их появление на североамериканском континенте датируется 1619 годом, то есть годом ранее основания первой английской колонии в Новой Англии:

Your country? How come it yours? Before the Pilgrims landed we were here. Here we have brought our three gifts and mingled them with yours: a gift of story and song – soft, stirring melody in an ill-harmonized and unmelodious land; the gift of sweat and brawn to beat back the wilderness, conquer the soil, and lay the foundations of this vast economic empire two hundred years earlier than your weak hands could have done it; the third, a gift of the Spirit (2, p.192).

К культурным ценностям, привнесённым чёрными афроамериканцами в американскую культуру, принадлежит дар устного рассказа и народной песни; к цивилизационным – трудовой вклад в освоение континента и создание экономики США. Концепт «spirit», о котором Дю Буа говорит как о национальном духе, несёт идею активного участия в создании нового государства:

Actively we have woven ourselves with the very warp and woof of this nation, - we fought their battles, shared their sorrow, mingled our blood with theirs, and generation after generation have pleaded with a headstrong, careless people to despise not Justice, Mercy and Truth, lest the nation be smitten with a curse. Our **song, our toil**, **our cheer** have been given to this nation in

blood – brotherhood. Are not these gifts worth the giving? Is not this work and striving? **Would America have been America without her Negro people? (2, p.210).**

Таким образом, по данным контекстуального анализа, концепт «душа чёрного народа» содержит в своём объёме ряд когнитивных компонентов, отражающих как абстрактные, так и конкретные понятия: *faith, reverence, humility, hope, charity, justice, mercy, truth, song, Sorrow Songs, wild sweet melodies, toil, cheer, brotherhood.*

Особую роль для понимания ментальности чёрных афроамериканцев имеет концепт «songs» (spirituals), в котором наиболее полно отразились особенности национального этоса.

Наличие двойной идентичности в самоидентификации как ключевой момент американской культуры характерен для всех типов дискурса – художественного, публицистического, научного. В процессе самоидентификации концепт «Black American» реализует свою социальную составляющую как совпадающую с концептом «mainstream» - отношение к труду, закону, социальным нормам; в то же время национально-культурная составляющая данного концепта транслирует его этос, т.е. специфический национальный дух, отличный от этоса представителей культуры «основного потока», как это представлено, например, в книге М. Х. Фэир «Приёмы выживания» - руководства по профессиональному росту для представителей этнических меньшинств и женщин:

«The family of Black folk is broad. The self has its roots in many places. Brothers and sisters have their work selves and their personal selves. The Black worker as a creature of prey must have more than one heaven».

“It’s a poor rat that don’t have but one hole.”

Work Caucasian, live Black with home as your sanctuary. Invite into your home loved ones, trusted friends and soulmates.

Politics, receptions, and obligatory social functions belong at the Holiday Inn (3, p.109).

Список литературы

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М., 2003.

2 Du Bois W.E.B. The Souls of Black Folk. -Boston/New York. 1997.

3. Fair M.H. Tools for Survival. Harris Academy. -Denver, 1985. – (M.H.F.)

Н.Н. Бочегова, Е.В. Филатова

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ТЕКСТОВ РОК- МУЗЫКИ

(на материале английского языка)

Когнитивная лингвистика – это направление, в рамках которого язык рассматривается как общий когнитивный механизм. Когнитивная лингвистика должна заниматься системным описанием и объяснением механизмов человеческого усвоения языка, а также изучать принципы структурирования этих механизмов.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. Основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, то есть картину мира. Это образ мира, исторически сложившийся у конкретного народа, говорящего на конкретном языке. Языковая картина мира универсальна, ее творцом является весь мир, в отличие от этого, поэтическая картина мира индивидуальна, она создается в текстах одного человека, представителя определенного народа. Картина мира конкретного автора существенно отличается от объективного описания свойств, предметов, явлений, от научных представлений о них, так как она отражает «субъективный образ объективного мира» и понимается нами как альтернатива реальному миру.

При изучении языка и культуры определенного народа нельзя изолировать эти два понятия, так как они тесно связаны друг с другом. Ярчайшим доказательством этой связи может служить сопоставление разных языков, когда обнаруживаются различия в обозначении одного и того же явления в разных языках, и выявляется причина этих различий. При этом одним из основополагающих терминов в лингвистическом анализе является понятие «концепт». Концепт включает в себя все ментальные признаки того или иного явления, которые отражены сознанием народа на данном этапе его развития и обеспечивает осмысление действительности. Концептуальный анализ охватывает разные приемы изучения многочисленных способов осмысления (концептуализации) мира, представленных в языковых формах и выражениях различного уровня сложности: от отдельной морфемы до целого текста.

Перед началом анализа текстов и выявления концептосферы текстов рок – музыки следует отметить, что во второй половине XX века эта музыка приобрела особое значение, став мощнейшим фактором объединения молодежи в процессе противостояния взрослому поколению. Именно в начале второй половины 60-х политическая песня стала превращаться в феномен масскультуры. Рок в развитых странах Запада стал во второй половине 60-х мощнейшим объединяющим началом всех видов молодежной активности.

Основным эмоциональным наполнением и стержнем рок- культуры был протест, причем протест самого разного уровня, основанный на недовольстве родителями, правительством, властями, законами, политической системой. Он выражался не обязательно напрямую, в текстах песен. Чаще просто сам факт слушания или исполнения рок-музыки являлся актом протеста.

Словарь английского языка Коллинза дает следующее определение понятию “protest” (здесь и далее приводятся дефиниции из словаря Коллинза «Словарь английского языка»).

Protest – 1. Public, often organized demonstration of objection.

2. A strong objection.

3. The act of protesting.

4. To object forcefully to.

Следует отметить, что протест на начальном этапе развития рок-музыки возник на фоне определённых событий в английском и американском обществе; толчком к нему явились действия в политической сфере. Таким образом, концепт “protest” передает смысл “political disagreement”, то есть неприятие действий политиков. Решающим фактором для этого неприятия явилась война во Вьетнаме, которая повлияла на умы не только американцев, но и на умы людей во всем мире.

Рассмотрим круг концептов – гипонимов, соотносящихся с ключевым концептом “protest” в текстах рок – песен.

1. **Концепт “Freedom”**

Предваряя анализ, следует сказать, что концепт группируется вокруг некоей «сильной» точки сознания, которую можно определить термином «ядерная зона», от которой отходят периферийные векторы, которые, в свою очередь, образуют ближнюю и дальнюю периферию. В соответствии с подходом Г.Ю. Евтушок, под ядром мы понимаем « те значения, которые являются наиболее устойчивыми и лежат в основе дефиниций» [2, с.98-99]. Таким образом, для того, чтобы определить ядерную зону концепта “freedom”, для начала необходимо обратиться к дефиниции данного понятия.

Проанализировав значения, приведенные в дефиниции, можно сделать вывод, что ядерная зона концепта “freedom” включает в себя следующие когнитивные признаки: состояние свободы как возможность пользоваться политическими и гражданскими правами; освобождение (например, от рабства); право неограниченного доступа к различным ресурсам; возможность самоуправления; независимость; личная свобода действий; отсутствие скованности в манере общения.Рассмотрим, как актуализируется концепт “freedom” на примере:

Bridges burnin’, eyes are turnin’
Now they’re learnin’ fools
They’re gonna talk it over

While they're talkin'
You gotta cry free
Cry free
(Deep Purple "Cry Free")

Как уже было установлено, тематика исследуемых текстов имеет политический подтекст, следовательно, можно предположить, что под местоимением "they" подразумевается понятие "politicians", тем самым концепт "freedom" актуализируется как независимость и возможность пользоваться политическими и гражданскими правами.

Периферийная зона, то есть образное употребление понятия "freedom" может быть проиллюстрирована следующими примерами:

There's got to be some changes, a whole lotta real changes
When everybody can hear the sound of Freedom speeding high
(Jimi Hendrix "Earth Blues")

We don't need no education
We don't need no thought control
No dark sarcasm in the classroom
Teachers leave them kids alone
(Pink Floyd "Another Brick in The Wall")

В данном примере понятие "changes" ассоциативно выражает концепт "freedom", а слова "education", "control", "sarcasm", "classroom" воспринимаются как антонимичные понятию "freedom". Таким образом, можно говорить о термине «нененавязывание», который был предложен Вежбицкой [1] как ключевой при раскрытии объема концепта "freedom" и представляет собой одну из главных тем в культуре Великобритании и Америки. Вежбицкая считает, что для понятия «ненавязывание» решающим является то, что свобода – «это не просто привилегия, которой могут наслаждаться некоторые люди, а уникальное право» [1, с. 77].

В исследуемых текстах принципиальным является то, что лирический герой не обладает этим правом, то есть он не свободен и не может жить так, как хочет вследствие действий, предпринимаемых политиками. При этом свобода представляется как некая цель, которую необходимо достичь не только для обретения собственной гармонии, но и для благополучия всего общества. Достижение этой цели, то есть возможность обретения свободы, часто ставится под сомнение.

2. **Концепт "War"**

War: 1. Open armed conflict between two or more countries or groups.
2. A particular armed conflict.
3. Any conflict or contest.

Анализ дефиниции показывает, что понятие "war" подразумевает не только вооруженный конфликт между государствами или отдельными группами людей на фоне политических разногласий, а любое противостояние, возникшее на культурной, личностной или любой другой основе и

имеющий характер ссоры, вражды или взаимной неприязни. Рассматривая концепт “war” в текстах рок-музыки в период ее появления, следует обратить внимание на то, что объем этого концепта включает в себя только часть ядерной зоны, представленной в дефиниции и заключается непосредственно в вооруженным противостоянии. В первую очередь, речь идет, конечно, о войне во Вьетнаме, о которой уже упоминалось выше. В данном контексте следует говорить даже не концепте “war”, а о двойном концепте “war – peace”, как о неприятии войны. Таким образом, концепт “war” (или “war – peace”) получает когнитивный признак «неприятие», на первый план выходит жестокость, абсурдность и последствия, которые несет война.

3. **Концепт “Motherland” (America)**

Motherland – a person’s native country.

Концепт “motherland” ярко выражен только в текстах американских рок-групп. Это связано, прежде всего, как уже отмечалось выше, с разочарованием в своей стране и ожиданием ее скорой гибели. В текстах британских групп этот концепт актуализируется довольно редко, поэтому нам представляется более целесообразным рассматривать концепт “America”.

Первое, что обращает на себя внимание, это то, что почти во всех случаях концепт “America” персонифицирован и актуализируется с помощью слова “mother” (иногда “sister”, например: What have they done to our fair sister? (Doors “When The Music’s Over”)). Через термин “mother” можно определить, какие чувства испытывает лирический герой по отношению к его стране: он считает себя частью ее, это то, что его породило и с чем он неразрывно связан.

Oh, moon of Alabama
We now must say goodbye
We’ve lost our good old mama
And must have whisky, oh, you know why
(Doors “Alabama’s Song”)

На примере данного отрывка видно, что герой не верит в будущее своей страны, в его представлении она уже погибла, так как страна, которую он любил (эту любовь и выражает слово “momma”), и какой он бы хотел ее видеть, уже не существует.

Данный перечень концептов – гипонимов нельзя считать полным, и в него можно включить еще многие концепты, которые не так часто встречаются в исследуемых текстах (например, концепты “end” и “summer”). Однако анализ текстов этапа зарождения и развития рок-музыки нельзя считать завершенным, не рассмотрев также ряд других концептов, которые ярко просматриваются в исследуемом материале. Все эти концепты можно объединить общим термином “salvation”, который отражает реакцию героя на сложившуюся ситуацию, а также показывает, в чем он

видит спасение, и какие попытки он предпринимает для достижения внутренней гармонии. В объем концепта “salvation” могут быть включены следующие концепты – гипонимы:

1.**Концепт“God”**

Концепт “God” содержит в себе тему смерти как избавления от душевных страданий. С его помощью создается образ загробного царства как чего - то реально существующего и имеющего некую материальную оболочку (gates of heaven, wings, to blow the horn). Таким образом подчеркивается тема бессмертия души, жизни после смерти и ответа за совершенные грехи (“ I never did no harm, I never did no wrong”).

Следует отметить, что для актуализации концепта “God” часто вводится образ крыльев, с помощью которых можно попасть на небеса.

If my wings should fail me, Lord
Oh, please meet me with another pair
(Led Zeppelin “In My Time of Dying”)

2. **Концепт “love”**

В раскрытии концепта “love” интерес представляет тема, которая может быть проиллюстрирована следующим примером:

Yeah, they’re talking about getting together
Together for love or blood
You better hope love is the answer
You better hope it comes before the summer

Everybody, every sister, every mother
To feel the light, it’s shining bright
Everybody’s gotta live together
Right on, baby, feel those surf blues coming at you
(Jimi Hendrix “Earth Blues”)

Выделив в данном примере ключевые слова и выражения, мы получаем следующий ряд: “getting together”, “for love or for blood”, “hope”, “love is the answer”, “every sister”, “every brother”, “to live together”. Можно сделать вывод, что любовь воспринимается как некое абстрактное понятие, это не любовь к определенному человеку или к группе людей (например, к родителям или друзьям), а любовь вообще, как некое чувство, обладающее силой, и люди должны воспитывать и хранить в себе это чувство, так как это путь к спасению. Таким образом, фраза “You better hope love is the answer” актуализирует концепт “salvation”. Следует отметить, что данная тема (любовь как спасение) характерна только для текстов самого раннего периода, когда сильна была идеология хиппи, для которых понятия “peace” и “love” (и именно любовь как абстрактное понятие) были основополагающими. В дальнейшем, по мере нарастания агрессии в текстах, эта тема постепенно перестает быть актуальной, и на сегодняшний день она исчезла совсем.

3.Концепт “alcohol”

Концепт “alcohol” реализуется в текстах рок-музыки с позиции отсутствия альтернативного выхода из ситуации. Лирический герой прибегает к алкоголю как к спасению, так как вокруг уже все разрушено, и ничего изменить уже нельзя. Таким образом, алкоголь воспринимается как способ забыть обо всем и отрешиться от реальной жизни.

Подводя итоги, можно сказать следующее: в основу текстов рок-музыки в период ее зарождения был положен протест. В основном, это был протест в значении “political disagreement” как несогласие с действиями государства. Как следствие этого, в объем концепта “protest” в рамках концептосферы текстов рок – музыки могут быть включены следующие концепты – гипонимы: “freedom” как свобода от войны и влияния политических действий на жизнь лирического героя; “war” в значении неприятия войны, то есть как сложный концепт “war” – “peace”; а так же, как следствие, концепт “end”, который имеет глобальный характер, и через который имплицитно выражается концепт “death”; концепт “summer” в значении определенного периода жизни человека, а также концепт “motherland” (America), несущий смысл потери страны и разочарования в ней. Следующий актуализированный концепт – это концепт “salvation” как выход из сложившейся ситуации. В объем концепта “salvation” могут быть включены следующие концепты-гипонимы: “God”, который также содержит в себе тему смерти как избавления от душевных страданий; концепт “love” в смысле необходимости любви и её исцеляющей силы, а также концепт “alcohol” как способ забыться и уйти от реальности. Анализ примеров, актуализирующх концепт “salvation”, показывает, что концепт “God” с когнитивным компонентом «прославление Бога» и концепт “love” более характерны для текстов британских рок-групп, а концепт “alcohol” – для американских. Этим также объясняется возникновение повышенного интереса к английской рок - культуре, где чаще прослеживаются позитивные моменты, по сравнению с пессимизмом, царящим в американской культуре в рассматриваемый период

Список литературы

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001.
2. Евтушок Ю.Г. Лингвистика текста. - М., 2001.
3. Коллинз. Электронный словарь английского языка. 2003.

В.В. Власова

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Несколько лет назад человечество переступило порог третьего тысячелетия. В последние годы ускорился процесс «глобализации», как некоторые называют растущую во всём мире взаимозависимость людей и стран. За это время исчезли препятствия в торговых отношениях, происходит интеграция главных финансовых рынков мира, к тому же путешествовать из страны в страну стало проще.

Эта растущая мировая интеграция уже повлияла и продолжает влиять на экономику, политику, культуру всех государств мира.

С другой стороны, непонимание, возникающее между представителями разных рас, национальностей, государств, социальных слоёв и вероисповеданий нередко приводит к столкновениям и даже кровопролитным конфликтам, как показали недавние события во Франции, Дании, Иране и многих других странах. Поэтому перед человечеством встала насущная необходимость преодоления предубеждений и непонимания между людьми, развенчания стереотипов, искажающих представления о других странах и народах. В сложившейся ситуации невозможно переоценить изучение и, следовательно, преподавание иностранных языков. Л.В. Щерба полагал, что «... ничто так не воспитывает в духе интернациональной солидарности, как изучение иностранных языков. Читая литературу на том или ином иностранном языке, посещая страну этого языка и наблюдая нравы и обычаи её обитателей, мы бываем прежде всего удивлены и даже поражены отличиями данной иностранной культуры от нашей - и в этом лежит ... общеобразовательная ценность изучения иностранного языка ..., но постепенно мы убеждаемся, что иностранцы - такие же люди, как мы, имеют те же радости и печали, что и мы, и чувства человеческой солидарности овладевают нами» [6, с.48].

Конечно, помимо этой общеобразовательной и воспитательной ценности изучение иностранных языков имеет и практическое значение. Знание языка открывает перед людьми возможность общаться с иностранцами, работать на совместных предприятиях, учиться за границей, работать в сети Internet, путешествовать и т.д. Однако нельзя не отметить, что подобные возможности имеются, главным образом, у жителей крупных городов России и тех, кто там учится. Что касается средних и особенно небольших городов, посёлков и т.д., то, вследствие низкого уровня жизни, у их жителей часто нет средств на учёбу за рубежом, заграничные поездки. Поэтому практическая ценность изучения иностранных языков, в том числе в вузах, снижается. Как отмечает Л.В. Щерба, «окружающая обста-

новка и обывательская среда учат [студента], что без знания языков можно обойтись, что можно сделать «прекрасную карьеру» и не зная языков...» [6, с.38]. Отметим ещё один фактор, влияющий на мотивацию к изучению иностранных языков. В.А. Артемов указывает на то, что «естественная установка при восприятии речи направлена на её смысловое содержание, а не на языковую форму» [1, с.147]. Если преподаватель акцентирует своё внимание и внимание учащихся на языковых формах в ущерб содержанию, то это также снижает у учащихся мотивацию к занятиям. Не останавливаясь на этой проблеме, отметим, однако, что, чтобы вызвать у учащихся желание изучать иностранный язык, нужно, чтобы они получали на занятиях новую, интересную, актуальную информацию, причём не только о языковых структурах. Иными словами, «язык надо рассматривать как средство связи, а не просто как объект для изучения».

Банально говорить, что язык и культура - это единое целое. В языке содержится культурная, историческая информация о народе, его нравах, обычаях, традициях, психологии. Язык, по мнению Л.Г. Саяховой, «рассматривается как духовное достояние народа, как феномен культуры, культурно - историческая среда, формирующая языковую личность». Она добавляет, что «являясь вместилищем знаний, сокровищницей культуры, язык закрепляет в своих единицах, и прежде всего в лексике и фразеологии, исторический опыт народа, отображает его менталитет, обеспечивает единство культурной традиции». «Язык связан с культурой и немыслим вне культуры, как и культура немыслима без языка» [5]. Иначе говоря, каждому, кто хочет быть органичным и адекватным в иноязычной среде, необходимы знания культуры данной среды.

В последнее время получили широкое распространение различные подходы к обучению иностранным языкам, которые, по сути, означают одно и то же: ознакомление изучающих язык с новой для них культурой. Лингвострановедение, культурология, Cross-Cultural Awareness, Realienkunde, Landeskunde, Methode Orange - все эти методики в преподавании иностранных языков нацелены на повышение эффективности обучения иностранным языкам путём формирования страноведческой и культурологической компетенции. Во всех этих концепциях неотъемлемой составляющей является культурологический (культуроведческий) компонент.

Рассмотрим понятие «культурологический компонент» содержания обучения иностранным языкам. Согласно словарю русского языка С.И. Ожегова, компонент - это «составная часть чего-либо» [4, с.265], в нашем случае процесса преподавания иностранных языков. Прилагательное «культурологический» является производным от существительного «культурология». «Культурология» происходит от латинского cultura (от colere-пахать, возделывать землю) и греческого logos - учение и понимается как «наука о множественности культур, об их уникальности и несхожести и о

закономерности культурно - исторического процесса» [2, с. 13] или проще, наука о культуре.

Культура - понятие сложное и поэтому трудно определяемое (известно до 200 дефиниций). Но исследователи выделяют два основных подхода к истолкованию содержания понятия «культура». При аксиологическом (ценностном) подходе, по мнению А.С. Кармина, культура понимается как «совокупность лучших творений человеческого духа, высших непреходящих духовных ценностей, созданных человеком» [3, с.16]. Антропологическое понимание культуры расширяет круг относящихся к ней явлений. В результате «возникают различные частные научные представления о культуре:

- археологическое, где культура рассматривается как совокупность продуктов человеческой деятельности...» («материальная культура»);

- этнографическое, в котором под культурой понимается специфический для определённого этноса комплекс обычаев, верований, особенностей труда и быта людей;

- этнопсихологическое, которое использует понятия культуры для выражения особенностей, характеризующих внутреннюю духовную жизнь и поведение представителей разных народов;

- социологическое, видящее в культуре главным образом фактор интеграции общества, систему средств, с помощью которых организуется и регулируется совместная жизнь людей» [3, с.18]. Обе изложенные трактовки культуры в настоящее время сосуществуют и должны рассматриваться при составлении номенклатуры знаний о культуре стран изучаемого языка, которые учащиеся должны получить. Если преподаватель игнорирует даже одно из частных представлений о культуре и не включает соответствующий последнему комплекс знаний о стране изучаемого языка в перечень необходимых знаний, то учащиеся получат неполное представление о соответствующей языковой среде. В современной методике преподавания языков существует три культуроведческих (культурологических) подхода:

- лингвострановедческий,

- коммуникативно - этнографический,

- социокультурный.

По нашему мнению, наиболее адекватно отвечает происходящим в мире процессам социокультурный подход. При всех неоспоримых достоинствах, лингвострановедческий и коммуникативно - этнографический подходы не лишены и слабых мест. По утверждению Л.Г. Кузьминой и Е.В. Кавнатской «... оба из вышеназванных подходов не полностью удовлетворяют современным требованиям в культуроведческом насыщении иноязычного учебного общения. Лингвострановедческий подход в чистом виде не может в полной мере способствовать решению современных задач соизучения языка и культуры, т. к., во-первых, при изучении конк-

ретного иностранного языка и культуры той страны, где он функционирует, в рамках данного подхода предполагается рассмотрение, преимущественно, национально - культурной специфики и не учитывается всё многообразие этнических компонентов, составляющих национальную культуру. Во - вторых, игнорируется цивилизованный аспект существования национальной культуры (например, национальные культуры рассматриваются в отрыве от культуры того геополитического региона, в который они входят, и всего мирового сообщества в целом. В свою очередь, реализовать коммуникативно - этнографический подход в полной мере в России не представляется возможным из-за отсутствия условий для «включенного» обучения)».

Как отмечается в методической литературе, цель социокультурного образования - «формирование [и]... динамичное развитие полифункциональной социокультурной компетенции, помогающей индивиду ориентироваться в различных типах культур и цивилизаций...».

В рамках данного подхода в культурологический компонент включаются знания о

- системах ценностей, доминирующих в соизучаемых сообществах (в социальных, профессиональных, возрастных, этнических и пр. группах);
- исторической памяти соизучаемых сообществ в целом и составляющих их социумов;
- политической, экономической, научной, художественной, религиозной культуре, их отражении в стилях жизни различных слоёв, этнических групп и др. социумов;
- традиционной и новой материальной культуре, промышленно - экономическом потенциале страны как части системы ценностей;
- социокультурных особенностях речевого этикета устного и письменного общения, технике участия в нём;
- социокультурных особенностях и речевом поведении национально - специфичных форм общения как характерной черте стиля жизни в стране изучаемого иностранного языка;
- способах грамматического варьирования иноязычной речи в рамках формального и неформального общения;
- ценностно - ориентационных связях соизучаемых стран с ценностно - ориентационным ядром региональной культуры (например, еврокультуры);
- общественной жизни и культуре страны изучаемого иностранного языка как члена мирового сообщества;

и огромное значение придаётся

- осознанию себя как носителя определённых социокультурных взглядов, как гражданина своей страны, члена мирового сообщества.

Таким образом, номенклатура знаний, входящих в культурологический компонент преподавания иностранных языков, достаточно обширна,

поскольку исходное понятие «культура» сложно и многогранно. Но происходящие в мире события предъявляют новые требования к изучению иностранных языков. Овладение рассмотренным перечнем культурологических знаний необходимо, если изучающий языки стремится к вхождению не только в чужую культуру, но и в мировое сообщество в целом.

Список литературы

1. *Артёмов В.А. Психология обучения иностранным языкам. - М.: Просвещение, 1969.*
2. *Гуревич П.С. Культурология: Учебник для вузов. - М.: Проект, 2003.*
3. *Кармин А.С. Основы культурологи.: морфология культуры. - СПб.: Издательство «Лань», 1997.*
4. *Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М.: Советская энциклопедия, 1973.*
5. *Реформатский А.А. Введение в языкознание: Учебник для фил. фак. пед. ин-тов. - М.: Просвещение, 1967.*
6. *Щерба Л.В. Преподавание языков в школе. Общие вопросы методики: Учебное пособие для студентов вузов. - М.: ACADEMIA, 2002.*

Ресурсы сети Internet

7. *http://www.irex.ru/press/pub/polemika/03/alh*
8. *http://www.kcn.ru/tat-ru/universitet/fil/knl*
9. *http://www.rec.vsu.ru/vestnik/program/view*

А.В. Гринько

К ВОПРОСУ ОБ АМЕРИКАНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЖАНРЕ

Развитие американской литературы отмечено рядом особенностей, существенно отличающих ее от общеевропейской литературной традиции, с которой она, однако, сохраняет общность как в плане идеологии, так и эстетики, и ее рассмотрение должно в равной мере учитывать как основные свойства и закономерности развития этой общей модели, так и те специфические черты, которые свойственны американской литературе как ее самостоятельному, устойчивому национальному варианту.

Целью данной статьи является описание характера и логики отношений литературы и фольклора в американской лингвокультуре. Литература и фольклор являются самостоятельными художественными системами, глубоко отличающимися друг от друга, но находящимися в тесном и постоянном взаимодействии. Поскольку «начало искусства – в фольклоре» (М. Горький), фольклор и литература соотносимы как принципиально различные этапы эстетического развития человека общества – по всем системным параметрам, отраженным в структуре жанров и сюжетов, идейно-тематическим характеристикам, художественной основе со-

зидания и восприятия. Сопоставимость обеих систем – органична и объяснима, при том, что в художественном развитии человечества первая не просто продолжается во второй, но претерпевает существенную трансформацию: литература не радушный преемник, а активная, требовательная, генерирующая и созидательная субстанция.

«Фольклор и литература,- пишет В.М. Гацак, - это как бы два различных художественных состояния, если угодно – две различные эстетические субстанции и поэтические системы. Между ними не только контакты, преемственность и взаимность, но и эстетическая эволюционная оппозиция. Именно здесь кроется одна из основных историко-теоретических проблем взаимоотношения литературы и народного творчества».

Однако преемственность литературы по отношению к фольклору не является неоспоримым фактом. Американская национальная литература возникла не с создания национального эпоса, а как литература письменная, в которой фольклор появился на позднейших стадиях развития. В американской лингвокультуре отсутствовал ряд крупных художественных эпох в силу относительной молодости США. Особенности становления нации и исторического развития страны (территориальная удаленность от Старого Света, столкновение с местным населением, господство Англии и впоследствии освободительное движение, борьба за независимость) повлияли на формирование литературы и фольклора США.

Для выявления специфических особенностей двух художественных систем необходимо дать краткую характеристику каждой из них. Американская литература появилась в результате отделения от английской литературы и продолжала намеченные в ней тенденции. Поселенцы, прибывшие в Америку с грузом европейских культурных и художественных традиций, прежде всего английских, далеко не на всех стадиях активно обращались к европейскому наследию во всей его полноте и многообразии, ограничиваясь – особенно вначале – малым его сегментом. Изначально во взаимодействии американской и европейской литературы преобладали связи-истоки, связи-корни. Связи-влияния проявляются на более поздних этапах, почти полтора столетия спустя – в эпоху Просвещения, обретя значительный размах лишь в эпоху романтизма.

Первоначально колонисты почти не чувствовали связи с новым окружением, воспринимая колонию, как продолжение «старой родины», а собственный разрыв с ней считали временным. Расстояние на первых порах лишь обостряло «родственные чувства», побуждая, во что бы то ни стало, сохранять то, что уже зафиксировано в художественном опыте покинутой родины. Переселенцы в буквальном смысле слова обращали взор назад, и не только в пространстве, но и во времени. Новейшие явления, возникавшие в литературе метрополии, как правило, мало привлекали внимание колонистов. Эстетически значимо для них было преимущественно то, что опробовано временем, отстоялось и приобрело силу канона.

Своеобразие литературы колоний в этот начальный период с появлением в ней элементов, свидетельствовавших о попытках отражения иных условий существования, иного исторического опыта, воздействия американской действительности – мощный фактор формирования литературы Нового Света.

На одно из ведущих мест в ней выдвигаются жанры, непосредственно отвечающие потребностям освоения континента. Это всевозможные «описания», путевые заметки, мемуары, дневники и т.п. Как правило, сочинения подобного рода сочетали в себе разнородные черты, одновременно выступая в роли исторических хроник, географических очерков, сочинений естествоиспытателей и богословских трактатов, включая экскурсы в область мифологии и фольклора аборигенов, зарисовки их нравов и обычаев. С изложением исторических фактов и событий из жизни колоний соседствовали не уступавшие им в подробности описания флоры и фауны, особенностей климата и почв, ландшафта и природы, перемежаемые рассуждениями морализаторского толка и религиозными проповедями. Возникновение подобных жанров было продиктовано наличием особых условий быта и труда первых поселенцев.

Идеологическим основанием формирования фольклора послужило стремление рассказать о лучших соотечественниках, их подвигах и успехах в освоении новой земли и преодолении препятствий, возникающих на пути достижения целей. Многие фольклорные произведения были привезены европейцами в Новый Свет, переосмыслены, дополнены и записаны как американские сказки, истории и т.д. В большинстве из этих произведений есть прямые указания на то, что их герои имеют непосредственные европейские корни. Например, в сказке о Поле Баньяне не говорится о том, каким был родной язык его родителей: «то ли по-французски говорили, то ли по-русски или даже по-шведски», да это и не важно; главное то, что сам Пол «на другой же день, как родился, на чистом английском потребовал пышек…».

Первым и самым популярным жанром в американской лингвокультуре явилась «сказка». По своему происхождению они делятся на европейские, т.е. привезенные на американский континент и собственно американские, т.е. созданные уже в период становления США. Первые сказки появились на новой земле вместе с бывшими европейцами и сегодня они не потеряли свои прочные позиции среди других фольклорных жанров всего американского культурного наследия. Франко-, испано-, а больше всего англоязычные сказки, легко укоренившись на американской почве, пополнялись новыми сюжетами – сказками – о золотоискателях и ковбоях, фермерах и лесорубах, рабочих и матросах («Техасский Робин Гуд», «Кофе по-ковбойски», «Мы ищем страну обетованную», «Пол Баньян», «Горбатая кантина и золотая лихорадка», «Джон Генри», «Родные просторы», «Я еду в Монтану» и др.).

Особенно выразительны сказки, связанные с жизнью первопроходцев Америки. Это так называемый фольклор фронтира – подвижной пограничной полосы, отделявшей уже освоенную территорию нового края, с городами и фермами, от диких необжитых мест. Постепенно, с XVII по XX вв., фронтир сдвигался все дальше на запад. Сказки жителей фронтира, первооткрывателей новых земель, отражают неповторимый опыт этих людей. Их жизнь протекала в повседневных тяжких трудах, среди постоянных опасностей, нередко в полном одиночестве. В любой момент можно было ожидать нападения диких зверей или враждебных племен. И, тем не менее, сказки фронтира насыщены юмором – часто хвастливым, но всегда веселым, жизнерадостным.

Собственно американская сказка – это не сказка в традиционном понимании этого явления. Ей свойственна устная передача в отличие от первых сказок, привезенных европейцами на американский континент уже в письменном виде и изначально лишенных, так называемой устной традиции. При создании собственно американского фольклора сначала происходила передача текстов от поколения к поколению устным путем, а впоследствии они были записаны американскими исследователями. По своей форме американская сказка представляет собой устный рассказ – изложение каких-либо событий. Она не имеет традиционных элементов, характерных, к примеру, для русской сказки: присказка, зачин, описание действия, концовка, повторы. Однако содержательная сторона американских сказок дает исследователям возможность обращаться к этому богатейшему пласту национальной культуры как историческому источнику в целях изучения особенностей становления американского общества в XVII-XIX вв.

Американская сказка в числе сказок других народов, как один из фольклорных жанров, исторически вобрала в себя элементы различных видов устного народного творчества. Неразрывно связанная со сказочно-фантастическим миром, она отвечает потребностям слушателей в чуде и позволяет им освоить уникальный по этническому и жанровому разнообразию американский фольклор.

А.В. Гринько

ВЫРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ МЫШЛЕНИЯ В АМЕРИКАНСКИХ СКАЗКАХ ЭПОХИ ФРОНТИРА

Фольклорное наследие белых поселенцев Америки представляет собой обширный пласт национальной культуры и является не только источником исторических сведений о США, но и средством отражения национальной специфики мышления. Цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть особенности американского национального характера, сложившиеся в самом процессе существования «фронтира». Материалом для исследования послужили американские сказки, созданные в период с начала XVII века до конца XIX века (1890-е годы), т.е. в период существования фронтира – эпоху завоевания Дикого Запада.

Джексон Тернер в книге «The Significance of the Frontier in American History» утверждает, что «американский характер не появился сразу, с момента высадки первых поселенцев на американский берег в 1607 г.», но что «он формировался по мере продвижения границы на запад». Переселение европейцев на новый континент положило начало новой жизни. Ей суждено было в корне отличаться от того, какой хотела видеть ее Англия. Первопроходцы продвигались на Запад, осваивая новые территории континента, и достигли на своем пути значительных успехов. О лучших из них слагали целые легенды. Приведенная ниже группа сказок включает истории о героях-исполинах или полубогах (demigods), как назвал их А. Флэнаган в книге «American Folklore in Literature», а также рассказы о пионерах и ковбоях. В истории Америки немало примеров подлинного героизма. Исторический герой – это символ идеалов и надежд нации. Однако для американского народа этот герой представляет собой не только олицетворение народной мечты, он является носителем тех черт человеческого характера, которые присущи всей нации в целом. В Америке национальный герой – это сочетание личностных характеристик, которые складывались на протяжении всего процесса становления США. В историю входили те, кто совсем недавно принимал участие в формировании США. В Америке от неуловимой легенды об удачливом и смелом охотнике до запечатления образа в печати требовалось всего лишь несколько лет. Так произошло и с Дэвидом Крокетом. По словам Т. Голенпольского в книге «Народ, да! Из американского фольклора», образ Крокета-враля полюбился народу: «Крокет был тем, о ком потом скажут: типично американский герой. Вся его жизнь, и подлинная, и выдуманная, была отражением тех условий, в которых в ту пору жила и, что важнее, хотела жить нация». Все, кто слушал истории о Дэвиде Крокете, верили, что в схватке можно

убить сто пять медведей; улыбкой убивать пантер и енотов: «I saw a coon planted upon one of the highest limbs of an old tree … Rafler was with me. So, I thought I'd bring the lark down in the usual way, *by a grin*»; кулаком выбивать искру из скалы и обучить медведя взбивать масло. Но, пожалуй, самым запоминающимся из его приключений стал ремонт земной оси, которая из-за мороза перестала вращать нашу планету: «One January morning it was so all – screwen-up cold». Этот факт заставил задуматься Дэвида Крокета и ему надо было поскорее решить данный вопрос: «Well, after I had walked about twenty-five miles up the peak o'Daybreak Hill, I soon discovered what war the matter. The airth had actually friz fast in her axis, and couldn't turn round … Somethin' must be done …, - так рассуждал Дэвид Крокет, и следующая идея приходит ему в голову: «I then took an' held him over the airth's axes, an' squeezed him till I thow'd 'em loose, poured about a ton on it over the sun's face, give the airth's cog-wheel one kick backward, till I got the sun loose – whistled «Push along, keep movin'!» an in about fifteen seconds the airth gin a grunt, and begun movin' – the sun walked up beautiful, salutin' me with sich a wind o'gratitude that it made me sneeze». Эта сказка - пример того, что герой американского фольклора все время трудится, и если не работает киркой, лопатой, топором, буром или каким-нибудь иным инструментом, то рассчитывает, прикидывает, выгадывает, рационализирует. Герой разрешает прозаическую, но немаловажную проблему.

Среди историй о героях, появившихся в эпоху становления США, нередко встречаются истории про Пекоса Билла. Этот вымышленный герой (fathered by a lier) был придуман специально для того, чтобы показать истинный «американский дух», свойственный лучшим представителям нации. Его жизнь, как и жизнь многих других обитателей фронтира была полна приключений и опасностей. Он был одним из тех, кто первыми шли на Запад, перегоняя стада коров туда, где велись торги. С самого момента рождения Пекоса Билла никак нельзя было назвать баловнем судьбы. Родители потеряли Билла в тот самый момент, когда пересекали реку Пекос (именно название этой реки стало вторым именем данного фольклорного героя – примеч. автора): «One day after they crossed the Pecos River, Bill fell out of the wagon». К счастью, мальчик не погиб на необъятных просторах Дикого Запада: он присоединился к стае кайотов, выучился их языку: «That's how Bill came to grow up with the coyotes along the Pecos. He soon learned the coyote language», а когда вырос, стал настоящим ковбоем. В американских сказках все сопряжено с жизненными реалиями, все происходит для вполне реальной пользы: Пекосу Биллу принадлежит авторство создания тавро (клеймо для коров) и лассо. Сказки северо-американских белых поселенцев конкретны, их герои рассуждают здраво, трезво, практично, их отличает сноровка и сообразительность.

Американские ковбои продвигались на Запад, осваивая все новые территории, но при этом находились в постоянном поиске лучших усло-

вий жизни и труда. И Пекос Билл – этому пример. Не бывает так, чтобы ковбою не повезло, даже сам торнадо одолеть ему под силу. Пекос Билл – яркий представитель тех, кого называли первопроходцами, пионерами на американском континенте, тех, кто, несмотря на многочисленные опасности, способствовал продвижению фронтира на Запад. Пекос Билл, Пол Баньян, Майк Финк и многие другие были одиночками, которые шли впереди других, прокладывая им путь и почти никогда не обосновываясь на новом месте. Им было суждено первыми встретить индейцев, отвоевать новые земли и закрепить их за собой. Ковбои должны были уметь делать три вещи: владеть конем и лассо, быстро выхватывать пистолет и петь песни. Песни были необходимы для того, чтобы скот спал спокойно ночью, не боясь нападения волков. Эти песни нередко сочинялись самими же пастухами, и в них рассказывалось о жизни на фронтире, любви, дружбе и стремлении построить новую счастливую жизнь. Однако самой главной задачей для ковбоя было сохранить доверенный ему скот. Если он разбегался, то собрать животных снова было уже практически невозможно и этим нередко пользовались конкурирующие скотовладельцы. Следом за ними шли фермеры, которые обрабатывали новую землю. Была и третья волна, способствовавшая процессу урбанизации поселений. Переселенцы передвигались группами, однако это не гарантировало безопасность, во всяком случае до тех пор, пока идущие следом не проложили железную дорогу.

Количество проживающих на американском фронтире с каждым годом росло. К тем, кто уже не первый год продвигался на Запад, присоединялись вновь прибывшие в поисках лучшей доли. Первопроходцы попадали в зависимость от окружающей их природы, они вынуждены были приспосабливаться к новой обстановке, осваивая и подчиняя ее себе. Жизнь на фронтире была очень непростой, однако люди не теряли присутствия духа, они были хлебосольны, с радостью впускали в свой дом путников, чтобы узнать у них новости о других краях.

Как любопытство поселенцев не знало границ, так и способность хвастать была огромной. Хвастали силой, меткостью, лошадью, климатическими особенностями той местности, где проживали и т.д. Отметим, что юмор на фронтире был грубым и не всегда безобидным, но как ни странно, именно он помогал людям выжить в этих трудных условиях, он придавал мужество, которое было так необходимо в то время. Умение хвастать переросло в умение толкать идеи. Первопроходец мог выполнить невыполнимое, но при этом требовал деньги для реализации своих идей: он мог продать больную лошадь за немалую сумму, как это сделал в сказке «The Horse-Swap» главный персонаж. Он демонстрирует физиологические характеристики своей лошади и заявляет, что она может скакать без устали так долго, как светит солнце: «He can pick up miles on his feet … as long as the sun can shine without resting». На такой замечательный товар

находится покупатель, однако сделку не так-то просто заключить: каждый из участников хочет остаться в выигрыше. Но, когда обе стороны, кажется, довольны, открывается одна деталь, которая не могла не броситься в глаза: упавшее на землю покрывало на спине лошади показало, что у нее рана и что лошадь не так прекрасна, как ее описывали: «The removal of the blanket disclosed a sore on Bullet's backbone that seemed to have defied all medical skill». Эта смелая выходка вызвала смех: «The laugh became loud …». Надо отметить, что в американской сказке времен фронтира часто уделялось внимание такой черте характера как предприимчивость. Среди сказок можно найти те, которые под стать пособиям по части того, как добиться успеха в той или иной области, - такие руководства с давних времен популярны в Соединенных Штатах. Из них можно почерпнуть немало полезного, того, что может пригодиться в повседневной жизни, например, как валить лес, добывать нефть или объезжать диких лошадей.

В американском фольклоре царит трезвый, здоровый, рациональный дух. Здесь, по сути, нет разрыва между мечтой и обыденностью: мечты и надежды героев американского фольклора целиком и полностью связаны с жизненными реалиями. С зеркальной ясностью американский фольклор отразил желание бывших европейцев изменить, преобразовать «новую землю», сделать ее пригодной для жизни. В числе типичных особенностей американского национального характера мы называем тягу к переменам. Здесь можно говорить о постоянной смене видов деятельности и изменении места обитания фольклорных героев. Достаточно вспомнить Пола Баньяна, который воздвиг Скалистые Горы, вырыл реку Миссиссиппи, высек в скалах Большой Каньон.

Непростым оказалось освоение европейцами американского континента. Их целью стало не просто выживание и победа в борьбе с местным населением, но и утверждение нового порядка. Все это было возможно благодаря решительности, предприимчивости, изобретательности переселенцев. Они научились мгновенно ориентироваться в сложившейся ситуации, завершая одно дело, приступали к выполнению другого. Таким образом, на материале американских сказок был выявлен ряд ценностных характеристик, необходимых для понимания американской культуры как части мирового культурного сообщества.

О.Г. Груздева

ЯЗЫК В СФЕРЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Изучением функционирования языка в сфере коммуникации занимается медиалингвистика. Она включает в себя два базовых компонента – «медиа » (массмедиа) и «лингвистика». В последние время в современном мире средства массовой информации приобретают огромную значимость и их влияние на сознание людей очень велико.

В российском научном обиходе термин «медиалингвистика» появился сравнительно недавно, в 2000 г. Несколько раньше возник его англоязычный вариант «media linguistics», который можно встретить в работах британских исследователей языка средств массовой информации, например, в статье Дж. Корнера «The Scope of Media Linguistics». Изучение языка средств массовой информации послужило основанием для возникновения медиалингвистики.

Начиная со второй половины XX в., рост средств массовой информации идет в геометрической прогрессии: стремительное увеличение объема традиционных СМИ - печати, радио, телевидения - сопровождается постоянным совершенствованием информационных технологий, развитие всемирной компьютерной сети Интернет способствует формированию глобального информационного пространства.

Огромное воздействие социально-информационные процессы оказывают и на функционирование языка. Массовая коммуникация стала сегодня одной из самых интенсивных сфер речеупотребления. Совокупный объем текстов, ежечасно распространяемых по каналам СМИ, неуклонно растет, что, в свою очередь, способствует возрастанию интереса к этой бурно развивающейся сфере речеупотребления и со стороны академической науки.

Начиная с 70-х гг. XX в., как в России, так и за рубежом регулярно публикуются исследования, посвященные вопросам функционирования языка в сфере массовой коммуникации. В них тексты массовой информации рассматриваются в рамках самых различных школ и направлений: с точки зрения социолингвистики, функциональной стилистики, теории дискурса, контент-анализа, когнитивной лингвистики, риторической критики. Внимание ученых привлекает самый широкий круг вопросов: это и определение функционально-стилевого статуса языка СМИ, и способы описания различных типов медиатекстов, и влияние на медиаречь социокультурных факторов, и лингвомедийные технологии воздействия.

Анализ работ представителей данного направления, таких как Н. Шмелев, С.И. Бернштейн, В.Г. Костомаров, А.Н. Васильева, Роберт Фаулер, Норман Фейерклаф, Алан Белл, Мартин Монтгомери позволяет говорить

о том, что к концу XX в. сложились все необходимые условия для оформления накопленных знаний и опыта в области изучения языка СМИ. Иначе говоря, совокупный объем исследований медиаречи достиг «критической массы», что сделало возможным переход изучения данной области в новое качество - медиалингвистику, в рамках которой предлагается исследовать функционирование языка СМИ.

Исследуя медиаречь, мы обращаемся к особой концепции медиатекста. Суть данной концепции состоит в том, что ключевое для традиционной лингвистики определение текста как «объединенной смысловой связью последовательности знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность», при переносе в сферу массмедиа значительно расширяет свои границы.

Уровень массовой коммуникации придает понятию «текст» новые смысловые оттенки, обусловленные медийными свойствами того или иного средства массовой информации. Так, текст на телевидении состоит не только из словесной ткани, но последовательно разворачивается сразу на нескольких уровнях: вербальном, видеоряда и звукового сопровождения, образуя единое целое и приобретает черты объемности и многослойности. Радиотекстам и текстам прессы также свойственно сочетание вербального текста с определенными медийными характеристиками: музыкой и звуковыми эффектами, особенностями графического оформления газеты или журнала.

Многие английские авторы рассматривают медиатекст как совокупность вербальных и медийных признаков. Так, известный исследователь языка средств массовой информации А. Белл в книге «Approaches to Media Discourse» пишет:

«Definition of media texts have moved far away from the traditional view of text as words printed in ink on pieces of paper to take on a far broader definition to include speech, music and sound effects, image and so on… Media texts, then, reflect the technology that is available for producing them…».

Обязательным параметром типологического описания текстов массовой информации является функционально-жанровая принадлежность текста. Сегодня в сфере массовой коммуникации динамика речеупотребления настолько активна, что происходит постоянное жанровое движение, лишающее данную единицу необходимого признака устойчивости.

Можно выделить четыре основных типа медиатекстов:

- новости;
- информационную аналитику и комментарий;
- публицистику и любые тематические материалы, удобно обозначаемые английским термином;
- рекламу.

Универсальный характер данной классификации обусловлен следующим. Во-первых, будучи основанной на функционально-стилистической дифференциации языка, построенной на базе учения академика В.В. Виноградова о стилях языка и речи, она позволяет достоверно отражать реальную комбинаторику функций сообщения и воздействия в том или ином типе медиатекстов. Так, *новости* - это тексты, наиболее полно реализующие одну из главных функций языка - сообщение и одну из главных функций массовой коммуникации - информативную. *Медиааналитика*, или комментарий, сочетает реализацию функции сообщения с усилением компонента воздействия за счет выражения мнения и оценки. *Публицистика* или тексты группы «features», к которым относится широкий диапазон тематических материалов, представленных основными СМИ, характеризуется дальнейшим усилением воздействия в его художественно-эстетическом варианте. И наконец, *реклама* совмещает в себе функцию воздействия как функцию языка, реализуемую с помощью богатого арсенала лингвостилистических средств выразительности, и функцию воздействия как функцию массовой коммуникации, реализуемую посредством особых медиатехнологий, присущих тому или иному средству массовой информации. Во-вторых, описательные возможности данной классификации необычайно широки, так как она позволяет охарактеризовать практически любой текст массовой информации как с точки зрения основных форматных признаков, так и в плане особенностей реализации в нем языковых и медийных функций.

Значительный интерес в сфере массовой коммуникации представляет исследование рекламных текстов. Относясь к утилитарным, “примитивным” текстам, рекламные тексты вместе с тем являются мобильными динамичными текстами, занимающими ведущее место в СМИ. Посредством рекламы осуществляется знакомство с чужой материальной и духовной культурой, адаптация к её восприятию в иной национальной среде. В рекламе в упрощённом виде отражается самосознание, самооценки собственной лингвокультурной общности, формируется отношение к иным лингвокультурным общностям.

Реклама является питательной средой, где культивируются и обыгрываются расхожие стереотипные представления о национальном характере разных народов.

Так, стереотипное представление о преданности ирландцев, их верности в дружбе обыгрывается в рекламе ирландского виски. Слоган «Freundshaft auf irisch» соотнесен с изображением рыжеволосого ирландца в компании немецких друзей.

Стереотипные представления о практичности, хозяйственности немцев получают распространение в рекламе немецкой бытовой техники - «Немецкая практичность во всем. Плита Hansa».

Реклама французских косметических товаров нацелена на то, чтобы

вызвать у потребителя ассоциации с присущим французам утонченным вкусом, культом женщины, наслаждения. Например, в рекламе духов «Притяжение чувственности. Новая магия COTY» на плакате изображена изящная женщина и склонившийся к ней мужчина. Консерватизм англичан, их приверженность прошлому нередко обыгрывается в рекламе английских товаров. Например: «Lyons. Чай в лучших английских традициях» - на рекламном плакате изображено Вестминстерское аббатство; «даже Англия изменяется, но английское качество никогда» - реклама сигарет.

Приданию рекламе национального колорита способствует обыгрывание в ней стереотипных представлений, связанных с национальным характером, ментальностью русского народа. Так, представлению о широте натуры, щедрости, добросердечности русского человека соответствуют рекламные слоганы: «Русский стиль. Любить, так любить» - реклама сигарет; «Россия - щедрая душа», «Дары Покрова - от всего сердца» - реклама шоколадных конфет, «Вкусно, сытно, по- нашему»- реклама супов.

Созданию «русского» колорита способствует использование в отечественной рекламе простоватых, наивных по форме и содержанию рифмованных вербальных текстов. Например: «Злата - на чудеса богата» - реклама растительного масла. «Вот готовая еда, вкусно, быстро, без труда» - реклама русского пюре.

Народности и оригинальности отечественной рекламы в немалой степени способствуют аллюзии, обеспечивающие узнаваемость вербального компонента, идентификацию рекламного текста как продукта «своей культуры». «Ты и я -вместе модная семья!» - отсылка к строке: «Ты, я, он, она - вместе дружная семья!» популярной советской песни. «А чего это вы здесь делаете?» - отсылка к реплике героя из фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход запрещен»;

Реклама, таким образом, является своего рода зеркалом, в котором отражается своеобразие линговокультурной общности. Ее внимательное рассмотрение позволит получить более полное представление об образе жизни, картине мира народов, взаимодействие их культур.

Тексты массовой информации изучаются с помощью методов когнитивной лингвистики, дискурсивного анализа, критической лингвистики, функциональной стилистики, прагматики, риторической критики. Именно этим и обусловлена новизна медиалингвистической методологии, которая на основе интеграции существующих методов обеспечивает системный, комплексный подход к изучению текстов массовой информации.

Список литературы

1. *Анисимова Е.Е. Лингвистика текста - межкультурная коммуникация.- М.: Академия, 2003.- 128с.*
2. *Добросклонская Т.Г. Что такое медиалингвистика?// Вестник МГУ; лингвистика и межкультурное коммуникаци.,- 2004. -№2. – С.9-18.*

3 .Лингвистический энциклопедический словарь.- М., 1990. С.507.
4 .Bell A. Approaches to Media Discourse. -L.: Blackwell, 1996. -P. 3.
5 .Corner J. the Scope is of Media Linguistics//BAAL. Newsletter. 1998.

Е.А. Кожокина

ОБУЧЕНИЕ ПОТРЕБНОСТНО - МОТИВАЦИОННОМУ АСПЕКТУ ЧТЕНИЯ ТЕКСТОВ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

В неязыковом вузе основную деятельность студентов при изучении иностранного языка составляет чтение иноязычной литературы по их основной специальности или профессионально - направленное чтение, которое становится органичным компонентом подготовки специалистов в вузе. Исследование роли социально-ценных потребностей личности в достижении, общении и доминировании в стимуляции учебной деятельности по овладению чтением позволило обнаружить важный резерв повышения интереса и мотивации чтения студентами иноязычной литературы по специальности.

В научных исследованиях Г.И. Славиной, С.Ф. Мацевич, Е.А. Бонди, М.Г. Вавиловой, Л.Н. Григоренко должное решение получили многие аспекты проблемы мотивации чтения: организация самостоятельного внеаудиторного чтения с учётом читательских интересов студентов, использование чтения в качестве средства обучения устной монологической речи, составление мотивационно-ценностных заданий по чтению и т.д. И.В. Кизилова в автореферате «Усиление мотивации чтения литературы по специальности» даёт определение мотивационно-ориентированному тексту. По её мнению, мотивационно-ориентированные тексты должны быть ориентированы на потребности в достижении, общении и доминировании и влиять на мотивационную сферу личности, а их чтение составлять потребностно-мотивационный аспект.

Цель данной статьи состоит в создании конкретных методических приёмов усиления мотивации при обучении студентов чтению текстов по специальности.

Выполнение поставленной цели потребовало решения следующих основных задач:

1) исследовать направленность личности неязыкового гуманитарного вуза на овладение чтением иноязычной литературы по специальности с учётом психологической структуры мотивации учебной деятельности по овладению иностранным языком;

2) рассмотреть основные факторы повышения мотивации чтения иноязычной литературы по специальности в неязыковом вузе;

3) раскрыть психологическую сущность потребностно-мотивационного аспекта чтения иноязычного текста студентами;

4) отобрать мотивационно-ориентированные тексты и предложить методическую организацию работы с ними;

5) проверить на практике действенность предлагаемой методики.

Исследование проблемы мотивации чтения проводилось нами со студентами неязыковых специальностей. Проведённые исследования позволили установить:

1) низкую профессиональную мотивацию чтения, связанную с потребностью в использовании студентами информации из иноязычных источников в интересах их основной специальности;

2) наличие объективных возможностей для повышения мотивации учебной деятельности по овладению чтением на иностранном языке вообще и профессиональной мотивации, в частности, а именно:

- высокое место в мотивации читательской деятельности широких социальных установок студентов, объясняемых их стремлением повысить свой общеобразовательный уровень;

- осознанное желание большинства студентов овладеть необходимыми навыками и умениями чтения иноязычной литературы по специальности;

- наличие коммуникативных и познавательных потребностей студентов;

- возможность использования социальной мотивации, отражающей побуждение личного характера (потребностей в достижении, общении и доминировании) в процессе работы над чтением.

На основе анализа научной литературы были выделены основные факторы повышения мотивации чтения иноязычной литературы по специальности. Основным фактором является организация учебно-воспитательного процесса по овладению чтением в аудиторное и внеаудиторное время, которое конкретизируется в отборе и организации учебных материалов для чтения и в методике работы над чтением; данный фактор опосредует взаимодействие двух других факторов - обучающей деятельности преподавателя и учебной деятельности студента. Сотрудничество со специальными кафедрами выделяется в качестве отдельного фактора.

В результате целенаправленного анализа было выявлено, в какой степени исследован и используется в практике обучения каждый из выделенных факторов, а также обнаружена недостаточная степень использования потребностно-мотивационной сферы личности студента в организации читательской деятельности. Это служит подтверждением необходимости использования потребностно-мотивационного фактора, к которому относятся потребности личности в достижении, общении и доминировании.

В социальном смысле данные потребности являются ценными потому, что люди, для которых они характерны, обладают большой социаль-

ной активностью. Так, например, обнаружено, что лица с высокой потребностью в достижении склонны играть более активную роль в социальном окружении, а в учебной деятельности они активнее работают в студенческих и научных обществах. Развитие способностей и навыка общения необходимо руководителям, педагогам, юристам. Чтобы актуализировать определённую потребность в обучении, необходимо создать соответствующие условия и учебные ситуации. В качестве основы для создания подобного рода ситуации в обучении чтению могут выступать сам иноязычный текст и методика работы с ним.

Если в тексте содержатся мотивационные устремления и переживания описываемых персонажей, отражающие их потребности в достижении, общении и доминировании, то они способны вызвать аналогичные переживания.

Согласно выявленным читательским интересам, студенты интересуются жизнью и деятельностью великих людей. После работы над текстами, ориентированными на потребность в достижении, у студентов наблюдается рост этой потребности. Если перед чтением мотивационно-ориентированного текста создаётся установка на актуализируемую потребность, то его влияние на эту потребность усиливается. Необходимо также составлять специальные задания, обеспечивающие понимание и осмысление мотивационно-ориентированного текста и провести научно-обоснованный отбор текстов по специальности и методическую организацию работы с ними.

В своей работе со студентами-историками мы используем оригинальные исторические тексты-персонажи выдающихся исторических деятелей (Пётр I, Екатерина II, Александр Македонский, Наполеон Бонапарт, Леонардо да Винчи, Владимир Путин и др.). Наряду с психологическим принципом отбора к содержанию и языку мотивационно - ориентированных текстов предъявляются дидактические и лингвометодические требования, которые заключаются в соблюдении идеологической выдержанности и идейно-воспитательной ценности текстов, живом эмоциональном изложении текстового материала, насыщенности текстов терминологической лексикой, в сравнительно несложной структуре и стилистическом характере языка, текстов, помогающим студентам понять и использовать их в коммуникативно-речевой деятельности.

В соответствии с избранным подходом к отбору, предлагается методическая классификация мотивационно-ориентированных текстов, которая включает три основных ориентации-на достижение, общение и доминирование.

Организация чтения на основе отобранных мотивационно-ориентированных текстов потребовала создания мотивационно-ориентированных заданий, которые включают выявление потребности исторического лица, анализ деятельности по удовлетворению этой потребности, определение

трудностей и препятствий на пути к достижению цели, учёт оказываемой помощи в процессе деятельности, оценку эмоционального состояния исторического лица. Проиллюстрировать вышесказанное смогут задания на конкретном тексте «Пётр Великий».

Предлагаем примерные задания, ориентирующие на потребностно-мотивационные характеристики личности исторического лица:

1) найдите информацию в тексте о величайшей цели Петра I (достижение);

2) найдите предложения, описывающие деятельность Петра I, чтобы реализовать это намерение (достижение);

3) найдите абзац, отражающий дружелюбную и общительную натуру царя (общение);

4) найдите информацию о желании и намерении героя (доминирование).

Приведём примеры заданий на определение трудностей на пути к достижению цели:

1) найдите информацию в тексте о трудностях, с которыми встретился Пётр I на пути преобразований в России;

2) скажите, почему Пётр I сумел преодолеть трудности на пути к достижению цели.

В своей практике работы с текстами по специальности мы даём задания по оценке эмоционального состояния исторического лица:

1) найдите предложения в тексте, передающие эмоциональное состояние Петра после поражения шведов;

2) докажите, что Пётр I был уверен в победе русского народа.

В своей работе со студентами мы используем и мотивационно-ориентированные тексты по темам их курсовых работ. Преподаватель обучает студентов, как делать презентацию курсовой работы.

Как метод обобщения пройденного материала, позволяющего проверить способность студентов к нестандартному творческому мышлению, а также развивать навыки адекватной спонтанной речи и поведения и свободной импровизации является ролевая игра.

Ролевая игра при проведении научной конференции способствует выработке профессионально-ориентированных речевых умений субъекта в процессе действия и решения различных проблемных задач.

Тексты по теме «Английская живопись» вызывают у студентов профессиональный интерес и помогают им не только узнать много нового об английских художниках, но и выступить в роли экскурсоводов. После прохождения этой темы мы проводим семинарское занятие по теме «Живопись».

Большой интерес у студентов вызывают тексты об истории и традициях английских праздников. На материале данных текстов можно формировать элементы педагогической техники, вырабатывать манеру держаться

перед студентами, использовать целесообразные тексты, управлять своим эмоциональным состоянием.

Чтобы научить студентов работать с мотивационно-ориентированными текстами, необходимо организовать их чтение и обсуждение в аудитории. Во время обсуждения преподавателю желательно принимать участие в дискуссии, высказывать своё мнение, способствуя формированию личности обучаемого.

И так, чтение мотивационно-ориентированных текстов и их осмысление с помощью разработанного комплекса заданий, стимулирует мотивацию учебной деятельности студентов по овладению чтением иноязычной литературы за счёт актуализации потребностно-мотивационной сферы личности обучаемого. Основными показателями стали: отношение студентов к работе над мотивационно-ориентированными текстами, успешное овладение ими потребностно-мотивационным аспектом чтения, удовлетворённость результатами своего труда.

Но стимулирование мотивации учения является не самоцелью, а средством повышения эффективности учебно-воспитательного процесса. И подтверждением вышесказанному является определённый прогресс студентов в овладении иностранным языком. По мнению большинства студентов, предлагаемые тексты способствуют расширению словарного запаса. А преподаватели видят большую роль данных текстов в возможности использовать их для организации на занятии коммуникативно-речевой деятельности, а, следовательно, в формировании навыков устной речи и чтения. Полученные результаты свидетельствуют об определённом росте собственно учебной мотивации, на развитие которой и направлены все наши усилия.

М.А. Поманисочка

ДИСКУРС КАК ЦЕЛЬ СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ

Приоритетной целью обучения на старших курсах факультетов и отделений иностранных языков является создание полноценных высказываний по достаточно абстрактным темам, поэтому выбор дискурса как центра внимания для исследования в настоящее время с точки зрения наших задач является весьма своевременным. Учитывая особенности работы, завершающая стадия которой ориентирована на подготовку специалистов по межкультурной коммуникации, нам не менее выгодно представить концепцию дискурса именно с позиций теории межкультурной коммуникации, где «дискурс – когнитивная заданность социального взаимодействия людей, которая определяется их общей способностью организовывать данные взаимодействия». Вторым важнейшим направлением для

рассмотрения проблематики дискурса, соответственно, должно стать внедрение современных методов преподавания, создающих благотворную почву для совершенствования умений по формированию упомянутых высказываний. Уместно в данном контексте затронуть вопрос о возможностях, традиционно открывающихся при применении интеграции, когда результаты обсуждений в рамках смежной изучаемой дисциплины находят свое отражение в курсе практики устной и письменной речи по иностранному языку.

Считается, что термин «дискурс» отличается своей многозначностью, что совершенно неудивительно, поскольку используется и, соответственно, трактуется по-своему, специалистами самых различных гуманитарных наук. Он широко применялся в работах отечественных и зарубежных языковедов на протяжении долгого времени, встречается, например, у Юджина А. Найды в его работе «К науке переводить», опубликованной в 1964.

Нас в его применении привлекает то, что он в своей широкой трактовке охватывает сферу устной и письменной речи и позволяет сконцентрировать внимание на всех этапах вербального общения, начиная с социально-психологической ситуации порождения высказывания и кончая оценкой результатов вербального воздействия, что мы привыкли в последнее время именовать прагматическим аспектом речи. Такая дискретность всего процесса порождения высказывания чрезвычайно привлекательна, потому что именно таким образом создается прецедент для целостного анализа, равно как и изучение специфических особенностей каждой его стороны.

В литературе имеется множество определений дискурса: 1) связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; 2) текст, взятый в событийном аспекте; 3) речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие. Если приглядеться внимательно, то ни одна из описанных сторон как бы не кажется лишней, все они лишь с нашей точки зрения дополняют друг друга, расширяя горизонты исследований представления и давая возможность обратить на его отдельные стороны.

В одной из книг, рассматривающих роль, структуру и особенности диалогической речи в свете теории коммуникации, приводится интересное сравнение точек зрения на дискурс, существующих в англо-американской и во франко-язычной литературе. Это - текст, в различных его аспектах; связная речь; актуализированный текст в отличие от текста как формальной грамматической структуры; когерентный текст; текст, сконструированный говорящим для слушающего. Отличаются многообразием и формулировки в отечественной лингвистике, где дискурс считают связной последовательностью речевых актов; единством, реализующимся как в виде речи, т. е. в звуковой субстанции, так и в виде текста, т. е. в письменной форме; текстом, состоящим из коммуникативных единиц языка; сложным коммуникативным явлением, включающим кроме тек-

ста еще и экстралингвистические факты, необходимые для его понимания. Нам очень важно, что дискурс рассматривают как языковое единство в совокупности с целым рядом факторов, прагматических, социокультурных, психологических и других.

С учетом сиюминутных задач обучения следовало бы выделить наиболее приоритетные моменты, и здесь надо вести речь о взглядах на проблематику дискурса с позиций методики преподавания, оценивая речь как средство выражения и достижения коммуникативных целей.

Поэтому, разумно дополнить вышесказанное еще одним определением: дискурс- это не только продукт речевой деятельности, но и процесс его создания, то есть непосредственно общение. Этот процесс определяется многими экстралингвистическими факторами (коммуникативным контекстом и условиями общения). При этом стратегия речевого взаимодействия, речевое и неречевое поведение коммуникантов, а также тип, форма и содержание создаваемого или воспринимаемого текста определяются данным культурным контекстом и коммуникативными целями участников общения.

Очень привлекательным в этом смысле представляется антропоцентричный подход к данной теме. Реальная коммуникация включает действительные знания, мнения и желания отдельного человека в условиях социума. Несмотря на то, что и раньше человек формально воспринимался как интеллектуальный (мыслящий) и автономно (самостоятельно) действующий индивид, его социальная деятельность была детерминирована идеологическими концепциями, что само по себе определяло и его потенциальную и практическую речевую деятельность. Исчезновение прежних социально-идеологических барьеров само по себе является предпосылкой для разностороннего стимулирования когнитивной деятельности человека.

С одной стороны открытость современного мира, казалось бы, создает благоприятную среду для развития творческой личности, наделенной полнотой выбора модели, по которой будут построены в дальнейшем отношения с окружающим миром. С другой стороны, эта деятельность по-прежнему остается во многом заранее заданной, если вести речь о процессе познания в рамках учебной программы. Надо ли полагать, что весьма уместно сейчас говорить о иной ориентации программы, воплощая в более полном объеме идей сотрудничества в практике занятий?

Это лучшим образом соответствовало бы новой философии образования, которая предполагает воспринимать личность как субъект истории, активного деятеля в отношениях с обществом, новой, личностно ориентированной концепции образования, которому надлежит трансформироваться в механизм развития культуры, формирования образа мира и человека в нем. И, наверно, будет правильно, если мы озаботимся не только, а в некоторых случаях и не столько, совершенствованием навыков и умений во владении иностранными языками, но и тем, что хотим со-

здать условия для формирования полноценного общественного сознания, гуманизации социальных основ общества.

Современная масштабность восприятия личности в ракурсе образования, как это не удивительно, совпадает с современным видением природы дискурса, как в языкознании, так и в смежных дисциплинах как явления чрезвычайно сложного и многогранного. Напрашивается простой вывод: чем больше мы сможем активизировать творческие возможности личности, тем больше выгоды мы обретем с позиций и отдельно взятого учащегося, и общества в целом. Равным образом, чем больше внимания мы уделим процессу подготовки и формирования дискурса как виду обучающейся деятельности, тем лучшие результаты получим в конце с точки зрения основных качеств речи.

Жаловаться на недостаток детально разработанных теорий в этом смысле не приходится, в том числе это касается личностно ориентированной направленности обучения, предполагающей мотивацию обретения социального опыта, стимулирование креативного мышления, формирования полноценного мировоззрения, создания динамической масштабной картины мира, критической оценки личностных свойств и качеств, способствующих саморазвитию личности. Исключительно привлекательными кажутся и другие общедидактические принципы, лежащие в основе современной методики преподавания иностранных языков, такие как принципы сознательности, творчества, деятельности, автономии учащегося. Другими словами, стратегия в этом смысле достаточно четко определена, остается лишь перенести ее в полной мере на нашу почву.

Очень заманчивыми кажутся идеи, рассматриваемые в контексте образовательной парадигмы о принципиальном изменении плана отношений в студенческой аудитории. Естественен авторитет преподавателя как следствие его общей и предметной компетенции и профессионального мастерства. Вместе с тем, отношения «преподаватель-студент» видятся в будущем построенными в большей степени, чем сейчас, на принципах партнерства, основанного на совместной деятельности и сотрудничестве, направленное на достижение общей цели. Конкретному учебному процессу надлежит иметь “открытый” характер и ориентироваться их общими усилиями и взаимодействием так, чтобы по возможности учитывались цели, мотивы, интересы всех участников сотрудничества, а также индивидуальность и стиль каждого. Авторитарный стиль общения оказывает отрицательное влияние на социальное поведение обучающихся и не способствует построению “открытого” обучения и, соответственно, совершенствованию умений в сфере межкультурной коммуникации, и приоритеты учебного процесса должны совпасть с личностными приоритетами.

Не менее актуальным кажется и обучение, организуемое с помощью деятельности, и обучение, организуемое как деятельность, две основные формы реализации принципа деятельности, которые способствовали бы

развитию у учащегося умения самостоятельно осуществлять коммуникативную деятельность.

По достоинству следует оценить и предлагаемый к реализации принцип автономии учащегося, когда в особом стимулировании нуждается собственная (умственная, речевая, речемыслительная) активность, а активное осуществление учебной деятельности, осознанная оценка своего опыта – в не менее активном мотивировании. Не подлежит сомнению, что автономность является важным фактором успеха в сочетании с адекватной методологической помощью со стороны преподавателя.

Задачи кажутся настолько масштабными, что мы рискнули лишь упомянуть о них, а далее предпримем попытку рассмотреть один из возможных многочисленных путей реализации задачи на старших курсах нашего отделения.

Достаточно часто имеют место случаи, когда стремление достичь цели в чем-либо приводит к достижению побочных, но не менее значимых результатов, которые первоначально не предполагались. Занятия по практике иностранного языка в рамках университетского курса, помимо прочего, направлены на формирование умений и навыков создавать высказывания на иностранном языке, которые максимально были бы приближены к аутентичным речевым моделям, соответствующим нормам литературного языка по всем параметрам.

Среди огромного количества трудностей в выполнении этой задачи особо выделяется та, которую специалисты часто именуют интерференцией родного языка. Естественно, поиск путей успешного преодоления этого препятствия постоянно является центром внимания, и изучение проблем переводческой тематики открывает хорошие возможности для систематизации, анализа и принятия мер, предотвращающих интерференцию, равно как и корректирующих уже сформировавшиеся тенденции, которые проявляются в речи изучающих иностранный язык. Расширенный курс теории и практики перевода на четвертом курсе романо-германского отделения филологического факультета приносит в этом смысле несколько неожиданные плоды.

Стоит отметить, что использование в данном контексте весьма обширно употребляемого термина «интерференция родного языка» достаточно условно, т.к. не отражает всей полноты проблемы. На деле, отклонения в правильности высказываний на иностранном языке, якобы спровоцированные влиянием родного языка, вызваны куда более широким кругом факторов, выходящих за границы дисциплин лингвистического спектра и являющихся предметом изучения таких наук, как социолингвистика, психолингвистика, теория языка и др., не являются предметом обзора и нуждается в отдельном рассмотрении.

В истории создания теории перевода был критический момент, когда необходимость в существовании такой теории обозначилась вполне оче-

видно. Это совпало со временем, когда стало ясно, что рамки структурной лингвистики сдерживают развитие этой науки в целом. Тогда одним из главных аргументов, приводимых, в том числе, в пользу создания полноценной теории перевода, был постулат о том, что совершенно необходимы сопоставительные исследования, охватывающие узус и нормы двух и более языков, которые благоприятно бы сказались на достижении большей правильности различных видов перевода. Сторонники развития теории перевода утверждали, что перевод должен «рассматриваться как крупномасштабный естественный эксперимент по сопоставлению языковых и речевых единиц в двух языках в реальных актах межъязыковой коммуникации, и его изучение позволяет обнаружить в каждом из этих языков немаловажные особенности, которые могут оставаться не выявленными в рамках «одноязычных» исследований». Огромный объем интеллектуальной работы, проделанной исследователями с той поры, позволил сделать совершенно бесценные выводы с точки зрения нашей задачи достижения совершенства во владении иностранным языком. Сопоставительный анализ, неизменно сопровождающий рассмотрение проблем перевода и являющийся основополагающим в их изучении, дал возможность сформулировать принципы, которым суждено было стать определяющими для выработки общей стратегии в отношении дискурсных высказываний на английском языке. Один из них призывает учитывать при переводе (соответственно, при подготовке изречения при общении на одном языке) семантико-структурный характер русской и английской речи с опорой на частотность. Одна из таких особенностей заключается «в тенденции русского языка к субстантивированию или опредмечиванию действий и процессов. Следствием этой закономерности является большое количество отглагольных существительных в позициях субъекта, объекта и обстоятельства в русской формальной речи. Как следствие, при формулировании дискурса необходимо стремиться к использованию конструкций, основанных на применении других средств, в частности безличных форм глагола. Для наглядной иллюстрации этих и других не менее полезных для нас выводов мы воспользуемся несколькими примерами, взятыми из работ Г.В.Чернова и Е.В.Бреуса.

Первый пример покажет нам, насколько важно учитывать результаты исследования тема-рематических отношений в русском и английском высказываниях, претендующих на адекватность передачи информации с точки зрения перевода. Второй продемонстрирует, насколько естественно выглядит английское предложение, которое описывает изменения качества и количества, если последовать совету, предлагаемому в пособии Бреуса.

Г.В.Чернов в своей книге «Основы синхронного перевода», рассматривая проблемы анализа коммуникативной структуры речи, приводит пример перевода преложения, которое прозвучало на заседании Совета

Безопасности ОНН. Выступление оратора содержало следующее предложение: «I believe that we all agree that de facto an aggression has taken place at Cotonou». В стенографическом отчете была зафиксирована следующая фраза: «Я думаю, что мы все согласны с тем, что агрессия де-факто имела место в Котону».

Как мы видим, в английском предложении ремой является акт агрессии, в то время как в русском «основная смысловая нагрузка или рема сообщения смещается к концу предложения и русское предложение, получается, отвечает на вопрос «Где имела место агрессия?». Соответственно, для правильной передачи смысла необходимо изменить порядок слов: «… согласны с тем, что в Котону де-факто имела место агрессия».

Не менее интересен и следующий пример. Говоря о тенденции к субстантивации или, другими словами, к большему использованию имен при описании ситуации в русском языке в сравнении с английским, Е.В.Бреус рекомендует «…имена процесса, означающие переход в качественно или количественно новое состояние, такие как «увеличение», «уменьшение», «сокращение», «улучшение», на английский язык чаще всего передаются с помощью прилагательных в сравнительной степени или причастия прошедшего времени».

Рабочие требовали *увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня, улучшения жилищных условий.*

Workers demanded *higher wages, shorter working hours and better (improved) housing*.

Полезные рекомендации, которые нам надлежит извлечь из этих примеров и из многих других подобных выводов, как нельзя лучшим образом соответствует обозначенной в начале статьи цели противодействовать влиянию интерференции, в равной степени и прочим упомянутым здесь же целям.

Если на этапе становления теории перевода как науки велась достаточно оживленная полемика по вопросу о том, какой наукой ей надлежит стать дескриптивной или нормативной, то сейчас в работах исследователей проблем перевода наглядно видны черты науки прескрептивной. Нас это обстоятельство не может не радовать. Скажем, в учебном пособии Бреуса приводится целый ряд моделей перевода с русского на английский, охватывающие основные функции языка. Пособия такого рода тем более полезны для нас, так как полностью и однозначно отвечают нашей цели избежать русизмов в речи студентов, позволяя идентифицировать случаи вероятной интерференции и предвосхитить их появление. Огромная польза заключается еще в том, что курс перевода естественно распространяется на перевод различного рода реалий, и тем самым удается устранить ряд трудностей, связанных с описанием нашей действительности.

Вывод напрашивается на первый взгляд отнюдь не новый: рассмотрение проблем в рамках каждой из лингвистических дисциплин вносит леп-

ту в повышение языковой компетенции студентов, и интеграция в практике преподавания на сегодняшний день должна быть нормой. Вместе с тем, важность этого вывода не утрачивает своей значимости.

В качестве заключения хотелось бы сказать, что проблематика дискурса, внедрение новой методики преподавания и противодействие интерференции другого языка и другой культуре как препятствия на пути совершенствования речевых навыков и умений отличаются и масштабностью, и тематикой, и рядом других черт. Они оказались релевантны исключительно в силу обстоятельств, в силу того, что ответы на эти и другие вопросы, связанные с преподаванием на старших курсах романо-германского отделения филологического факультета, хотелось бы найти сейчас для решения задач сегодняшнего дня.

Список литературы

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. -М., 2004.

2. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М., 2000.

3. Найда Юджин А. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике.- М., 1978.

4. Чернов Г.В. Основы синхронного перевода.- М., 1987.

О.А. Свириденко

РОЛЬ ДИСКУРСА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В настоящее время глобальной целью овладения иностранным языком считается приобщение к иной культуре и участие в диалоге культур. Эта цель достигается путем формирования способности к межкультурной коммуникации, т.е. приобретения необходимого уровня коммуникативной компетенции.

Понятие коммуникативной компетенции многоаспектно и включает несколько субкомпетенций. Одной из наиболее значимых считается дискурсивная компетенция, которая представляет собой знание различных типов дискурсов и правил их создавать и понимать с учетом ситуации общения.

Дискурсивная компетенция подразумевает владение набором определенных дискурсов. Что же представляет собой этот феномен?

Понятие «дискурс» стало использоваться в теории обучения иностранным языкам в семидесятые годы. За этот период его трактовка претерпела существенные изменения и, как следствие, изменилась его роль.

Если в 60-70-е годы дискурс понимался как связная последовательность предложения или речевых актов, т.е. коррелировал с понятием «текст», то в настоящее время дискурс определяется как сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста.

Таким образом, понятие дискурса расширилось, оно не совпадает с текстом и поэтому имеет право на самостоятельное существование в теории обучения иностранным языкам. Однако, до сих пор оно не вошло в обиход, далеко не всегда знакомо преподавателю и, зачастую, вытесняется понятием «текст», безусловно, хорошо знакомым каждому.

Дело в том, что текст является тем центром, вокруг которого строится вся система обучения. Являясь целостным и законченным по содержанию и по форме речевым произведением, текст репрезентирует определенную тему и акт общения, содержит изучаемый лексико-грамматический материал, служит образцом речевой коммуникации носителей языка. Таким образом, текст прежде всего является носителем определенной информации, а также образцом использования конкретного языкового материала в речи. Однако с позиции современных целей обучения общению этих функций недостаточно. Не следует забывать, что главным в акте общения является не смысл текста, и тем более не его языковая форма, а выражение и достижение коммуникативных целей партнеров. При этом текст выступает как средство достижения этих целей. Общеизвестно, что нельзя рассматривать средство в отрыве от цели.

В отличие от текста, дискурс является, прежде всего, образцом реализации определенных коммуникативных намерений в контексте конкретной коммуникативной ситуации и по отношению к определенному партнеру, представителю иной культуры, выраженной уместными в данной ситуации языковыми и неязыковыми средствами. При этом адекватность речевого поведения коммуникантов оценивается успехом речевого взаимодействия, т.е. достижением коммуникативной цели, а также соответствием правил речевого и неречевого поведения в данном культурном сообществе.

Таким образом, дискурс – это не только продукт речевой деятельности, но и процесс его создания, который определяется экстралингвистическими факторами, т.е. коммуникативным контекстом и условиями общения. При этом стратегия речевого взаимодействия, речевое и неречевое поведение коммуникантов, а также тип, форма и содержание создаваемого или воспринимаемого текста определяются данным культурным контекстом и коммуникативными целями общающихся.

Из вышеизложенного можно сделать следующий методический вывод: обучаемый не должен заучивать тексты как некие образцы языковой реализации определенного смысла /темы, но создавать /воспринимать

дискурсы, исходя из коммуникативной цели и ситуации общения.

Поэтому, общаясь на занятиях, обучаемый должен прежде всего определить свою коммуникативную цель: зачем он говорит или пишет. Основываясь на этом, он выбирает тему и тип дискурса.

И, наконец, исходя из того, с кем он общается и в какой обстановке (официальной или неофициальной), определить смысловое содержание и языковую форму текста. Что касается слушателя, он также должен прежде всего сориентироваться в обстановке и попытаться определить коммуникативную цель говорящего. Только в этом случае понимание смысла будет полноценным и слушатель сможет адекватно отреагировать на цель говорящего.

Очевидно, что речевые умения, необходимые для осуществления этих действий, достаточно сложны и для их формирования требуется систематическое обучение. Для этого необходима целенаправленная методика обучения порождению и восприятию дискурсов, обеспечивающая формирование дискурсивной компетенции.

Основные положения, на которых основывается формирование дискурсивной компетенции, сводятся к следующим.

1. Дискурс занимает центральное место в системе обучения межкультурной коммуникации.

2. Обучению должен предшествовать отбор типов дискурсов, релевантных целям обучения в конкретном учебном заведении. Дискурсы, репрезентирующие отобранные типы, должны соответствовать сферам и ситуациям, в рамках которых будет происходить общение данной категории выпускников учебного заведения.

3. Ознакомление с конкретным дискурсом должно основываться на аудиовизуальном его предъявлении. Это подразумевает показ видеофильма (слайдов, фотографий и др.), с помощью которого репрезентируется аутентичная коммуникативная ситуация, коммуниканты – представители иной культуры, их речевое и неречевое поведение, культурный фон.

4. Обучение порождению / восприятию дискурса включает три этапа: ознакомление, тренировка, практика в общении.

Ознакомление включает: вступительную беседу преподавателя, в которой указывается коммуникативная цель общения, представляются коммуниканты, аудиовизуальное представление дискурса, контроль понимания, анализ ситуации и речевого и неречевого поведения коммуникантов.

Тренировка включает: восприятие и анализ нескольких дискурсов одного типа, упражнения для закрепления языковых средств, воспроизведение дискурсов.

Практика в общении включает:

а) управляемое общение: создание / понимание дискурсов по заданной коммуникативной ситуации, коммуникативной цели, типу дискурса и его теме;

б) свободное общение: создание / понимание акта общения с использованием изученных типов дискурсов на основе предлагаемой проблемной ситуации в иноязычной культурной среде.

Реализация указанных положений обеспечивается следующей системой обучения.

Подготовка к общению

Прежде всего отбираются типы дискурсов, релевантные сферам и ситуациям, актуальным для конкретного типа учебного заведения.

Применительно к средней школе, это типы дискурсов, используемые в повседневной жизни, главным образом в сфере неофициального общения, т.е. это дискурсы бытового, культурологического и образовательного характера. К ним относятся: сообщение на бытовую / культурологическую / учебную тему; расспрос на те же темы: просьба, объяснение поступка, факта, явления; описание предметов, явлений, событий; рассказ; оценка человека, предмета, события; согласие / несогласие; уклонение; убеждение / совет; одобрение / осуждение; спор.

Применительно к высшей школе, это, в первую очередь, типы дискурсов, используемые в официальном общении в процессе профессиональной деятельности. В области устного общения это: деловая беседа, обсуждение деловых и профессиональных вопросов, расспрос, дискуссия, полемика; доклад, сообщение, устная рецензия, обзор, отчет.

Затем путем анализа аутентичных дискурсов одного типа устанавливается их коммуникативная цель, логико-смысловая и синтаксическая структура, в том числе средства внутритекстовой связи.

После этого определяются и изучаются ситуации неофициального либо официального общения в бытовой либо профессионально-трудовой и социально-культурных сферах, в которых отобранные дискурсы используются.

К таким ситуациям, в первую очередь, относятся следующие:

- *в бытовой сфере:* дома в семье; встреча с друзьями; посещение магазина (продуктового, промтоварного); посещение врача; поездка в метро, на автобусе, в поезде / самолете / пароходе; в городе: прогулка по городу; в незнакомом городе; в сельской местности.

Проблемные ситуации: отношение детей и родителей; отношение преподавателей и учеников; отношение друзей: проблема денег; нормы поведения в обществе;

- *в профессиональной сфере*: прием зарубежных специалистов в научном учреждении, на предприятии; деловые переговоры; заключение контрактов; обсуждение условий делового партнерства, сотрудничества, совместной работы над определенным проектом, темой и др., а также участие в совещаниях, деловых встречах, конференциях, симпозиумах и др. С другой стороны, - это деловое общение во время зарубежных поездок специалистов в командировку, на стажировку, посещение научных

учреждений, предприятий, фирм, с целью изучения их деятельности, обмена опытом и пр.

Проблемные ситуации: получение образования; роль технического прогресса в жизни общества; выбор профессии, оплата труда, взаимопонимание коллег;

- в социально-культурной сфере: ситуации общения, прежде всего, связаны с беседами с иностранцами в официальной и неофициальной обстановке, обсуждение проблем политики, экономики, науки, экологии, культуры, мира и сотрудничества, а также посещением театра, кино, концерта, музея; посещение стадиона, бассейна и др. спортивных учреждений и мероприятий; посещение библиотеки: вкусы и литературные пристрастия; изучение истории; великие события, посещение достопримечательностей города, страны.

Проблемные ситуации: организация досуга и развлечений; роль культуры в жизни молодежи; роль средств массовой информации.

После этого устанавливается возможный статус коммуникантов и их коммуникативные цели. Это могут быть в сфере повседневной жизни: родители и дети; преподаватели и ученики (школьники, студенты); сверстники, друзья; продавец – покупатель; врач – пациент; полицейский – обыватель; водитель / пилот /стюард / моряк – пассажир; библиотекарь – клиент; глава и члены делегации / группы специалистов, прибывшей в страну изучаемого языка, один специалист, стажер какого-либо научного учреждения в стране изучаемого языка, участник конференции, деловой встречи, переговоров и пр.

Наиболее типичными коммуникативными целями и коммуникативными намерениями общающихся в указанных ситуациях могут быть: запросить / получить / сообщить значимую информацию, обсудить какой-либо вопрос с целью принятия решения, убедить партнера в чем-либо, доказать правильность своей позиции, дать оценку какому-либо факту, положению, предмету, выразить / отстоять свое мнение / отношение, поддержать / опровергнуть мнение партнера, выдвинуть и обосновать предложение, указать путь решения проблемы, констатировать факт, обобщить, сделать заключение, поддержать идею, выразить сомнение, критику по обсуждаемому вопросу, рассказать о событии, человеке, предмете; описать явление, человека, предмет.

И, наконец, следует отобрать узуальные языковые средства, служащие для выражения определенного коммуникативного намерения. Например, представления, обращения, уточнения, заключения, извинения, просьбы.

Располагая указанными сведениями, можно переходить собственно к обучению общению, которое состоит из следующих этапов.

I. Ознакомление обучаемых с новым типом дискурса

Этап начинается с беседы преподавателя, в ходе которой он знакомит

обучаемых с коммуникативной целью дискурса и в общих чертах представляет ситуацию общения и коммуникантов. Затем слушают дискурс. Оптимальным является аудиовизуальное предъявление информации, когда учащиеся не только слышат речь, но и видят ситуацию и общающихся. В этом случае они получат подробное представление о речевом и неречевом поведении коммуникантов, об обстановке, в которой осуществляется акт общения. Если визуальная информация отсутствует, то ее заменяет подробный комментарий преподавателя. Затем осуществляется контроль понимания прослушанного.

После этого обучаемым предъявляется печатный текст и осуществляется подробный лингвосемантический анализ, устанавливаются лингвистические, логико-смысловые и композиционные особенности данного типа дискурса.

II. Тренировка в восприятии и порождении изучаемого типа дискурса

Обучаемые прослушивают еще ряд дискурсов того же типа. Работа с ними ведется по вышеприведенному плану. Затем выполняются упражнения для закрепления клишированных выражений и других языковых средств, закрепленных за данным типом дискурса. Потом учащиеся воспроизводят прослушанные дискурсы.

Этап завершается обсуждением коммуникативной ситуации, речевого и неречевого поведения коммуникантов и путей осуществления коммуникативных целей участников общения.

III. Практика в общении

А. Управляемое общение

Обучаемым предлагается коммуникативная ситуация, тип дискурса и его тема. Они должны его создать / понять по аналогии с изученными. Например, запрос информации (неофициальное общение):

Вы приехали в гости к вашему знакомому во Францию (Англию, Германию и т.д.). Познакомьтесь с членами его семьи, узнайте, как хозяева предполагают проводить время, пока вы будете у них в гостях.

Официальное общение:

Вы приехали на стажировку в ... (указывается учреждение в стране изучаемого языка). Представьтесь сотруднику, к которому Вас прикрепили, расспросите его об условиях стажировки.

После выполнения задания проводится подробный анализ дискурса и выполняются упражнения для ликвидации отмеченных недостатков. Например, использование приветствий, обращений, форм вопросов и др. Данные упражнения выполняются на материале одного типа дискурса, но в разных коммуникативных ситуациях.

Аналогичная работа проводится для каждого изучаемого типа дискурса.

Б. Свободное общение

Обучаемым предлагается коммуникативная ситуация и определен-

ная коммуникативная цель. Учащиеся сами выбирают тип дискурса и организуют свое речевое и неречевое поведение. Например, неофициальное общение:

Ваше пребывание у друга за границей заканчивается. Поблагодарите хозяев, выскажите удовольствие от пребывания у них в гостях; хозяева расспрашивают о ваших впечатлениях, приглашают приехать еще раз.

Официальное общение: обсуждение какой-либо профессиональной проблемы и принятия решения:

Вы приехали на предприятие с целью заключить договор о поставке вашему предприятию оборудования, проведите переговоры с представителями предприятия.

После выполнения задания проводится анализ речевых действий коммуникантов с точки зрения их адекватности коммуникативной цели и ситуации общения, правильности выбора типа дискурса и его языкового оформления.

На данном этапе работы основным приемом обучения являются ролевые и деловые игры.

Такова вкратце система обучения общению, которая обеспечивает овладение обучаемым необходимыми для общении типами дискурсов и способствует на этом основании формированию дискурсивной компетенции.

Г.И. Федулова

О ЛАКУНАРНОМ ПОДХОДЕ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ТЕКСТА

Установлено, что большая часть национально-культурной информации в тексте выражается имплицитно: с помощью аллюзий, ссылок, неполного цитирования, переносного употребления имен и названий, путем создания ассоциаций смыслового подтекста. Например, при чтении аутентичного текста нужно уметь расшифровать не только существующие синтагматические (т.е. существующие между элементами одной системы самого текста) отношения, но также заложенные автором и понимаемые носителями языка парадигматические отношения, т.е. отношения связи элементов текста с экстралингвистической реальностью. Элементы структуры текста - заголовок, эпиграф, интертекстуальные и интермедиальные включения - также часто являются средством передачи национально-культурной информации.

Таким образом, в содержание обучения иностранным языкам наряду

со сведениями об истории, литературе, культуре и традициях страны изучаемого языка должны быть включены языковые и речевые единицы, обладающие национально-культурной маркированностью. Практическую ценность здесь представляют тексты сопоставительного плана, позволяющие проводить разнообразные параллели между русской и иноязычной культурой. Неслучайно в последнее время признается необходимость использования при обучении иностранному языку упражнений на перевод, активно применяемых в системе зарубежного обучения иностранным языкам, т.к. процесс перевода предполагает обращение к различным средствам выражения определенного значения в каждом языке. Языки необходимо изучать в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках.

Язык не только сиюминутно отражает современную культуру, но и фиксирует ее предшествующее состояние. По мнению Н.Н. Бочеговой, утверждение о том, что существование языка невозможно без культурного контекста, так же как и существование культуры невозможно без языка, упорядочивающего стереотипы данной цивилизации с помощью определенных символов, является аксиоматичным [1, с.128]. При контакте с незнакомой культурой или с текстом нам приходится сравнивать две лингвокультурные общности - свою и чужую. Результатом такого сравнения является, как правило, непонимание (неполное понимание) в основном специфических феноменов чужой культуры. В отечественной науке расхождения или несовпадения в способах существования языков и культур, которые выявляются при их сопоставлении, при научном анализе, при переводе принято обозначать термином «лакуна». Под этим термином понимается тот или иной элемент национальной специфики некоторой культуры, зафиксированный в тексте и затрудняющий понимание соответствующего фрагмента текста инокультурным реципиентом. Лакуны целесообразно подразделять на лингвистические и экстралингвистические (культурологические). Ссылаясь на ряд глубоких исследований И.Ю.Марковиной и Ю.А. Сорокина, посвященных изучению феномена лакун, Н.Н.Бочегова приводит в своей монографии «Этнос. Культура. Язык» [1, с.131] определение, предложенное И.Ю. Марковиной: «Лакуны в самом общем понимании фиксируют то, что есть в одной лингвокультурной общности и чего нет в другой. Иными словами, лакуны - это сигналы специфики той или иной лингвокультурной общности в сравнении с некоторой другой общностью» [5, с. 9]. Автор монографии классифицирует лакуны на лексические, ассоциативные, этнографические, поведенческие и психологические.

В каждом языке существует большое количество внутриязыковых лакун, т.е. пустых, не заполненных мест в лексико-фразеологической системе языка, хотя близкие по значению лексемы могут присутствовать. Например, в русском языке есть слово «молодожены», но нет слова для

обозначения супругов, уже имеющих стаж семейной жизни. Есть слово «старшеклассник», но нет узуальной единицы для обозначения учащихся младших классов. Есть слова, обозначающие концепт «сообщение о негативных фактах» (жалоба, донос), но нет обозначения для сообщения положительных фактов. Есть часто употребляемое слово «аванс» - деньги (или другие ценности), выдаваемые вперед в счет заработка, причитающихся кому-то платежей. А как назвать (одним словом) деньги, которые выдаются на некоторых предприятиях не вперед (авансом), а с опозданием, деньги, давно заработанные, но задерживаемые? Пока это не заполненная лексической единицей брешь, т.е. внутриязыковая лакуна, наличие которой можно объяснить, например, экономической действительностью. В перечисленных примерах лакуна будет заполнена тем или иным способом, обычно расчлененной номинацией. Сравни: учащиеся младших классов, они давно женаты.

Лакуны, отражающие специфику той или иной лингвокультурной общности, затрудняют взаимопонимание носителей различных культур. Однако практика межкультурного общения свидетельствует о разнообразных способах преодоления барьеров, создаваемых национально-специфическими различиями контактирующих культур. Одним из способов элиминирования лакун является заполнение как языковое, так и относящееся к сфере культуры в целом: раскрытие смысла слова, понятия, принадлежащего какой-то незнакомой нам культуре. Например, fast-food (engl.) - еда,которую можно перехватить на скорую руку; die Checkliste (engl.-dt) - список вопросов, которые могут помочь при подготовке к деловой встрече или собеседованию. Другой формой или разновидностью заполнения лакун является использование в тексте более или менее подробных комментариев по поводу элементов чужой культуры.

В тех случаях, когда необходимо сделать текст максимально понятным инокультурному реципиенту, т.е. сохранить лакуны нельзя, а заполнить их, прокомментировать по тем или иным причинам невозможно, лакуны компенсируют. Процесс компенсации лакун в тексте представляет особый интерес в ходе межкультурного общения. Неслучайно, когда перед переводчиком стоит цель максимально приблизить текст к читателю, например, добиться воздействия на реципиента перевода, аналогично тому, которое оказывал оригинал на читателя, переводчик заменяет частично, а иногда полностью оригинальный контекст.

Перевод стихотворения Гете «Wanderers Nachtlied»

	М.Ю. Лермонтов
Uber allen Gipfeln	Горные вершины
Ist Ruh;	Спят во мгле ночной;
In allen Wipfeln	Тихие долины
Spurest du	Полны свежей мглой;
Kaum einen Hauch;	Не пылит дорога

Die Vogelein schweigen im Walde;	Не дрожат листы ...
Warte nur, balde	Подожди немного,
Ruhest du auch.	Отдохнешь и ты.

Суть компенсации заключается в том, что для снятия национально-специфических барьеров в ситуации контакта двух культур, т.е. для облегчения понимания того или иного фрагмента чужой культуры в текст вводится специфический элемент культуры реципиента. Это может быть, к примеру, литературная цитата, ссылка на хорошо знакомое реципиенту произведение отечественной литературы. Прием компенсации широко используется при переводе рекламных текстов. Так, в северных странах с суровым климатом апельсиновый сок можно рекламировать как «концентрированную мощь южного солнца». Использование такого рекламного текста в южных странах должного эффекта не вызовет. Здесь необходима иная символика. В Италии, например, в рекламе этого товара указывается на пользу содержащихся в них витаминов.

Приемы компенсации лакун в переводах одного произведения, выполненных разными переводчиками и в разное время, могут быть самыми разнообразными, что позволяет судить об объеме общей для переводчика и читателя «культурной памяти». Действие механизма компенсации культурологических лакун можно показать также на примерах постановки инокультурных пьес, когда используется вторая сюжетная линия, являющаяся своеобразной компенсацией лакуны. Иногда создаются варианты одной и той же пьесы, например, на русском или каком-то другом языке. Отсюда различные культурологические варианты (бытовые детали, два различных финала пьесы). Масштабы культурологических компенсаций при «переносе» произведения в другую культуру могут быть и не столь значительными: замена русских имен персонажей на другие иностранные и тем самым сокращение культурологической дистанции между текстом русской пьесы и иноязычным зрителем.

Еще один вид культурологической компенсации - заимствование «инокультурного сюжета» и перенос его на другую социальную почву. Такой перенос может сопровождаться изменениями названия произведения, имени автора, сдвигами в развитии сюжета. Так, название и сюжет своей новеллы «Panzerkreuzer Orlow» («Броненосец Орлов») Л.Фейхтвангер заимствовал из названия и сюжета фильма режиссера С. Эйзенштейна «Броненосец Потемкин». Говоря о роли компенсации культурологических лакун, следует подчеркнуть, что они облегчают понимание текста. Однако в тексте некоторой культуры появляются элементы другой культуры - схожие или близкие к элементам исходной культуры, но не совпадающие с ними. При этом в определенной степени утрачивается национально-культурная специфика исходной культуры. На это явление указывают Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А.Н. Крюков [3, с.11].

Одним из видов компенсации лакун в тексте, репрезентирующем фрагмент чужой культуры на языке реципиента, является также указание на реалию, знакомую читателю и тем самым помогающую понять чужую реалию или ситуацию. Вариантом этого вида компенсации являются случаи обращения не к элементам своей культуры, а к широко известному носителям тех или иных культур факту, реалии, ситуации другой культуры. Очевидно, множество англицизмов, проникающих в русский или немецкий языки, уже не могут восприниматься как «чужеродные», т.к. принадлежат межнациональной сфере и нет никаких оснований заменять такие общепонятные слова на русские или немецкие. Таковы, например, Rap - rhytmischer Sprechgesang - музыкальный стиль с сильно ритмизированным, обычно импровизируемым текстом; CD-Rom (engl.) - Datentrager fur Computer (dt) - носитель информации для компьютера.

Следует подчеркнуть, что процесс межкультурного общения является процессом, в котором инвариантное и вариантное (общее и частное), совпадающее и различное находятся в сложных и неоднородных отношениях друг с другом. Выяснение взаимообусловленности или паритетности этих отношений зависит, в свою очередь, от того, насколько полно и достаточно точно можно описать свою и «чужую» картину мира, существующую в виде слов и поступков, актов и предметов, ценностей и предпочтений. Для совмещения одной картины мира с другой, выявления различий и совпадений сопоставляемых лингвокультурных общностей как раз и необходимы приемы заполнения и компенсации лакун.

Анализ процесса заполнения и компенсации лакун позволяет судить о способах поведения культур в процессе контакта между ними, а также сравнивать эти культуры между собой.

Выше отмечалось, что изучение языка происходит одновременно с изучением культуры. На пересечении языка и культуры находится такое явление как лексический фон, которым, по мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, «слова одного языка отличаются от эквивалентных иноязычных слов» [2, с.75]. Незнание фоновой, обладающей национально-культурным компонентом значения, и безэквивалентной лексики приводит к построению бессмысленных фраз и вызывает трудности в процессе общения представителей различных культур. Моделированию фоновых знаний способствует знакомство с текстами, насыщенными национально-культурной информацией, релевантной для иноязычного и инокультурного адресата.

Перейдем теперь к сравнению языков. Часто мы имеем дело с отсутствием лексической единицы в одном из сравниваемых языков. Свидетельствует ли это об отсутствии концепта (сознательного образа) в сознании народа, говорящем на данном языке? Так, в русском языке относительно немецкого или английского отсутствуют обозначения для таких концептов, как:

Брат и сестра - - Geschwister (dt)
Учебный текст, предварительно
написанный учителем на доске - - Tafelbild (dt)
Идти на высоких каблуках, постукивая ими - - abstockeln (dt)
Время, запланированное руководителем в
своем распорядке дня на решение проблем
в случае неполадок, сбоев в работе - - Pufferzeit (dt)
Группа специалистов (формируется для
консультаций на длительное время) - - panel (engl.)
Заявка на отвод участка под разработку недр - - claim (amer.)

В немецком языке нет, например, лексем для обозначения таких русских концептов, как аврал, автолюбитель, здоровяк, именинник, поземка, беспризорник, смекалистый и др.

Как известно, межязыковые лакуны делятся на мотивированные и немотивированные. Мотивированные лакуны в языке объясняются отсутствием соответствующего предмета или явления в национальной культуре (например, балалайка, матрешка). Немотивированные лакуны не могут быть объяснены отсутствием предмета или явления (сутки, кипяток, вечер после работы). Означает ли наличие межязыковых лакун отсутствие у народа понятия? - Немотивированные лакуны вовсе не свидетельствуют об отсутствии у народа соответствующего концепта, представления, понятия, т.к. эти концепты в силу конкретных исторических и культурных причин могут просто оказаться неноминированными в данной лингвокультурной общности, т.е. коммуникативно нерелевантными для народа.

Таким образом, лакуны как безэквивалентная лексика являются одним из пластов национально-окрашенной лексики. Они отражают наиболее существенные для жизни данного народа понятия, поведение человека, систему мировоззренческих взглядов, этических оценок и эстетических вкусов.

Список литературы

1. Бочегова Н.Н. Этнос. Культура. Язык: Монография. -Курган, 2005.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: 2-е изд.- М., 1976.
3. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю., Крюков А.Н. Этнопсихолингвистика. -М., 1988.
4. Языковое сознание. Формирование и функционирование. -М., 1998.

Н.Н. Цыцаркина

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КООПЕРАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ

Общество, наряду с государством и культурой, является средством организации человеческого взаимодействия, благодаря которому достигается координация действий отдельных людей. Координация деятельности людей одновременно создает общество и создается им. Благодаря совместной деятельности люди решают множество проблем, которые они не в состоянии решить отдельно друг от друга [3, с.11].

Модель сотрудничества распространяется на все сферы общественной жизни и может считаться универсальной. Сотрудничать могут как равные, так и неравные по статусу участники взаимодействия [8, с.19]. К равным кооперативным взаимоотношениям относятся отношения сотрудничества, т.е. координации, к неравным - помощи, поддержки и защиты.

Шварц и Ю. Говард выделили несколько стадий, предшествующих принятию решения о кооперативном поведении: 1) осознание того, что индивид нуждается в помощи, при этом: а) состояние индивида должно быть оценено как состояние человека, действительно нуждающегося в помощи; б) должны быть определены действия для облегчения этого состояния и в) именно те действия, которые потенциальный помощник будет способен совершить; 2) выработка чувства морального долга: обращение к системе внутренних ценностей и социальных норм; 3) оценка потенциальных материальных и нематериальных выгод и издержек от кооперативного поведения (учитываются как сама ситуация - присутствие свидетелей, опасность для жизни, - так и человеческие факторы, т. е. важность для человека тех норм и правил, в соответствии с которыми он действует); 4) оправдание отказа в помощи: если выгоды и издержки примерно одинаковы, индивид может отказаться от оказания помощи. При этом он будет пытаться ослабить чувство морального долга, переформулируя ситуацию: а) отрицая, что некто нуждается в помощи; б) сомневаясь, что действия с его стороны будут эффективными; в) сомневаясь в своих способностях совершить нужные действия; г) отказываясь от ответственности на основании того, что при определенных обстоятельствах социальные нормы могут не соблюдаться («Если человек относится ко мне плохо, почему я должен относиться к нему хорошо?») [9, с. 332 - 342].

Сотрудничество, координация, помощь, поддержка и защита характеризуются зависимостью участников общения друг от друга. Зависимость - это отношения, в которых затраты и выгоды от поведения одного участника общения (актора) определяются, по крайней мере частично, действиями другого участника. Взаимозависимость означает, что затраты и

выгоды всех сторон зависят от их совместного поведения.

Помощь, по мнению Ш. Шварца и Ю. Говард, - это ситуация, в которой индивид, нуждающийся в поддержке, зависит от действий другого индивида, который, в свою очередь, вынужден нести определенные издержки для того, чтобы оказать ему помощь [9, с.327 - 329]. Тот, кто помогает, является активным участником ситуации и контролирует результат; тот, кому помогают, - пассивный и зависимый получатель результата. Обе стороны получают выгоду и обе стороны несут издержки, но по существу их выгоды и издержки различны. Помощник действует ради того, чтобы получить психологическую, социальную и /или материальную выгоду. Тот, кому помогают, получает только материальную выгоду. Помощник обычно несет материальные или социальные издержки, в то время как тот, кому помогают, несет социальные или психологические издержки.

Помощь, таким образом, обычно предназначается реципиентам, которые в своем нынешнем состоянии зависимы от потенциального помощника. Помощник вносит вклад в благосостояние других с ощутимыми для себя материальными издержками, например:

PEOPLE'S GAMES

People are offering **to help** at the 2012 Olympic Games in London at the rate of 500 a day. Officials estimate that more than 77,000 volunteers will be needed for the main Games and a further 30,000 for the Paralympics. More than 41,000 **have registered** on a dedicated website [The Times, 2005, August 2].

В ситуации, описанной в заметке «Народные Игры» из газеты «Таймс», два участника - совокупный общественный субъект (государство) и его граждане. В помощи нуждается государство, т.е. универсальный политический институт, осуществляющий на определенной территории (в данном случае это территория Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии) поддержание политического порядка и управление общественными процессами на основе использования легитимных форм принуждения [4, с.77]. Государство является самой массовой политической организацией, так как оно включает в себя всех членов общества, и выполняет множество функций, помимо политических. Оно отвечает за экономическую стабильность, распределение денег в стране и т. д. В заметке говорится о том, что Великобритания готовится к проведению Олимпийских игр в 2012 году. Однако даже такой могущественной властной структуре как государство одной не под силу справиться со всей организационной работой. Нужны добровольцы (107 000 человек по подсчетам специалистов), которые бы помогли в проведении соревнований и обеспечили бы должный уровень сервиса. Ежедневно на соответствую-

щем сайте регистрируются, предлагая свои услуги, 500 добровольных помощников. Возможно государство заплатит за помощь каждому помощнику, т. е. понесет материальные издержки. Добровольцы же, помимо материальной, получат также и социальную выгоду, потому что будут выполнять общественно полезное дело.

Природа распределения выгод и издержек отличает ситуацию сотрудничества от ситуации помощи. Обычно **сотрудничество** определяется как совместное поведение, направленное на достижение единой для всех участников ситуации цели. Таким образом, выгода от данной ситуации является общей для всех сторон.

В определенных случаях участники общения могут воздержаться от сотрудничества, даже когда подсчет абсолютных материальных выгод будет диктовать кооперативное поведение. В частности, препятствовать сотрудничеству могут психологический дискомфорт и предполагаемые групповые санкции за нарушение норм справедливости. И, наоборот, в ситуациях, когда нужно восстановить справедливость, взаимоотношения сотрудничества могут возникнуть даже в преддверии материальных потерь благодаря моральным, социальным и психологическим выгодам .

Степень межличностного риска как фактор в сотрудничестве относится непосредственно к потенциальным материальным выгодам или издержкам. Рассчитывая риски, люди должны оценить вероятность сотрудничества или отказа от него других людей. На эти оценки несомненно влияют предположения относительно моральных, социальных и материальных выйгрышей или потерь, которые будут иметь партнеры. Взаимообмен - основа сотрудничества, так как он увеличивает осознаваемую вероятность взаимных выгод. Люди могут позволить б**о**льший материальный риск, если они предвидят компенсацию в виде социальных и моральных выгод за сотрудничество [9, с.348].

Рассмотрим следующий пример. Это также статья из газеты «Таймс» под названием «Скептики всей Европы объединяются для борьбы с конституцией», приведенная здесь с небольшими сокращениями:

EUROSCEPTICS UNITE ACROSS CONTINENT TO FIGHT CONSTITUTION

Opponents of the European constitution across the continent **are joining forces** to begin *a pan-European No campaign*, marking the occasion with a letter in the Times and other European newspapers.

The European No campaign, bankrolled by British businesses, **is run** by a German, Thomas Rupp <...>. His office... is shared with *Britain's Vote No campaign*, the best funded and most organised in Europe.

The aim is **to pool expertise and tactics** in the **referendums to be held** in 11 EU member states. Today's letter, signed by 42 prominent campaigners from 14 countries, including a cross-party section of British MPs, demands that «public funds are not misused to give *"yes" campaigners* an advantage». It

also insists that governments «respect the fact that *a national "no" vote* means the proposed constitution **must be rejected**».

The letter coincides with a 375,000 euros partly hosted by the European Parliament in Strasbourg **to promote the constitution**, including travel for 100 journalists. <...>

The European No Campaign is an unlikely **coalition** of businesses, trade unionists, peace campaigners, democracy campaigners, socialists, conservatives and greens.

UK businesses **fear** that the constitution will enhance trade union power. French socialists **worry** that it is too free-market. The Danes **are worried** that it undermines democracy, the Dutch **are worried** about their national identity, and Irish peace campaigners say that it turns the EU into a military power. <...>

The European No Campaign **has held meetings** in Brussels, and **arranged** for *British Eurosceptics* **to appear on Dutch television**. *Spanish Eurosceptics* **have begun a legal challenge** to public money being spent on promoting the constitution. National campaign groups **have started sharing experience**. <...>[The Times, 2005, January 11].

Участники ситуации сотрудничества - противники Европейской конституции в ее настоящем варианте, которые объединились, чтобы начать борьбу против ее принятия. К ним принадлежат такие социальные общности как политические партии, общественные организации, профессиональные группы. Коалиция, состоящая из представителей большого бизнеса, профсоюзных лидеров, борцов за мир, социалистов, консерваторов и зеленых, чрезвычайно разнородна, но преследует одну общую цель. Это как раз та ситуация, когда для восстановления справедливости, даже в предверии материальных и иных трат, могут возникнуть взаимоотношения сотрудничества. Моральные, социальные и психологические выгоды каждого участника перевешивают возможные потери, но причины объединяться у всех разные. Представители бизнеса боятся, что конституция усилит власть профсоюзов (социальная и, возможно, материальная выгоды). Французские социалисты беспокоятся, что она излишне ориентирована на свободный рынок (материальная выгода). Датчане озабочены тем, что конституция в том варианте, за который предлагается голосовать, подрывает основы демократии (социальная выгода). Голландцы беспокоятся о своей национальной идентичности (моральная и психологическая выгоды). Ирландские борцы за мир считают, что если конституция будет принята, продолжится милитаризация Объединенной Европы (социальная выгода).

Интересен тот факт, что данная ситуация является ситуацией сотрудничества нескольких социальных и политических сил в борьбе против некого общего для всех противника - европейского законодательного органа - Европарламента. Это продолжение ситуации конфликта, который возник на почве различных точек зрения на европейскую конституцию и

задел интересы многих европейских стран и политических сил внутри них. В основе этого многостороннего конфликта с огромными пространственными границами, охватившего практически все государства Европы, лежит борьба за власть и политическое влияние. Участники конфликта объединяются, чтобы его урегулировать: из многостороннего конфликта он превращается в двусторонний. Разрешение социального конфликта подобного рода возможно двумя способами: мирным, при этом не исключены стратегии кооперации, как в данном случае, и военным - при невозможности нахождения компромисса. В международных отношениях превалируют мирные способы урегулирования возникающих конфликтов.

Ситуации, в которых реализуются общественные отношения кооперации, воспроизводящиеся в повседневной жизни с помощью социальных институтов, обычаев, традиций и т.п., проецируется на высказывание в виде категориальной ситуации социальных действий или социальной ситуации. Социальная ситуация относится к сложным ситуациям. Она номинирует экономические, политические, юридические отношения и охватывает ряд элементарных, однозначно интерпретируемых ситуаций.

Категориальная социальная ситуация лежит в основе концепта «кооперация». Концепт - глобальная мыслительная единица, представляющая собой «квант» структурированного знания [7, с.4]. Фрагменты действительности, соответствующие социальным ситуациям, концептуализируются во фреймах. По определению М. Минского, фреймами называются структуры знания для описания стереотипной ситуации [5, с.289]. Это совокупность хранимых в памяти ассоциаций. Фрейм имплицирует комплексную ситуацию, его можно сопоставить с кадром, в рамки которого попадает все, что типично и существенно для данной совокупности обстоятельств [1, с.19].

Фрейм - это иерархически организованная структура, верхние уровни которой представляют собой описание события, которое является обобщением более мелких ситуаций. Нижние уровни (слоты) заполняются конкретными данными из соответствующей ситуации.

Концепт «кооперация» представляет собой гиперфрейм и состоит из фреймов «сотрудничество», «помощь», «поддержка», «защита». Фрейм «сотрудничество» представлен на верхнем уровне глаголами содействия деятельности субъекта (cooperate, coordinate, unite -“объединяться”, pool- “объединять”, join -“объединнять”); фрейм - «помощь» репрезентируют глаголы help, aid, assist; фрейм - «поддержка» - глаголы support, back; фрейм - «защита» составляют глаголы defend, protect. Все эти глаголы можно назвать глаголами «социальных отношений». Под социальными отношениями понимаются те или иные способы взаимодействия объединенных в различные группы индивидов. Глаголы такого рода обозначают многообразные виды человеческой деятельности в ее общественном проявлении. В базовой структуре глаголов социальных отношений отсутствует

чувственный образ, так как они не описывают фрагменты действительности, а обобщают ряд разнородных элементарных действий, объединенных общей целью. Общая цель - это и есть тот признак, который лежит в основе номинируемого ими понятия.

Глаголы социальных отношений, обозначающие деятельность субъекта, представляют собой включающие предикаты, т. е. стоят в иерархии выше предикатных знаков - обозначений деятельности объекта. Вследствие этого, такие глаголы сочетаются с именами пропозитивной семантики или так называемыми включенными предикатами, которые занимают позиции аргументов. Включенные предикаты являются средством выражения вторичной предикативности. В отличие от первичной, интерпретирующейся как наличие в самостоятельном или главном предложении финитного глагола, вторичная предикативность представляет собой сокращенную или зависимую предикативность [2, с. 5 - 13]. Вторично-предикативные структуры обычно выражают пресуппозиции, т. е. высказывания, позволяющие сформулировать суждение матричного предиката как истинное или ложное. Их нет необходимости воспроизводить в развернутом виде, так как они уже были утверждены до этого [6, с.98]. Включенный предикат может выражаться существительным, имеющим событийное прочтение (movement, tactics, referendum, meeting), инфинитивом (to be held, to fight, to begin *a campaign*), абстрактным существительным (expertise “знания”, forces “усилия”).

На нижнем структурном уровне актуализаторами концепта «кооперация» являются более конкретные глаголы и существительные (appear on Dutch television, begin a legal challenge, share experience**,** write a letter).

Компонентами фреймовой структуры концепта «кооперация» являются, кроме предиката социальных отношений, субъект (агенс) и объект. Во фрейме «сотрудничество» как субъект, так и объект - агенсы и одновременно бенефактивы, так как данный фрейм описывает равноправные отношения. Оба партиципанта принимают участие в деятельности и получают от этого взаимные выгоды. В некоторых случаях оба участника выражаются одним и тем же членом предложения - подлежащим (реципрокальная диатеза):

Eurosceptics **unite** across the continent to fight constitution.

Opponents of the European constitution across the continent **are joining forces** to begin a pan-European No campaign...

Для фреймов «помощь», «поддержка», «защита», концептуализирующих отношения зависимости, характерен субъект-агенс как активный участник ситуации, от которого исходит помощь или поддержка. Второй участник ситуаций помощи, поддержки и защиты является бенефактивом как получающий определенные (материальные, как было упомянуто выше) выгоды из создавшегося положения вещей. Его можно назвать также и пациенсом, поскольку действие совершается без его непосредствен-

ного участия. Субъекта-агенса также можно считать бенефактивом исходя из того, что он получает моральную и социальную выгоду из данной ситуации.

Субъекты и объекты фреймов «сотрудничество», «помощь», «поддержка», «защита» являются коллективными.Они обозначают не конкретных индивидов, а общественные и политические организации, территориальные общности, профессиональные коллективы, социальные институты, целые социальные слои (people, volunteers, trade unionists, peace campaigners, “yes” campaigners, “no” campaigners, businesses, socialists, greens, the Danes, conservatives).

Таким образом, фрейм «кооперация» представляет собой сложную иерархическую структуру, сложный абстрактный концепт, что объясняется разнообразием и многоплановостью самих кооперативных общественных отношений.

Список литературы

1. *Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Автореф. дис. ... дра филол. наук.- Воронеж, 1998.*
2. *Богданов В.В. Роль вторичной предикативности в построении связного текста. - М., 1981.*
3. *Касьянов В. В. Основы социологии и политологии. - Ростов н/Д.: Феникс, 2004.*
4. *Кравченко А. И. Социология.- М.: Академический проект, 2003.*
5. *Минский М. Остроумие и логика коллективного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. - М., 1988.*
6. *Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. - М., 1974.*
7. *Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. - Воронеж, 1999.*
8. *Deutsch M. Interdependence and Psychological Orientation // Cooperation and Helping Behavior. Theories and Research. - N.Y.: Academic Press, 1982.*
9. *Schwartz Sh. H., Howard J.A. Helping and Cooperation // Cooperation and Helping Behavior. Theories and Research.- N.Y.: Academic Press, 1982.*

Ф.М. Белозерова, Л.Д. Микаилова

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГРУППЫ ЕДИНИЦ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ

Целью исследования является выявление, систематизация и интерпретация фразеологических единиц (ФЕ) американского варианта английского языка, отражающих особенности поведения (далее ФЕП).

Полученные данные обогащают представление о данном фрагменте ФЕ и раскрывают национальную маркированность их семантики, отражающей американскую программу поведения. Исследуемые единицы способствуют пониманию менталитета носителей языка, национального характера, образа жизни и общественного поведения.

Анализ структурной организации ФЕ на основе фразеологической концепции А.В. Кунина позволил систематизировать их по классам, представленным в таблице 1.

Таблица1

Структурная организация

Номинативные ФЕ					Коммуникативные ФЕ
Субстантивные	Адъективные	Адвербиальные	Глагольные	Междометные	
1	2	3	4	5	6
The rough and tumble	To be as stiff as a poker	On no account	To fan the flames	Drop dead!	Curiosity killed the cat
A tempest in a teapot	Sweet as pie	Behind one's back	To put smth. on the line	Get off my back!	When in Rome do as the Romans do
A clean sheet	To be as cool as a cucumber	To let it all hang out	To raise hell		You reap what you sow
A battle of wits	To be a bundle of nerves	A free ride	To move mountains		Like water off a duck's back
A heavy hand	To be at a loss		To lose face		An eye for an eye. A tooth for a tooth
Hot air	To be clean as a whistle		To save face		To make hay while the sun shines
A free ride	To have a way with one		To step out of line		

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6
The easy way out			To bend the rules		
The movers and shakers			To raise hell		
A foot in both camps			To muddy waters		
A slap on the wrist			To keep one's cool		
Give and take			To risk one's neck		
A fools errand					

Как показывает таблица 1, исследуемые ФЕ относятся к нескольким классам. Наиболее многочисленную группу составляют глагольные ФЕП, менее типичны субстантивные, адъективные, коммуникативные, адвербиальные, а самыми малочисленными являются междометные ФЕП.

ФЕП образуют фразеологическое поле, включающее различные семантические группы, раскрывающие особенности поведения. Ядро поля составляют следующие фразео-семантические группы (ФСГ): «инициатива», «обман», «бестактность», состоящие из 16, 10 и 7 ФЕ. Перечень ФСГ приведен в таблице 2.

Таблица 2

Фразео-семантические группы, формируемые ФЕП.

№	Семантические группы	Пример	Перевод
1	2	3	4
1	Репутация	To lose face	навредить репутации, потерять престиж, уронить честь
2	Этикет	To mind one's p's and q's	стараться говорить и вести себя вежливо, стараясь не обидеть людей, соблюдать приличия
3	Бестактность	To let all hang out.	вести себя естественно и расслабленно, не заботясь о соблюдении приличий, отбросить все нормы поведения
4	Спокойствие	To pull oneself together	взять себя в руки, собраться с духом
5	Суета, волнение	To lose one's cool	терять хладнокровие, вспылить
6	Помощь, забота	To go (in) to bat for smb.	помогать, поддерживать кого-то
7	Эгоизм	To turn a deaf ear to smth.	не обращать внимание на что-то, не выслушать
8	Препятствие	To upset smb's apple-cart	расстроить чьи-то планы, спутать карты
9	Возражать	To put one's foot down	запретить, воспрепятствовать, выступать против
10	Быть равнодушным	To wash one's hands of smth.	умывать руки, не брать на себя ответственность за что-то
11	Одобрять	To see eye to eye with smb.	соглашаться с кем-то, иметь общие взгляды

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
12	Инициатива	To go out of one's way	стараться, усердствовать, приложить все усилия
13	Пассивность	To sit on one's hands	ничего не делать; не делать того, что необходимо
14	Не повиноваться	To thumb one's nose at smb	вести себя неуважительно или презрительно по отношению к руководству или влиятельным людям
15	Командовать	To be in the driving seat	управлять ситуацией, руководить
16	Повиноваться	To toe the line	строго подчиняться начальству, строго выполнять предписания
17	Обман	To pull a fast one on smb.	обмануть кого-то
18	Постоянство	To stick to one's guns	не менять своего мнения или решения, даже если другие говорят, что оно неправильное; упрямиться, настаивая на своем, быть неумолимым
19	Критика	To get on smb's case	придираться к кому-то, замучить кого-то критикой
20	Наказание	A slap on the wrist	легкое наказание, шлепок по руке
21	Обида	To step on smb's toes	обидеть/оскорбить кого-то своей критикой или вмешиваясь в их дела
22	Насилие	To give smb. a bloody nose	разбить кому-то нос, дать по носу, нанести поражение
23	Принуждение	To turn up the heat on smb.	оказать на кого-то давление с целью получения чего-то или изменения
24	Агрессивность	To throw one's weight around	вести себя агрессивно, злоупотреблять своим положением, полномочиями, силой
25	Осторожность	To walk on eggshells	быть осторожным в речи и поступках, чтобы не обидеть или расстроить кого-то
26	Рационализм	To act one's age	вести себя соответственно своему возрасту, перестать ребячиться
27	Риск	To risk one's neck	рисковать своей головой, рисковать своей жизнью
28	Нереальность	A fools errand	бесплодная затея, безнадежное, гиблое дело
29	Нарушение законности	To cross the line	пересечь черту, вести себя неприемлемо с точки зрения морали или закона, выходить за рамки
30	Законность	To keep to the letter of the law	придерживаться буквы закона

Анализ семантики ФЕП наглядно демонстрирует, что поведение имеет как положительную, так и отрицательную характеристику. Данные приведены в таблице 3

Таблица 3

Положительные и отрицательные характеристика поведения

№	Фразеосемантическая группа	Положительный характер поведения		Отрицательный характер поведения	
		Пример	Перевод	Пример	Перевод
1	2	3	4	5	6
1	Репутация	To save face	сохранить свою честь, престиж, уважение к себе	To lose face	навредить репутации, потерять престиж, уронить честь
2	Этикет, Бестактность	To mind one's p's and q's	стараться говорить и вести себя вежливо, стараясь не обидеть людей, соблюдать приличия	To step out of line	переходить границы, выходить из ряда вон, нарушать нормы приличия
3	Спокойствие, Волнение	To keep one's cool	сохранять спокойствие, хладнокровие	To lose one's cool	терять хладнокровие, вспылить
4	Помощь	To let smb. off the hook	вызволить кого-то из беды, помочь в трудном положении, освободить кого-то от ответственности, отпустить кого-то	To leave smb. in the lurch	оставить кого-то в беде, в трудном положении
5	Возражение, одобрение	To see eye to eye with smb.	соглашаться с кем-то, иметь общие взгляды	To set one's face against smth	решительно выступать против чего-то
6	Инициатива, пассивность	To move heaven and earth	задействовать все средства; прибегнуть ко всему возможному с целью достижения цели	To sit on one's hands	ничего не делать; не делать того, что необходимо
7	Повиновение, неповиновение	To toe the line	строго подчиняться начальству, строго выполнять предписания	To thumb one's nose at smb.	вести себя неуважительно или презрительно по отношению к руководству или влиятельным людям
8	Колебание, постоянство	To stick to one's guns	не менять своего мнения или решения, даже если другие говорят, что оно неправильное; упрямиться, настаивая на своем, быть неумолимым	To change one's tune	сменить пластинку, запеть по-другому, изменить первоначальное мнение или решение
9	Рационализм, риск	To act one's age	вести себя соответственно своему возрасту, перестать ребячиться	To risk one's neck	рисковать своей головой, рисковать своей жизнью

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6
10	Законность, нарушение законности	To keep to the letter of the law	придерживаться буквы закона	To cross the line	пересечь черту, вести себя неприемлемо с точки зрения морали или закона, выходить за рамки
11	Осторожность, агрессивность	To walk on eggshells	быть осторожным в речи и поступках, чтобы не обидеть или расстроить кого-то	To throw one's weight around	вести себя агрессивно, злоупотреблять своим положением, полномочиями, силой

Как свидетельствует таблица 3, положительно характеризуется в американской фразеологии программа поведения, выраженная в таких значениях ФЕ как «сохранить свою честь, престиж, уважение к себе, стараться говорить и вести себя вежливо, стараясь не обидеть людей, соблюдать приличия, сохранять спокойствие, хладнокровие, вызволить кого-то из беды, помочь в трудном положении, прибегнуть ко всему возможному с целью достижения цели, придерживаться буквы закона, быть осторожным в речи и поступках, чтобы не обидеть или расстроить кого-то». Это вполне соответствует тому, что говорится в психологии об особенностях американского поведения. В ФЕ зафиксирована картина мира, отражающая поведение американцев.

Отрицательную окраску имеют определенные схемы поведения, зарегистрированные во фразеологии, например: навредить репутации, потерять престиж, уронить честь, отбросить все нормы поведения, явиться без приглашения, нарушать нормы приличия, ударить лицом в грязь. Отрицательно оцениваются такие поведенческие стереотипы как расстройство чьих-то планов, неуважительное поведение, бездействие.

Некоторые ФЕ также компрометируют американцев; например: do somebody dirt- непорядочно поступать в отношении кого-либо; bring sugar in one’s spade- быть чрезмерно любезным, чтобы добиться своего (дословно - приносить сахар на лопате), put one’s shoes under the bed- расположиться как у себя дома (дословно – поставить обувь под кровать).

Как свидетельствует таблица 2, семантика исследуемых ФЕ достаточно разнообразна и охватывает следующие понятия: репутация, этикет, бестактность, спокойствие, суета, волнение, помощь, забота, эгоизм, препятствие, возражение, равнодушие, одобрение, инициатива, пассивность, неповиновение, склонность к командованию, повиновению, обман, колебание, постоянство, предательство, критика, наказание, обида, насилие, принуждение, агрессивность, осторожность, рационализм, риск, нереальность, нарушение законности, законопослушность.

В семантической группе «репутация» описывается важность сохра-

нения чести, престижа, самоуважения к себе. В ФСГ «этикет» подчеркиваются деликатность, вежливость, обходительность, необходимость соблюдения приличий и обычаев окружающих людей. В ФЕ, относящихся к ФСГ «бестактность», критикуются такие поведенческие действия, как – вести себя вызывающе, явиться без приглашения, нарушать нормы приличия, любопытство. Поведенческая схема, в которой человек берет себя в руки, собирается с духом, остается спокойным в трудной или неприятной ситуации, сохраняет самообладание, представлена в ФСГ «спокойствие». Некоторые черты поведения с негативной оценкой отражены в ФСГ «суета, волнение». Среди них - назойливость, нерациональность действий, суматоха, проявление недоумения. В ФСГ «помощь» упоминаются разные виды помощи и подвергается критике поведенческая ситуация, в которой нарушается слово, не обращается внимание на что-то. Во фразеологическом осмыслении концепта «инициатива» акцентируются такие действия, как – вносить свой вклад в какую-то деятельность, сконцентрироваться на какой-то работе.

Концепт «обман» актуализируется с отрицательной оценкой лжи, двойных стандартов, лицемерия. Сотрудничество с полицией – один из компонентов понятия «законопослушность».

Интерпретация фразеологической семантики позволяет также заключить следующее. Трудолюбие и деловитость всегда признавались в Америке высокими достоинствами. Многие американцы именно в труде, в своей работе находят смысл жизни, возможность для самореализации. Работа для них – источник благосостояния, самоутверждения и самоуважения. Их трудолюбие выражено в таких ФЕ как to bring smth. to the party- вносить свой вклад в какую-то деятельность, to leave no stone unturned- испробовать все средства, использовать все возможности, последняя ФЕ представляет типичный пример американского поведения, они готовы испробовать все возможные средства, не оставят «ни одного камня не перевернутым». В ФЕ to go the extra mile – продолжить дополнительные усилия, принять дополнительные меры, не считаться со своими усилиями ради достижения цели, не жалеть сил; to move mountains- преодолеть любые трудности, творить чудеса подчеркивается мысль о том, что американцы всегда стараются делать больше, чем они могут, они верят, что они могут все, они верят в свои силы и в то, что даже горы могут свернуть. ФЕ to take the bull by the horns – брать быка за рога, решительно заниматься чем-то; to do something at the drop of a hat- делать что-либо охотно, без колебаний и промедления, to move heaven and earth- задействовать все средства, прибегнуть ко всему возможному с целью достижения цели показывают, как серьезно они относятся к своей работе. Пассивность подвергается критике, например, в таких ФЕ как to abandon ship- бежать с корабля, оставлять организацию, уволиться; to sit on one's hands – ничего не делать; не делать того, что необходимо; to bide one's time –

выжидать удобного момента, случая; to twiddle one's thumbs – сидеть, сложа руки, бить баклуши, лодырничать; to sit on the fence- занимать нейтральную позицию, позицию невмешательства, не высказывать своего мнения, отмалчиваться- у американцев все имеют право на свое мнение, они одобряют все мнения, не боятся предлагать новые идеи.

ФЕ the movers and shakers- новаторы, движущая сила, инициаторы и исполнители – яркий пример отражения предприимчивости, отсутствия боязни создавать что-то новое.

ФЕ a battle of wits – битва умов, состязание интеллектов в споре – пример того, что американцам свойственен соревновательный дух.

Нормой поведения считается честность во всем, во ФЕ to take the bait, to rise to the bait – клюнуть на что-то, поверить чему-то, попасться на удочку (взять приманку) отмечается излишняя доверчивость. Анализ семантики ФЕП показывает высокую степень национально-культурной маркированности единиц вторичной номинации.

Словари
1. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь.- М., 1999.
2. Литвинов П.П. Англо- русский фразеологический словарь с тематической классификацией.- М., 2000.

О.А. Мальцева, М.П. Жемерикина

СТРАТЕГИИ КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Качество рекламного сообщения во многом определяется правильным выбором стратегий коммуникативного воздействия в конкретных прагматических условиях. Согласно определению толкового словаря, под стратегией следует понимать «план или алгоритм действий, разработанных и предпринимаемых для достижения заранее установленной цели» [11, т. IV]. Наиболее подробно стратегии коммуникативного воздействия и их отражение в рекламном тексте описала Ю.К. Пирогова. По её мнению, термин «коммуникативное воздействие» оставляет без уточнения конкретный характер и способ воздействия, а именно путь выстраивания рациональной аргументации (убеждение), или воздействие на сознание через эмоциональную сферу, воздействие на подсознание (суггестия), воздействие с помощью вербальных (речевое) и невербальных средств. Е.А. Гончарова же считает суггестию одним из наиболее ярких видов прагматико-речевого взаимодействия коммуникантов, определяя её как

«нашёптывание», или вуалированное влияние на образное сознание», включающее при этом вариацию различных способов [5, с. 120].

Говоря о коммуникативном компоненте, нельзя также не упомянуть и такое понятие как «персуазивность», являющееся одним из возможных составляющих коммуникативной стратегии текста и его существенной функционально-прагматической характеристики. Будучи термином, одновременно используемым и в психологии, и в лингвистике, персуазивность характеризует те явления языка и речи, которыми интересуется так называемая “новая риторика” [5, с.120]. Следовательно, являясь объектом “новой риторики”, перзуазивность, по нашему мнению, представляет собой категорию, сочетающую вербальный и невербальный способы воздействия и манипуляции, что нас и интересует в рамках данной темы (т. к. довольно часто рекламный текст содержит имплицитную информацию невербального характера).

Ю.К Пирогова же предлагает различать коммуникативные стратегии двух типов:

1) позиционирующие стратегии, т.е. стратегии, формирующие определённое восприятие рекламного объекта;
2) оптимизирующие стратегии, т.е. стратегии, направленные на оптимизацию воздействия рекламного сообщения.

Очевидно, что для создания эффективного рекламного сообщения необходимо использовать стратегии обоих типов.

В рамках перечня оптимизирующих стратегий принято выделять следующие более частые из них:

а) стратегии согласованности языка и картин мира коммуникантов;

б) стратегии повышения притягательной силы и «читаемости» сообщения;

в) мнемотические стратегии, позволяющие повысить запоминаемость сообщения или его части;

г) стратегии распределения информации по принципу «от более важного к менее важному» и наоборот.

В любом случае вербальное и невербальное воздействие должны быть согласованны, и как справедливо замечает Е.А. Гончарова: «Особая языковая организация текста или его формулирование всегда связаны с решением какой-то проблемы». Таким образом, мы приходим к выводу, что, при попытке определить и указать определённую, использованную в том или ином рекламном тексте стратегию коммуникативного воздействия, исследователю (в узком смысле) следует помнить о большей вероятности наличия различных способов сочетания таковых.

Очевидно, что наиболее яркое вербальное воздействие осуществляется при помощи одновременного использования фонетически, грамматически, семантически ориентированных стратегий в слоганах, не описательной рекламе, что и выполняет функцию аттракции, мгновенного при-

влечения внимания, включения в сознание ярких фрагментов. Рассмотрим некоторые примеры, взятые из рекламы декоративной косметики: '*We've gotten to the bottom of beauty. And we're working our way up. Come out of the shadows into the light*'. В данном случае мы видим сильную позицию представленной паронимическими отношениями слов 'gotten' и 'bottom', т.о. использовано несколько подвидов стратегий на уровне фоносемантики. Также осуществляется своеобразная игра слов, а точнее – игра нескольких значений одного слова, имеющего в русском языке эквивалент «тень» или «тени», что создаёт впечатление призыва в образе или вуалированного руководства к действию без прямого намека на это. Следовательно, действия адресата и будут положительным результатом осуществленного воздействия или «функциональной направленности текста» [5, с.123].

Руководствуясь проведёнными наблюдениями, мы считаем нужным отметить, что аттракция на уровне фоносемантики является наиболее часто используемой и действенной. Ярким тому подтверждением могут послужить следующие примеры из рекламы товаров западных стран-производителей, а также аудио и CD-плейеров: '*West. Test it*' или '*It is allowed to be loud'*. Немаловажно, что парцеллятивность, "неполноценность" и компактность таких неописательных рекламных сообщений восполняется визуальным подтверждением (картинкой) или воздействием на органы чувств (запахом). Так, экстралингвистический фактор несёт информацию эстетического характера, что не может не привлечь внимания. '*She is always and never the same'* (из рекламы парфюмерной продукции). В данном случае нет даже косвенного намёка на рекламируемый объект. Ведущую роль играет изображение самого товара, его главной характерной черты – запаха, что мы и считаем предметом конкретного рекламного сообщения. На языковом уровне акцентируются антонимические отношения наречий 'always' и 'never', что создаёт эффект противоречивого, но яркого утверждения.

Рассмотрим следующий пример, взятый из рекламы спортивной одежды и обуви: "*If you are what you wear, wear what you are'*. Мы придерживаемся мнения, что это «прямое» [3, с.232] рекламное сообщение (т.е. сообщение, в котором содержание информации эксплицитного характера преобладает над содержанием информации имплицитного характера) представляет уже намного более чёткое выражение смысла посредством формы, хотя и не раскрывает всей предметной ситуации. Глагол 'to wear' входит в круг лексических единиц, используемых при описании одежды, являясь, причём, наиболее частотной в этом контексте. Также данный пример является подтверждением того, что игра слов и специфическое использование конструкций с одними и теми же лексическими единицами в рамках одного предложения органически связаны с национальной спецификой языка, его грамматической системой. Хотелось бы отметить,

что использование в главной и подчинительной частях одних и тех же слов создает впечатление их зеркального отражения, а их сочетание несет «смысл, выливающийся в остроумное и яркое высказывание, которое при переводе на другой язык потеряет свою специфику и прелесть» [1, с. 34]. По мнению И.С.Алексеевой, упомянутые выше стратегии основаны на использовании эксплицитных и имплицитных коммуникативных средств [3, с.232].

Имплицитная информация представлена в сообщении в скрытом виде. Несмотря на то, что рекламный текст несет совершенно конкретную информацию, часть её извлекается адресатом при интерпретации сообщения. Адресат использует при этом свои знания о мире, социальные стереотипы, сведения о свойствах используемого языка или иных семиотических систем. Эксплицитная информация мгновенно доступна и влечет минимальную возможность творчества получателя сведений в процессе èí òåõï ðåöåïòèè è î ñì ûñëåí èÿ ñî î áù åí èÿ. Ñðàâí èì : “*A vase that makes flowers reduntant* “ (из рекламы хрустальных изделий), и “*We work to keep your confidence’* (из рекламы автомобилей). Заметим, что оба сообщения содержат компоненты, заставляющие адресата додумывать. В первом случае внимание привлекает прилагательное ‘reduntant’, которое практически невозможно встретить в данном контексте. Таким образом, получателю предлагается выбирать любые из появившихся в его же сознании ассоциаций, связанных с этим словом, и в каждом случае у каждого нового адресата восприятие и понимание сообщения в целом будет неодинаковым. Во втором случае «неожиданных» сочетаний нет, но многозначность представлена самой тематикой. Конструкция, дизайн, производство автомобилей может вызывать или не вызывать доверие по ряду причин, на знание адресатом которых и опирались создатели сообщения. В данном случае важен «общественно усреднённый характер» сообщения [7, с.400]. Безусловно, важность тематики подразумевается, но, с другой стороны, расшифровывает её каждый сам. Сравним второе сообщение со следующим примером: *‘You put your confidence in us and we work to keep it’* (из рекламы всё тех же автомобилей).

В последнем случае имплицитная часть первого лозунга стала более развернутой, посредством лексического восполнения (развертывания) осуществлено пояснение, как именно деятельность производителей продукции связана с оказанным им доверием. Таким образом, мы видим, что информация приобрела эксплицитный характер.

Е.Н. Назаренко пишет: «Возможность имплицитного представления части содержательно - фактуальной информации, которая уже зафиксирована в прошлом опыте реципиента в результате первоначального знакомства с рекламным текстом, обусловливает компактность сообщения на последующем этапе»[7, с.400]. Другими словами, происходит восполнение недостатка экспликации и «экономности» сообщения при помощи введения имплицитной информации, расшифровать которую помогают

фоновые знания реципиента. Мы видим, что на уровне содержания восполнение является полным или вполне достаточным для понимания (важную роль играют экстралингвистические составляющие), а с точки зрения языка текст сообщения всё более отступает от нормы. В книге “Contemporary Advertising” William F. Arrens и Richard D. Irving пишут: «Advertising copy is too breezy, too informal, too casual, and therefore improper. Advertising has destroyed the dignity of the language. On the other hand good copywriters develop a style that is discriptive, colorful, and picturesque as well as warm, human, and personal”[Arens, Irving,1994, p.647]. Принимая во внимание вышеупомянутые точки зрения и рассмотренные нами примеры, мы соглашаемся с авторами последней цитаты и будем считать момент сочетаемости информации эксплицитного и имплицитного характера противоречивым и многоликим явлением, влекущим за собой изменение особенностей жанра рекламного сообщения в целом.

Рекламный текст, несмотря на определенность его назначения, всё же нельзя свести к простому перечислению основных характеристик товара. Его основная миссия состоит в «имплицитном приписывании рекламируемому товару социально значимых свойств и качеств в соответствии с духовными ценностями и моральными оценками, принятыми в обществе» [1, с. 37]. Другими словами, для того, чтобы рекламный текст выполнял свою коммуникативную функцию, он должен быть включен в культурную среду языка и не должен быть инородным компонентом, несущим блок информации без учета моральных ценностей той или иной целевой аудитории. В свою очередь избыточная информативность становится в некоторой степени помехой акта коммуникации.

Э.А. Лазарева пишет, что «невербальные компоненты рекламного текста выполняют информационно-экспрессивную функцию, выступая в тесной взаимосвязи с вербальными компонентами». Таким образом, донесение конкретной информации имеет вуалированный или скрытый на первый взгляд характер, потому как информативность, экспрессивность и аттрактивность сливаются в «максиму неповторимой привлекательности» и важности рекламного текста [6, с.51]. Однако далеко не всегда, как мы успели заметить, рассматривая вышеприведённые примеры, информативная функция доминирует, более того, она вполне может отсутствовать, т.к. действие «механизма рекламирования» продиктовано исключительно прагматической установкой, несмотря на то, что «любой современный рекламный текст конкретен и его содержание и форма детерминированы» [2, с.8]. Кроме того, определённые группы людей (потребители разного рода продукции, а значит реципиенты рекламных сообщений определённой тематики), заинтересованы в получении совершенно конкретной информации, затрагивающей их интересы, следствием этого и является ярко выраженная адресация рекламного сообщения в большинстве случаев. С другой стороны, во всём непрерывном процессе

функционирования рекламы, включая этапы её создания, восприятия и ответной реакции реципиента (результата), наблюдается, на наш взгляд, и некая обратная связь. Другими словами, как спрос предопределяет создание определённого рекламного текста, так и сама реклама формирует фоновые знания потребителя. Э.А. Лазарева, рассуждая о влиянии информативно – воздействующей функции рекламного сообщения, пишет: «Фоновые знания современного человека формируются во многом за счёт знакомства с рекламой, люди, испытывающие влияние сверхтекста рекламы, словно объединяются в один языковой коллектив «потребителей рекламы» [6, с.52]. С этой точки зрения, она определяет рекламный текст как «прецедентный», а совокупность таких сообщений, по её мнению, составляют «сверхтекст», воздействие которого обусловливает креативную реакцию реципиента: обсуждение, оценку, создание анекдотов на актуальные («навязанные» рекламой) темы. Соглашаясь с вышеизложенным мнением Э. А. Лазаревой, мы приходим к выводу, что согласно данному «механизму» передача информации и экспрессии осуществляется с высокой степенью интенсивности и коммуникативный эффект незамедлителен.

Определяя наиболее благоприятные условия для коммуникативного воздействия на адресата, создатели часто прибегают к перенасыщению текста сообщения функционально значимыми средствами. Таким образом, информативная функция текста (классически являясь одной из главных в списке всех других его функций), все же вытесняется на второй план, теряя позиции первичной. Её место занимает воздействующая функция со всеми свойственными ей оттенками убеждения, экспрессии, призыва и т.д. Немаловажную роль играет и создание образов посредством использования метафор-клише, что обусловлено приписыванием рекламируемому товару определенных свойств. Обратимся к отрывку из рекламы ковров: '*Karastan area rugs and broad loom carpets not only beautify, they increase the value of any home. You'll feel a real age of elegance and comfort of home'*. Во втором предложении мы видим, что при помощи номинативных метафор – клише 'age of elegance' и 'comfort of home' имплицитно акцентируется образ уютного, стильно оформленного дома, где, по всей вероятности, проживает семья с многолетними традициями.

Широко используется и приём одушевления рекламируемых товаров: "*A gift of Waterford Crystal knows no season. It never fades, never loses its bloom. It creates the world of luxury'* (из рекламы посуды из стекла и хрусталя). Привлекая внимание к тексту издалека, создатели прибегают и к использованию рифмовок для передачи особенного ритма, а часто и к вторичному использованию фраз-клише; причём, как пишет Г.П. Черногорова: «Прагматический эффект воздействия строится в данном случае на реализации более чем одного значения». Это явление она называет «двойной актуализацией по аналогии с соответствующим явлением во

фразеологии», посредством чего достигается эффект «банальности/сюрприза» (по определению Бланш-Ноэль Грюниг) [9, с.130-131]. Обратимся к примерам: "*Introducing the soup that won't leave you mute*' (из рекламы супов марки Lipton). В данном случае, хотелось бы отметить, что относительно сходное по длительности гласных звучание слов 'soup' и 'mute' в конце обеих синтагм создаёт своеобразный ритм или имитацию такового.

Следующие же примеры и являются рекламными сообщениями, содержащими несколько видоизменённые фразы-клише, а именно перифразированные пословицы: " *New Fat Free Pringles are so good, you"ll be glad you found them. So, tasting is believing'* (из рекламы чипсов); '*Where there is heat there is healthy hair'* (из рекламы средств по уходу за волосами).

Отметим, что замена компонента (компонентов) фразы происходит на фоне полного сохранения использованной грамматической конструкции, что мы и наблюдаем в наших примерах. Компонент 'tasting is believing' из первого сообщения и всё предложение из второго как раз и нацелены на достижение «эффекта банальности/сюрприза». Г.П. Черногорова так описывает создание обсуждаемого нами эффекта: «Эффект банальности/сюрприза обусловлен тем, насколько высоко рецептор оценивает шансы появления формулы F. Если фоновые знания рецептора позволяют ему предположить появление компонента F, и он действительно появляется, следовательно, срабатывает эффект банальности. При появлении компонента, отличного от F, срабатывает эффект сюрприза – феномен, активно эксплуатируемый языком рекламы для достижения прагматической установки» [9, с.130] (заметим, что 'F'- это условное обозначение фразы-клише.) В свою очередь мы не можем не согласиться с суждением Г.П. Черногоровой, тем более что приведённые нами примеры не только не опровергают, но в полной мере подтверждают его. Но важно и то, что любые трансформации и видоизменение привычных сочетаний, хотя и привлекают внимание, но являются также «весьма неустойчивыми», в основном это, как пишет Н.И. Тонкова, «окказионализмы, конструкции, употреблённые только для данного случая, т.е. речевые прагмены, обладающие большей прагматической силой, чем прагмены языковые» [8, с.159].

Следует также отметить, что создателями рекламного текста довольно широко используется детский язык с «ошибками», в чем просматривается возрастная ориентация сообщения, например: *"Get ready! Kids will rush to brush. New CREST FOR KIDS, with a flavor that is so different, some kids call it berrylicious"* (из рекламы детской зубной пасты). Данный отрывок содержит яркий пример словообразования, чем часто бессознательно занимаются дети, и, что является отличным способом привлечения внимания и достижения коммуникативного эффекта в рамках «прагматически ориентированного текста» рекламы [6, с.52].

Безусловно, существует огромное разнообразие «эмоционально-эс-

тетических приправ» [3, с.232], а именно: метафор-клише, эпитетов, необыкновенно привлекательных образов, восклицательных и эллиптических конструкций, риторических вопросов, языка «с ошибками» и многих других средств. В свою очередь все это делает рекламный текст похожим на яркую бабочку, а дополнительная игра с воображением реципиента доставит ему определенную степень удовольствия эстетического характера и облегчит протекание коммуникативного процесса, но несколько замедлит процесс передачи информации. По мнению И.С. Алексеевой, «создатели современных рекламных текстов настолько мощно используют ресурсы, разработанные художественной литературой, что многие их творения несут отпечаток яркой индивидуальности и неповторимости» (речь идет о качественных рекламных сообщениях). Очевидно, что образный, «номинативный и синтаксический строй текста направлены на вычленение содержательно-графических блоков» [6, с.51-53] сообщения. Таким образом, осуществляется воздействие на адресата посредством определенной, заранее разработанной «общей коммуникативной стратегии» [4, с.114], включающей в себя множество «частных» стратегий, которые опираются на средства языка сообщения.

Завершая рассуждения о способах воздействия на потенциального реципиента посредством и в рамках рекламного сообщения с целью достижения максимального коммуникативного эффекта, отметим, что многообразие возможных коммуникативных стратегий и их подвидов, опирающихся главным образом на средства языка, имеет всё же тесную взаимосвязь со всеми составляющими конкретной предметной ситуации. Безусловно, экстралингвистический фактор, если и не доминирует при выборе оптимальной стратегии, то играет одну из главных ролей, как при написании рекламного сообщения, так и при его восприятии.

Рассмотрев наиболее частотные и яркие способы коммуникативного воздействия и точки зрения некоторых отечественных и зарубежных авторов, мы приходим к выводу, что грань между различными стратегиями, наличие которой позволило бы чётко определить и назвать каждую из них, является довольно неустойчивой и условной, а количество существующих способов вербального воздействия практически не поддаётся фиксации. Другим нашим заключением, вытекающим из вышесказанного, является то, что коммуникативное воздействие в рамках рекламного текста происходит так же сложно и многогранно, как и сам процесс коммуникации в целом.

Мы также приходим к выводу, что тесная взаимосвязь мотивов и процесса создания рекламного сообщения, выбора средств языка и стилистических приёмов, его восприятия и перекодировки реципиентом, и условий, в которых протекают вышеназванные процессы, определяют интенсивность воздействия сообщения в целом. В любом случае под воздействием такого множества обсуждавшихся нами ранее факторов, про-

цесс восприятия сообщения является таким же творческим и неповторимым явлением, как и процесс его создания.

Список литературы

1. *Абрамова Г.А. Социально-прагматическая направленность процессов метафоризации в рекламном тексте. - Киев, 1981.*
2. *Аврасин В.М., Новикова Н.В. Слоган в коммерческой пресс-рекламе: функции, сущность, опыт типологии // Актуальные проблемы лингвистики.- Курган,2000.*
3. *Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика. Рекламный текст.-СПб., 2003.*
4. *Голоднов А.В. Лингвостилистическая интерпретация коммуникативных стратегий персуазивности в текстах коммерческой рекламы // Проблемы когнитивной семантики. СПб., 2001.*
5. *Гончарова Е.А. Персуазивность и способы её языковой реализации в дискурсе рекламы // Проблемы теории европейских языков.- СПб., 2001.*
6. *Лазарева Э.А. Коммуникативные характеристики рекламы // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики.- Екатеринбург, 1999.*
7. *Назаренко Е.Н. Изучение рекламных текстов в когнитивном аспекте // Проблемы теории европейских языков.- СПб., 2001.*
8. *Тонкова Н.И. Конструктивно-замкнутые атрибутивные сочетания в рекламном контексте // Слово и предложение в структурно- семантическом аспекте. -Ленинград, 1985.*
9. *Черногорова Г.П. Двойная актуализация рекламных и публицистических слоганов во французских средствах массовой информации // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики. -Челябинск, 1996.*
10. *William F.Arens, Richard D. Irving Contemporary Advertising.- New-York, 1994.*
11. *Толковый словарь русского языка. Академия наук СССР.- М., 1987.*

С.В. Омельченко

ВЫРАЖЕНИЕ УСЛОВНОГО И ВРЕМЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ В СЛОЖНОПОДЧИНЁННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ С СОЮЗОМ WENN

В немецком и русском языках существует большое количество союзов, которые служат основным, конституирующим признаком сложного предложения, хотя грамматическая целостность, грамматическое единство сложного предложения создаётся, конечно, совокупностью таких структурных средств, как (наряду с союзом) соотносительные слова, порядок следования частей, характер интонации, организующей эти части, видо - временное и модальное соотношение глаголов-сказуемых, входящих в предикативные части и т.п.

Уже античные грамматисты указывали на то, что союзы в очень незначительной степени проявляют своё собственное значение. Современная лингвистика текста, которая особенно занимается вопросами системной, целесообразной связи между предложениями, пришла к тому же выводу. Ещё Д.Н.Овсянико-Куликовский писал, что «союзы служат для

создания чисто формальной (синтаксической) перспективы внутри предложения и в сочетании их». В.В.Виноградов отмечает: «Союз имеет значение не сам по себе, а как выразитель того или иного сочетания, как словесное обнаружение такого сочетания». В. Дресслер подчёркивает, что «союзы вносят гораздо меньший вклад в соединение предложений, чем семантические отношения между предложениями». Все вышеприведённые тезисы, без сомнения, можно отнести и к роли союза wenn в составе сложного предложения.

Сложноподчинённые предложения с союзом wenn в немецком языке представляют чрезвычайно богатую вариативность в семантическом отношении. Наиболее часто встречаются определения таких предложений как предложений с «временным wenn» и «условным wenn». Сама формулировка представляется не совсем корректной, так как союз wenn не имеет в каждой из названных категорий какого-то особого значения. Кроме того, этот союз не является единственным носителем значения, свойственного каждой категории. Здесь при установлении конкретного значения учитывается целый ряд факторов, и в каждом конкретном случае необходимо рассматривать и лексический состав, использованный в предложении, и синтаксические, контекстуальные и ситуативные отношения.

Т.о., союз wenn имеет очень обобщённое содержание. Функция, которую он выполняет в составе сложного предложения, также поддаётся описанию лишь в очень общих чертах.

Чтобы попытаться сопоставить и, если это возможно, разграничить темпоральные и условные предложения с союзом wenn, рассмотрим основные модели этих предложений.

Временные предложения с союзом wenn

Они выражают какое-либо понятие, существование которого однозначно установлено в прошлом, настоящем или будущем, нет никаких сомнений в самом факте существования данного понятия.

Предложения могут выражать предшествование (при относительном употреблении) в прошлом, настоящем или будущем, причём, когда выражается какое-то единичное, однократное действие, то оно всегда связано только с будущим, а компонент «многократность, повторяемость» действия проявляется во всех временных соотношениях – в прошлом, настоящем и будущем.

При абсолютном временном употреблении (когда налицо одновременность действия главного и придаточного предложений) наблюдается та же самая картина: компонент «однократность» всегда связан с будущим. Через компонент «прошедшее время» сразу же даётся компонент «повторяемость» (для выражения однократного действия в прошлом в немецком языке существует союз als), а компонент «повторяемость» действия присутствует во всех трёх временных формах: прошедшем, настоя-

щем и будущем (см. примеры (1), (2)).

(1) Ich fuhr gern allein mit dem Rad durch die Stadt, im Herbst, wenn Nebel ьber den blauen Kohlfeldern lag. (Vergangenheit, Wiederholung)

(2) Nur, ich bin nicht mehr bis zum Parkett gekommen, nie mehr, und manchmal, wenn ich an das Verwaltungshaus in der StraЯe neben dem Gefдngnis denke, komme ich in ein Zimmer, in dem ist der FuЯboden bainahe genau geteilt. (Gegenwart, Wiederholung)

(3) Wenn ich nachmittags die Hausaufgaben schnell gemacht habe, werde ich mit meiner Freundin spazieren gehen. (Zukunft, Wiederholung)

(4) Wenn ich morgen die Hausaufgaben gemacht habe, hole ich dich ab (werde ich dich abholen). (Zukunft, Einmaligkeit)

Условные предложения с союзом wenn

Предложения со значением обусловленности характеризуются как предложения, в которых соотнесены две ситуации, причём одна из ситуаций поставлена в зависимость от другой. Сама же связь между ситуациями такова, что одна ситуация «служит достаточным основанием для реализации другой». Т.о., ситуация-1 порождает ситуацию-2, существование события главного предложения, вводимого союзом (в нашем случае wenn), является условием для существования события главного предложения. Но рассматриваемые условные предложения могут иметь несколько функциональных вариантов.

1) Условный смысл создаётся на базе идеи «ситуация один порождает ситуацию-2», причём ситуация-1 является гипотетичной по отношению к действительности, она содержит некое предположение, и, следовательно, гипотетичной оказывается и порождённая ею ситуация-2.

2) В случае же, если ситуация-1 имеет фактическое содержание, если она реальна в своём отношении к действительности, то формируется не условно-следственный, а причинно-следственный смысл, т.е. в этом случае союз wenn равнозначен союзу da, т.е. практически получается, что причина у нас выражена условным союзом wenn (если).

Das kann er von den Studenten nicht verlangen, wenn er selbst doch darin nicht auskennt.

3) Третьей разновидностью являются предложения, в которых используется сослагательное наклонение (Konjunktiv). Они подчиняются своим собственным закономерностям: они уже с самого начала вследствие употребления в них Konjunktiv II маркированы как предложения условные. Эти предложения могут иметь потенциально-возможное или ирреальное содержание. Но в любом случае части сложного предложения находятся в соотношении условие-следствие.

Все перечисленные типы предложений относятся к так называемым «собственно условным предложениям». Из них только первая группа – гипотетичные условные предложения- может иметь наряду с условным и

временной смысл. Предложения с использованием сослагательного наклонения исключаются сразу же, вторая группа тоже не рассматривается, т.к. здесь имеется оттенок причинности, а не времени.

Теоретически имеется шесть возможностей комбинирования гипотетичного предложения, все они в разной степени употребительны. Это предложения, в которых компоненты «однократность» и «повторяемость» действия присутствуют в прошедшем, настоящем и будущем.

(1) Wenn er jetzt zu Hause ist, kann ich ihn besuchen. (Gegenwart, Einmaligkeit)

(2) Wenn du ein paar Schritte weitergehst, werde ich aller Welt sagen, du bist freiwillig gegangen, und wenn du nicht gehst, wird bald alle Welt wissen, wegen wem ich wieder in der Krawallbaracke bin. (Zukunft, Einmaligkeit)

(3) Wenn man ьberhaupt zuhцrte, so tat man es unwillig, aber es schien ausgemacht zu sein, daЯ man ruhig zu bleiben hatte. (Vergangenheit, Einmaligkeit)

(4) Wir haben in der Schule gelernt: Die Deutschen sind grьndlich. Und genau. Wenn es heiЯt, man muЯ den Ghetto zerstцren, und in dem Ghetto ist eine katholische Kirche, zerstцrt man den Ghetto und lдЯt katholische Kirche stehen. (Gegenwart, Wiederholung)

(5) Wenn er abends zu Hause ist, wird ihn sein Freund besuchen. (Zukunft, Wiederholung)

(6) Jeder fur uns, mein Junge, und wenn du gewцhnlich Infanterie gewesen sein willst, dann warst du gewцhnlich Infanterie. (Vergangenheit, Wiederholung)

Для различения временных и условных гипотетических предложений нужно противопоставить их возможные комбинации по компонентам «однократность» и «повторяемость» в настоящем, прошедшем и будущем. Компонент одновременность/неодновременность не имеет значения для условных предложений вообще, поэтому возможные комбинации временных предложений, содержащих данный компонент, здесь не учитываются.

Временная комбинация	Условно-гипотетическая	Компонент	Время
-	+	однократность	настоящее
+	+	однократность	будущее
-	+	однократность	прошедшее
+	+	повторяемость	настоящее
+	+	повторяемость	будущее

Как видно из таблицы, только комбинации с компонентом «однократность» в настоящем и прошедшем являются однозначно условно-гипотетичными. Остальные типы сложных предложений с союзом wenn могут

рассматриваться и как временные, и как условно-гипотетичные. Далее уже необходимо учитывать такие факторы, как контекст, наличие признака «констатация факта» или «предположение», возможность замены союза синонимами либо эквивалентами и т.п., то есть необходимо проводить уже более глубокий анализ компонентного состава предложения.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове.- М., 1972.
2. Dressler W. Einfьhrung in die Textlinquistik (Konzepte der Sprach-und Literaturwissenschaft, 13).- Leipzig, 1974.
3. Русская грамматика. - М., 1980.
4. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch fьr den Ausld̀nderunterricht. – Leipzig, 1972.
5. Шувалова С.А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения.- М., 1990.

О.А. Степаненко, Т.В. Коростелева

РОЛЬ ФЕ В РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ ФУНКЦИЙ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ

(на материале современного немецкого языка)

Изучение функционального аспекта фразеологии является одним из основных вопросов современной лингвистики. Достаточно высокая частотность ФЕ в разговорной речи, художественной литературе и прессе, их незаменимость другими языковыми единицами из-за сложной семантики свидетельствуют об их принадлежности к основному лексемному фонду языка [6].

В нашей работе предпринимается попытка установить частотность функционирования ФЕ в рамках газетно-публицистического стиля и выявить ее зависимость от различных жанров данного стиля. Язык прессы отличается как от научного стиля, так и от стиля официальной речи. Он более образен и эмоционален, менее педантичен и более прост. Этот стиль близок стилю художественной литературы, но проще его. Иногда стиль прессы приближается к обиходному стилю речи, но не допускает вульгаризмов и диалектной лексики, если этого не требуют стилистические задачи. Редакции крупнейших немецкоязычных газет стремятся к тому, чтобы в материалах использовался только общепринятый литературный язык (Hochdeutsch). Для немецкоязычных газет это особенно важно, так как немецкий язык имеет огромное количество территориальных вариантов (диалекты, швейцарский и австрийский варианты немецкого языка). Требования к языку прессы связаны с характером передаваемой информации и функциями газетного стиля. В современной лингвистике выделяют

две основные функции газетно-публицистического стиля, определяющие его структуру: информация и воздействие [4, с.33]. Цель информации – сообщение конкретных фактов, причем, характерной чертой информации является документально-фактологическая точность, сдержанность и официальность. Чисто информационные жанры в газете встречаются очень редко. Однако газетные публикации могут не просто информировать, но и воздействовать на своих читателей. В данном случае автор ведет читателей к определенной мысли, используя ряд приемов: экспрессивную лексику, коннотации, фразеологизмы в узуальной форме или преобразованном виде, авторские неологизмы. Таким образом, разные цели диктуют авторам разные средства. Если целью является интерпретация событий таким образом, чтобы, воздействуя на читателя, сделать его своим сторонником, журналисту требуется широкая палитра красок. Следует отметить, что при всей своей материальной неоднородности язык (или стиль) газеты организован по одному конструктивному принципу, который состоит в сочетании, чередовании и конфликте стандарта и экспрессии.

Существует такое явление как модные слова и выражения (Modewцrter), которые по какой-то причине приобретают популярность. Язык газеты подвержен влияниям «языковой моды» в большей степени, чем разговорный язык. Журналисты постоянно ищут более меткие и точные выражения. Удачные «находки» становятся достоянием общественности, подхватываются другими журналистами и на время становятся излюбленными, вытесняя прежние модные слова и обороты. Нами была отмечена высокая частотность употребления отдельных ФЕ, что свидетельствует о наличии моды на определенные фразеологизмы на данный момент, например: etwas auf den Weg bringen, etwas im Griff haben, gute Karten haben, in Gang kommen, im Vordergrund stehen, auf den Punkt kommen. Своеобразие стиля прессы выражается, на наш взгляд, в обилии штампов. Причем, в основной своей массе газетные штампы – неидиоматичные словосочетания глагольного или атрибутивного характера с поблекшей образностью, реже – лишенные образа, например: eine Frage aufwerfen, eine grosse Rolle spielen, das Ziel erreichen, den Auftakt zu etwas bilden, brennende Frage, weite Kreise. Наличие подобных штампов Шарль Балли объясняет следующим образом: «…трудно писать быстро и правильно, не прибегая к избитым выражениям» [1, с.109].

Говоря о частотности фразеологизмов в стиле прессы, следует иметь в виду ряд экстралингвистических факторов, от которых данная частотность зависит. Среди таких факторов отмечаем цель, которую ставит перед собой автор, что он хочет донести до читателя, является ли его задачей передача информации или же воздействие на читателя, стремление убедить или переубедить в чем-либо. Здесь прослеживается взаимосвязь с функциями прессы, которые влияют на выбор языковых средств. Далеко

не последнюю роль играет индивидуальный стиль автора. Каждый текст представляет собой многодимензиональное явление. Комплекс экстралингвистических и лингвистических причин определяет относительно высокую или низкую частотность ФЕ [6, с.198].Интересно отметить, что частотность ФЕ плохо поддается прогнозированию. Так, нами была выдвинута гипотеза о том, что наибольшее количество ФЕ должно наблюдаться в жанрах воздействия (комментарии, критике, глоссе, фельетоне), а в информативных жанрах (корреспонденции, репортаже, информации) ФЕ должны быть представлены не столь широко. В основном наша гипотеза подтвердилась, однако в процессе исследования в некоторых статьях жанра воздействия нами не было отмечено ни одного фразеологизма, в то время как ряд статей информативного жанра содержали достаточно много фразеологизмов. Это дает нам право еще раз подчеркнуть, что частотность ФЕ в текстах прессы не является абсолютной и во многих случаях зависит от индивидуального стиля автора.

Будучи частью контекста, фразеологизмы могут выполнять различные функции: выражать оценку автора к описываемым событиям, делать описание более наглядным, упрощать текст, устанавливать между журналистом и читателем доверительные отношения. Как справедливо замечает В. Флайшер [8], практически все ФЕ могут выполнять перечисленные выше функции, приписать какому-либо определенному фразеологизму определенную функцию невозможно. В связи с этим рассматривать функционирование ФЕ представляется целесообразным только в рамках контекста.

В качестве материала исследования были использованы еженедельные журналы и ежедневные региональные газеты, издаваемые в Германии: TV 14, Dresdener Nachrichten (DN), Mitteldeutsche Zeitung (MZ), Sьddeutsche Zeitung (SZ), Capital, Markt, Gehirn und Geist. Рамки статьи не позволяют подробно остановиться на каждом из этих источников. Заметим, что выбранные газеты и журналы неоднородны. Несмотря на внешнюю универсальность и публицистичность каждое издание имеет определенный круг читателей. Выбор таких разнообразных источников исследования в нашей работе не случаен, он обусловлен задачей установления частотности употребления фразеологизмов (как узуальных, так и модифицированных) в зависимости от специфики газеты или журнала, а также в зависимости от жанра и тематики. Нами рассмотрены следующие жанры: статья, передовая статья, информация, корреспонденция, комментарий, глосса, фельетон, интервью, критика. Кроме того, часто встречаются такие жанры, как советы читателям и статьи-биографии. Все перечисленные выше жанры можно разделить на две группы: информативные и воздействующие, причем, возможна и промежуточная позиция жанров (например, статей и передовиц).

Известно, что стабильность ФЕ относится к ее важнейшим характери-

стикам, не являясь при этом величиной абсолютной. Так, Х. Бургер пишет: «Es gibt keine Verdnderung eines Phraseologismus, die in irgendeinem Kontext nicht mцglich wdre» [2]. Условия для изменений возникают в определенном контексте. Наверно можно утверждать, что ФЕ обладают такими возможностями, которые проявляются только во взаимосвязи с контекстом. Важной причиной изменений формы ФЕ может служить утрата экспрессивности. При помощи модификации экспрессивность может быть повышена, а в некоторых случаях в зависимости от замысла автора – понижена. В качестве примера рассмотрим две синонимичные ФЕ sich in die Rolle_versetzen и in die Rolle schlьpfen. Обе ФЕ модифицированы, однако первая ФЕ является нейтральной, а вторая ФЕ имеет разговорную стилистическую окраску и, следовательно, более экспрессивна.

Изменения, касающиеся фразеологизмов, могут быть различными. На основании этого их можно разделить на узуальные или на окказиональные. Узуальные модификации отражены в словарях, и в данном случае речь идет о вариантах фразеологизмов [7]. Однако вопрос о том, где находится граница между вариантами и истинными модификациями, все еще не решен. Часто наряду с фразеологизмами существуют их варианты, представляющие собой их абсолютные синонимы или отличающиеся от них оттенками значения. Проблему классификации ФЕ на модифицированные или их варианты можно решить частично при помощи фразеологических словарей , так как они пытаются учитывать наличие вариантов настолько, насколько их составители знакомы с этими вариантами. Кроме того, в любое время могут возникнуть индивидуальные варианты, которые читателем как таковые не воспринимаются. В процессе исследования мы столкнулись с тем, что один и тот же фразеологизм в разных словарях рассматривается по-разному. Так, ФЕ unter einem Hut sein представлена в словаре Дудена (2002) как один из вариантов, во фразеологическом словаре под редакцией Д.Э. Биновича и М.Н.Гришина (1975) эта ФЕ не дана. В качестве примера приведем еще один вариант (или модификацию) данного фразеологизма:

Religiцser Eifer verhdrtet den Wahn, und fьr einmal finden sich einzelne Propheten mit langhungrigrn Ultras im gleichen Boot (statt : im gleichen Boot sitzen.) Alle Vorstellungen im Lager der Opposition unter einem Hut zu vereinen, wird sehr schwer fallen (statt: etwas unter einen Hut bringen).

Подобные примеры наталкивают на мысль о том, что некоторые фразеологизмы имеют «устойчивое ядро» и «свободную периферию». В приведенных примерах ядром выступают элементы im gleichen Boot, unter einen (einem) Hut, а периферией – глаголы, сочетающиеся с ними. На наш взгляд, мы имеем дело с модификацией. Модификациям ФЕ уделяют внимание многие лингвисты, поэтому существуют различные точки зрения относительно видов модификаций и понимания сути данного явления. Мы рассматриваем в качестве модификаций все формы ФЕ, не учтенные

в словарях. Модификации встречаются в устной и письменной речи. Однако следует отметить, что в устной речи ФЕ могут быть модифицированы без какого-либо умысла, вследствие спешки, и могут рассматриваться как речевые ошибки, в то время как трансформации в письменной речи чаще всего обусловлены определенной целью, поставленной автором. Вслед за В. Колером [5] мы выделяем внутреннюю и внешнюю трансформацию. Под внутренней трансформацией понимается изменение самого фразеологизма, а под внешней – намек на словесное значение ФЕ в контексте. Например, контаминация ФЕ в заголовке к статье о значении выбора цвета при выборе рекламного плаката: rotes Tuch und blaues Wunder. Далее в статье даются советы читателям о том, какие цвета им лучше всего выбрать для того, чтобы реклама их товара была наиболее успешна. Таким образом, мы сталкиваемся в данном случае и с внутренней трансформацией (слияние двух ФЕ: blaues Wunder и rotes Tuch), и с внешней (использование прямого значения слов-компонентов ФЕ). Внешняя модификация здесь связана с двойным кодированием фразеологизмов, то есть с возможностью их употребления как в метафоризированном фразеологическом, так и в прямом пословном значении.

Отграничение внешней модификации от внутренней достаточно проблематично. Встает вопрос о том, является ли, например, присоединение прилагательного к субстантивному фразеологизму или его отделение внешней или внутренней трансформацией. С одной стороны, ее можно рассматривать как внутреннюю, так как осуществляется изменение в структуре ФЕ, с другой стороны, модификация влияет на взаимосвязи ФЕ с контекстом, то есть может выступать как внешняя.

Практически все фразеологизмы, являясь вариативными, образными и стилистически окрашенными языковыми знаками вторичного образования, могут оказывать определенное воздействие на читателя.

Принимая во внимание основные лингвистические свойства ФЕ и учитывая контекст, в котором они употребляются, авторы многих статей используют фразеологизмы не только в их узуальной форме, но и часто прибегают к окказиональным модификациям, чтобы повысить экспрессивность текста и усилить воздействие статьи на читателя. Нами было отмечено, что в современной немецкой прессе модифицированные ФЕ составляют около 30 % (по нашей картотеке). Это связано с тем, что журналисты стремятся построить на основе всем известного и общеупотребительного нечто новое, «неизбитое». Употребление преобразованных фразеологизмов характерно, прежде всего, для тех жанров прессы, в которых на первый план выступает не информационная, а воздействующая функция, т.е. в комментариях, критике, корреспонденциях. Нередко модифицированные ФЕ встречаются в передовицах и статьях, представляющих крупный жанр в газетах и журналах. Особенно следует отметить частое употребление окказиональных вариантов ФЕ в юмористических жанрах –

глоссе и фельетоне. Так, например, в небольшой по объему шуточной статье о том, насколько трудно найти работу, автор использует четыре фразеологизма, которые подчеркивают длительность этого процесса: Tag für Tag, etwas machen bis schwarz werden, hin und wieder, eine Auswahl treffen [Markt, 2000,19]. Частотность употребления модифицированных ФЕ в прессе в зависимости от жанра распределяется по степени убывания следующим образом (по нашим данным): критика, фельетон и глосса, биография, советы читателям, статья, комментарий, передовая статья, интервью и информация.

Интересной представляется также зависимость частотности употребления модифицированных фразеологизмов от специфики газеты или журнала. Так, больше всего модифицированных фразеологизмов было зафиксировано в еженедельнике TV14 (36%), MZ (31%), DN (30,90%). Меньше модифицированных фразеологизмов встречается в SZ (28,41%), экономической газете Markt (18,75%) и в научном журнале Gehirn und Geist (17,6%). В узкоспециализированном финансовом журнале Capital нами не было зафиксировано ни одного фразеологизма, подверженного трансформации. В тех изданиях, где журналисты считают уместным создать непринужденную обстановку в условиях опосредованного общения с читателями, авторы модифицируют ФЕ в определенных стилистических целях. В связи с тем, что специфика этих изданий определяется тематикой публикуемых в них материалов, можно было бы прийти к выводу о том, что наличие модифицированных ФЕ зависит от темы статьи. Однако в процессе исследования гипотеза о том, что в области экономики и политики трансформации ФЕ встречаются редко, не оправдалась. В статьях на экономические темы было зафиксировано 21,54% модифицированных ФЕ от общего числа ФЕ, а в статьях на политические темы - 35,75%. Меньше всего трансформированных ФЕ в публикациях на юридическую тему (12,50%), а также на тему медицины (9,09%).

Частотность модифицированных ФЕ также зависит от того, какой морфолого-синтаксический тип фразеологизма подвергается трансформациям. Особенно сильно модификации подвержены глагольные фразеологизмы (27,03% всех глагольных ФЕ модифицированы), в меньшей степени модификации подвержены субстантивные ФЕ (11,54%), а также адвербиальные ФЕ (12,12%).

Трансформации ФЕ - довольно частое явление в функциональном стиле прессы. Это может быть связано со стремлением авторов наложить отпечаток своего индивидуального стиля даже на такие стабильные выражения, каковыми являются фразеологизмы. Понятие трансформации включает в себя целый комплекс различных приемов, основанных на разрушении структурной и семантической целостности фразеологизма. Любое преобразование основывается на потенциальной возможности вычленить отдельный элемент фразеологизма в качестве самостоятельной семанти-

ческой единицы, поскольку каждое слово, становясь компонентом фразеологического сочетания, приобретает двойственную сущность: оно входит в состав структурно и семантически сложного целого, сохраняя в то же время потенциальные качества самостоятельной лексической единицы. Важно, таким образом, отметить, что возможность трансформаций заложена в самой природе ФЕ, в таких их характеристиках, как идиоматичность значения, раздельнооформленность, узнаваемость и устойчивость.

Остановимся на некоторых способах преобразования ФЕ, хотя этих способов и возможностей их комбинирования еще больше, как отмечает А.И.Домашнев [3].

1. Замена отдельных элементов фразеологизма. Эффект модификации зависит от степени семантической связанности компонентов в системе языка, например: Ein gutes Examen schldgt stdrker ins Gewicht, als die Wahl der richtigen Hochschule oder die Studiendauer. Узуальная форма этого фразеологизма: etwas fdllt ins Gewicht. Таким образом, автор заменяет нейтральный глагол fallen на более экспрессивный schlagen, для того, чтобы усилить воздействие на читателя.

2. Включение в состав фразеологизма дополнительных компонентов. Автор достигает эффекта усиления или уточнения значения фразеологизма, например: Liegt der Wert deutlich unter eins, steht das Unternehmen auf finanziell wackeligen Beinen [Markt, 2000: 19]. Исходная форма ФЕ: auf wackeligen Beinen stehen. Применяя данный вид модификации, автор указывает на то, что трудности предприятия связаны именно с финансовыми проблемами.

3. Извлечение отдельных компонентов ФЕ, что придает тексту динамичность и очень часто связано с тенденцией языковой экономии в немецком языке. В связи с этим данный вид преобразования особенно часто встречается в газетном тексте, т. к. журналисты ограничены во времени и пространстве (статья должна занимать не более двух - трех страниц). Усеченные ФЕ - нередкое явление в заголовках. Так, например, заголовок к статье, рассказывающей читателям о трудностях покупки автомобиля, связанных с тем, что автосалоны работают только в первую половину дня, имеет заголовок: Frьh morgen auf der Pirsch. В данном случае мы сталкиваемся с извлечением одного компонента из состава ФЕ (узуальная форма: auf der Pirsch sein). Более сложной оказывается задача идентификации фразеологизма при контаминации, когда от каждого оборота взята только одна часть, и они слиты в единое целое: Wird sein Einfluss konstruktiv kanalisiert, so steigert in aller Regel die Ergebnisqualitdt, sollte das Team sich sogar auf dem Weg in eine Sackgasse befinden, entpuppt er sich als existenzielle Notwendigkeit [Markt, 1997: 12]. (auf dem Weg sein+ in einer Sackgasse sein). С подобным видом трансформации мы часто сталкиваемся в тех случаях, когда речь идет о «нанизывании», «нагромождении» фразеологизмов. В этом примере мы также видим три ФЕ, объединенные в рамках одного предложения.

4. Авторы могут создавать свои собственные ФЕ по образцу уже существующих, использовать модели фразеологизмов, например: Wer feilscht, verliert (использование модели wer wagt, gewinnt в статье о правилах торгов на бирже).

5. Кроме того, необходимо рассмотреть такой вид модификации как грамматическая. Под ней понимается изменение грамматических структур фразеологизмов. В нашем исследовании встречались следующие виды грамматических модификаций: изменение формы единственного числа на множественное (in Gang kommen > in Gдnge kommen), изменение степени сравнения прилагательного (Zeit fьr etw sein > hohe Zeit fьr etwas sein > hцchste Zeit fьr etw sein), введение отрицания (Bock/keinen Bock auf etw haben), изменение формы артикля (eine Bresche schlagen > die Bresche schlagen). Грамматическая модификация используется для того, чтобы как можно прочнее связать ФЕ с контекстом, однако она не несет такой стилистической нагрузки, как перечисленные выше виды модификаций.

Подобные типы модификации рассматривал и В.Фляйшер. По его мнению, изначально преобразование происходит на лексическом уровне, а уже затем оказывает влияние на синтаксис и морфологию [8]. Структура фразеологизма допускает вариации узуального и окказионального характера, а именно в рамках структурно - семантических инвариантов.

1.Морфологические и синтаксические изменения отдельных компонентов, касающиеся грамматической категории числа (seine Hand/ seine Hдnde im Spiel haben), употребления артикля или других определительных элементов (den/seinen Kopf verlieren), уменьшительно - ласкательных суффиксов (kein Haar/kein Hдrchen krumm machen), отрицания (jmdm. keinen/ nicht den Bissen Brot gцnnen).

2.Замена отдельных лексических компонентов фразеологизма, например: in einem Boot sitzen/sich in einem Boot fьhlen.

3. Расширение или редукция компонентного состава: etwas unter die wirtschaftliche Lupe nehmen (расширение), der ganze Abend fand auf des Messers Schneide statt (редукция).

В заключение следует отметить, что употребление фразеологизмов, как в их узуальной форме, так и в преобразованном виде обусловлено их текстообразующими и стилистическими потенциями, отвечает замыслу автора, связано с определенными функциями стиля прессы, важнейшими из которых является информационная и воздействующая. Кроме того, частотность модифицированных фразеологизмов зависит от жанров стиля прессы и от тематики публикаций.

Список литературы

1. Балли Ш. Французская стилистика.- М., 1961. -С. 191.
2. Burger H. Handbuch der Phraseologie.-Berlin; New York, 1982.
3. Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста: Учебное пособие для студентов педагогических институтов.- М.:

Просвещение,1989.
4. *Кузнецов В.Г. Функциональные стили современного французского языка.- М., 1991.*
5. *Koller W. Redensarten. Linguistische Aspekte. Vorkommensanalysen, Sprachspiel. – Tьbingen, 1977.*
6. *Simmler F. Textsorten und Textsortentraditionen. – Bern; Berlin; Frankfurt am Main; New York; Paris,1997.*
7. *Skog-Sydersved M. Wortschatz und Syntax des aussenpolitischen Leitartikels.- Frankfurt am Main, 1993.*
8. *Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache.- Tьbingen: Niemeyer, 1997.*

Е.Е. Иванова

СИСТЕМНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ СОСТОЯНИЯ БЫТИЯ

Фразеологизмы, имеющие значение состояния бытия, представляют собой определенным образом организованную систему, имеющую ядро и периферию. Ядром данной семантической группы являются процессуальные фразеологизмы. Предметные фразеологические единицы образуют периферию семантической группы состояния бытия. Структура семантических подгрупп процессуальных и предметных фразеологизмов различна.

Процессуальные фразеологизмы являются основным способом выражения понятия состояния во фразеологии. Однако следует отметить, что процессуальными фразеологизмами отражается только часть понятийной категории состояния. Наиболее полно они отражают различные виды состояния человека и явлений, явно недостаточно - состояние предметов и бытия вообще, единичными фразеологизмами представлено состояние окружающей среды.

Семантическая подгруппа процессуальных фразеологизмов со значением состояния бытия имеет иерархическую структуру комплементарного типа. В ней нет фразеологизма с общим для всех единиц, инвариантным значением. На одинаковом расстоянии от предполагаемого ядра находятся минигруппы, связанные друг с другом эквиполентными отношениями. Строение минигрупп неодинаково. В основном они организованы эквиполентными оппозициями, однако одна минигруппа имеет строго иерархическую структуру с отношениями субординации. Большинство минигрупп связано между собой антонимическими отношениями.

Минигруппа фразеологизмов с общим значением «все хорошо» имеет строго иерархическую структуру. Идентификатор *быть в порядке* связан привативными оппозициями со своими синонимами *быть в ажуре, быть тип-топ, быть чин чинарем, быть на мази, быть в полном порядке*.

А эта Аня казалась такой милой, спокойной, и потом, она уже снимала

у меня квартиру раньше, и все *было в порядке* (Маринина А. Мужские игры). Сначала у меня *на мази* дело *было*. Все статьи подходящие: партбилет есть, насчет положеньев и происхожденьев носа не подточишь, но когда дело дошло до политпроверки, здесь у меня получилась неприятность (Островский Н. Как закалялась сталь). Гораздо хуже, если он захочет ознакомиться с делами. Проверить, стало быть, насколько добросовестно его новые подчиненные работают не только по текущим, но и по прошлым делам. И дела должны *быть в полном порядке* (Маринина А. Мужские игры).

В минигруппу с общим значением «обычное течение жизни» входят фразеологизмы: *идти по плану, идти вперед, течь по какому-либо руслу, идти своим порядком, быть в порядке вещей, быть в природе вещей, идти своим чередом.*

После генеральского заверения жизнь в Архангельске пошла своим чередом: городская дума заседала, купцы и судовладельцы, хозяева фабрик и лесопилок, как и в прежние времена, раскатывали в дорогих пролетках, швыряли в ресторанах «моржовки», обеспеченные английскими фунтами (Гладков Т., Зайцев Н. И я ему не могу не верить). Жизнь ее давно *течет по проложенному руслу*, и, не напади на нее внезапная, непонятная болезнь, Богачевская сейчас бы ощущала себя счастливой (Донцова Д. Но-шпа на троих). Но жизнь *идет вперед*, и новые тысячи слов вливаются в общий словарь языка (Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка).

Минигруппа состояния застоя представлена фразеологизмами *покрыться плесенью, заходить в тупик, топтаться на месте, стоять на одном месте.*

История никогда не *стоит на месте*, она *идет вперед* и во время теперешней войны (Ленин В.И., Т.ЗО. С. 193). А это вздор. Собственным мнением надо уметь и поступиться, если без этого дело *заходит в тупик* (Литературная газета, 28.03.90). Были, конечно, и не раз, такие периоды в культуре, литературе, когда, казалось, человечество *зашло в тупик*...(Литературная газета, 26.09.90).

Минигруппе фразеологизмов со значением состояния застоя антонимична минигруппа с общим значением «бурное течение жизни», состоящая из фразеологизмов *бить ключом, идти полным ходом, входить в полную силу.*

А партийная жизнь в стране *била ключом*, и полгода Крендель чуть не каждый Божий день бегал петушком в ледяном мраке вокруг палатки (Веллер М. Легенды Невского проспекта). Весной я всегда приглядываюсь к черемухе. Если на ней раскрылись почки, значит окончательно проснулась и потеплела земля, - а весна *вошла в* полную *силу*. (Соколов-Микитов И. Цветы леса). Мы должны научиться реально, критически смотреть на вещи, а не тешить себя иллюзиями, что перестройка *идет полным ходом*

(Литературная газета, 11.05.88). Жизнь *неслась вперед*, а они отставали, откатывались, мать не могла с этим примириться (Калинина А. По образу и подобию).

Этим минигруппам противопоставлена по значению минигруппа фразеологизмов, обозначающих резкое ухудшение обстоятельств, их развитие в неблагоприятном направлении. В данной минигруппе при отсутствии фразеологизма с обобщенным значением выделяется три синонимических ряда. Первый синонимический ряд образуют единицы с общей семой «ожидаются неприятности, что-то плохое»: *пахнет паленым, пахнет керосином, запахло жареным, висеть на волоске, запахло порохом, плохо пахнет.*

Ну и куда он подевался, страховщик этот? Увидел, что дело *пахнет керосином*, и скрылся? (Маринина А. Мужские игры). Вокруг них стали останавливаться. Татьяна даже услышала краем уха чей-то шепот: «Смотри, Томилина. Ну да, та самая, которая детективы пишет. Да точно, точно она, у нас на работе все ее читают, а там на всех книжечках фотография. Надо же, неужели правда, что она такие деньги получает. *В воздухе* явственно *запахло* скандалом» (Маринина А. Я умер вчера). «Не знаю, - гневно воскликнул любовник, - моя жизнь *висит на волоске*, а ты жопу от стула оторвать не желаешь?» (Донцова Д. Инстинкт Бабы-Яги). «Даже странно: пока жизнь *висела на волоске*, он был румян, теперь же, обретя надежду на спасение, вдруг побелел» (Акунин Б. Внеклассное чтение).

Второй синонимический ряд с семой «рушиться, гибнуть» составляют фразеологизмы *идти ко дну, подходить к краю пропасти, приходить в расстройство, рушиться в пропасть, лететь к черту, лететь в тартарары, лететь к чертовой матери, идти коту под хвост, идти псу под хвост, идти собаке под хвост, расползаться по швам, рассыпаться как карточный домик, катиться вниз, катиться по наклонной плоскости, идти к краху, идти под откос, идти прахом, идти хинью, превращаться в пепел, превращаться в прах, трещать по всем швам, расползаться по швам.*

Все производное, налаженное, все относящееся к обиходу, человеческому гнезду и порядку, все это *пошло прахом* вместе с переворотом всего общества и его переустройством (Пастернак Б. Доктор Живаго). Недолгим будет такое счастье, стремительно и без надежды ко спасению *покатится в бездну* наш мир. Сейчас у нас последний шанс. Как же используется он? Увы и горе... (Литературная газета, 3.10.90). Я считаю, что мир держится на таких добрых людях, иначе бы все давно *полетело в тартарары* (Учительская газета, 31.05.88). Уж если даже Борис, самый последовательный и ясный человек из всех, кого я знал, если даже он стал кружить и расплываться, значит, все действительно *летит к черту*, все сошли с ума, не я один (Калинина А. По образу и подобию. Дружба народов, № 10, 1988).

Третий синонимический ряд с семой «кончаться» образуют фразео-

логизмы *идти к концу, идти к финалу, идти к закату*.

-Ты на нее не сердись, у нее ведь тоже, наверное, жизнь *к закату пошла*, сколько ей теперь лет? И замуж так и не вышла (Калинина А. По образу и подобию. Дружба народов № 10, 1988). И во всех вариантах жизнь *идет на спад, под горку* (Студенческий меридиан, № 2, 1988). Я вас отыщу, когда дело *пойдет к концу* (Герман Ю. Дорогой мой человек).

Минигруппе обычного течения жизни антонимична еще одна минигруппа фразеологизмов, обозначающих состояние хаоса, абсурдности происходящего. В ней нет фразеологизма с наиболее общим значением. Фразеологизмы *выходить из русла* и *выходить из колеи* образуют синонимическую пару с общей семой «нарушение обычного течения жизни». Остальные единицы входят в синонимический ряд с семой «крайняя степень, коренное изменение обычного течения жизни»: *перевернуться вверх дном, идти кувырком, лететь кувырком, доходить до абсурда, доходить до безумия, доходить до крайней степени, доходить до крайности, доходить до курьезов, встать с ног на голову, повернуться задом, доходить до предела, доходить до смешного, перевернуться вверх ногами, перевернуться вверх тормашками, доходить до черты.*

В самом деле: зачем? Я ничего не понимаю. Все, что еще полчаса назад казалось мне понятным и точно установленным, *перевернулось с ног на голову*. Или с *головы на ноги?* (Маринина А. Я умер вчера). Все *полетит кувырком*, настоящих профессоров тю-тю, везде будут сплошные воспитанники академика Рядно, в науке окажется полный вакуум... (Дудинцев В. Белые одежды). Жизнь в доме Рыбиных с этой ужасной ночи словно *перевернулась вверх тормашками*, покатилась, как пущенный с горы снежный ком (Шолохов-Синявский. Горький мед).

- А что если Сережа упрекнет сейчас? - подумала Анна и почувствовала, как ее перевернуло от одной только мысли: такое она ему не простит, и у них все *полетит вверх тормашками*, они могут расстаться навсегда, могут поссориться (Ярочкин Б. Незаконный).

Минигруппам состояния абсурдности и резкого ухудшения течения жизни антонимична минигруппа фразеологизмов, обозначающих нормализацию течения жизни. В этой минигруппе есть фразеологизм с обобщенным значением *приходить в норму*.

...Она стыдилась себя, кляла свое стародевичество, не только физическое, но и нравственное. Но постепенно все *приходило в норму*, утрясалось, успокаивалось, все трезвее, яснее думала она о Гоше (Калинина А. По образу и подобию).

Данный фразеологизм связан привативными оппозициями с членами синонимического ряда *приходить в порядок, приходить в равновесие, входить в берега, входить в колею, вставать на свои места, идти на поправку, входить в русло, входить в норму, идти на лад*, имеющих общую сему «принимать обычное течение».

Вот так и закончилась эта невероятно запутанная история. Жизнь наша *вернулась в* прежнее *русло* (Донцова Д. Бенефис мартовской кошки). Жизнь берет свое, жизнь пусть трудно, порой мучительно, но *входит в берега,* жизнь надо налаживать (Комсомольская правда, 17.12.88). Одна за другой «оживали» системы радиосвязи, застучал телетайп, повышалась температура, оттаивала вода, жизнь на станции постепенно *входила в колею* (Правда, 7.09.85). Нельзя тому же театральному и любому другому коллективу думать, что стоит выбрать приемлемого с его точки зрения руководителя, как все тут же *пойдет на лад* (Правда, 22.02.88).

Минигруппа фразеологизмов, обозначающих изменения в течении жизни, содержит семантически недостаточные единицы. В зависимости от конкретного наполнения они могут вступать в синонимические и антонимические отношения с фразеологизмами других минигрупп: *принимать какую-либо форму, принимать какой-либо характер, вступать в какую-либо фазу, принимать какое-либо течение, приобретать какой-либо вид, переходить в новое русло, переходить на какие-либо рельсы, обрести какую-либо форму*. Синонимичную пару составляют фразеологизмы *носиться в воздухе - стучаться в дверь*.

«Счастье вдруг в тишине *постучалось в двери.* Неужель ты ко мне - верю и не верю» (Дербенев Л. Счастье вдруг). Тяжкая болезнь, которая нас отравила, вызвана очень распространенной бациллой. Это - бацилла либеральной рабочей политики, или, иначе, ликвидаторства. Это *носится в воздухе»* (Ленин В.И. Болезнь реформизма. Т. 18, С. 404).

Минигруппа фразеологизмов, обозначающих состояние неясности, неизвестности, содержит фразеологизмы *быть облеченным тайной, находиться в тайне, быть покрытым мраком неизвестности, быть покрытым завесой.* Антонимичен им фразеологизм *выходить наружу*.

Однако все, что касается его дел, окружено плотной стеной *тайны*, кроме итоговой цифры: он владеет семью миллиардами марок (Семенов Ю. Бомба для председателя). Скажу лишь, что в первую пору своего существования я, подобно большинству, брел наугад, не столько сам выбирая тропинку, сколько следуя той, что оказалась ближе... путь мой все время *был окутан туманом* (Акунин Б. Внеклассное чтение). Но потом ему не повезло, и, когда восставшие сдали Тулу, Телятевский попал в плен. Дальнейшая его судьба *покрыта мраком* (Донцова Д. Инстинкт Бабы-Яги). Я считаю: надо идти на заводы, в колхозы, потому что там тоже нужны образованные люди. Так не хотят же. Вот оно и *вышло* все *наружу* в министерствах и управлениях: не хотят настоящей работы (Правда, 10.05.88).

Некоторые фразеологизмы не вступают в синонимические отношения, но могут в определенном контексте противопоставляться фразеологизмам разных минигрупп: *возвращаться на круги своя, бить ключом и все по голове* и т.д.: «А в Москве я пошел к министру Захарову и все

рассказал, Захаров немедленно взял мою сторону и сказал: «Вы правы, надо прекратить всякие отношения с этим человеком. Но... все *вернулось на круги своя*: связь с Коваком продолжается по сей день. И бесконечные накладки - тоже. Короче, выбор партнеров соответствует самим партнерам» (Литературная газета, 23.05.90). Жизнь в Бонне, казалось, начала *входить* в обычную *колею*, если не считать колючей проволоки и усиленных патрулей в правительственном квартале (Литературная газета, 26.10.77). Да и в пределах 30-километровой зоны все больше «точек», где жизнь *входит* в свое обычное *русло* (Неделя, № 16, 1997).

Понятие бытия как жизни вообще, существования вообще имеет наиболее отвлеченное значение по сравнению с другими субъектами состояния. Состояние бытия может быть обозначено только в самом общем виде как его характеристика: все хорошо, все плохо, все нормально и т.д. В силу этого для семантики процессуальных фразеологизмов нехарактерно выражение состояния бытия. Наиболее полно состояние бытия выражается фразеологизмами других грамматических классов. Характерно, что хорошее, счастливое состояние бытия совсем не отражено процессуальными фразеологизмами.

Предметные фразеологизмы называют состояние бытия и окружающей среды. Они образуют семантическую подгруппу, внутри которой единицы связаны парадигматическими отношениями. В семантической подгруппе состояния бытия 38,4% фразеологизмов образуют семантические эквиполентные оппозиции, представленные идеографическими синонимами: *ад кромешный - конец света, ад кромешный - варфоломеевская ночь, конец света - варфоломеевская ночь, варфоломеевская ночь - избиение младенцев, ад кромешный - кошмарный сон, кошмарный сон - театр абсурда, военное положение - холодная война, вечный покой - царство божье.*

«Только теперь ему стало ясно, что все безумные события последних дней - *кошмарный сон*, и виноват во всем сумасшедший посетитель, назвавшийся судьей (Акунин Б. Внеклассное чтение). «Но за что мне-то мстить? Я ведь никому ничего дурного не сделал. Какой-то *театр абсурда*...» (Акунин Б. Внеклассное чтение).

23% фразеологизмов образуют семантические эквиполентные оппозиции, представленные антонимами-контративами: *тишь да гладь - буря в стакане воды, тишь да гладь - девятый вал, тишь да гладь - кошмарный сон, тишь да гладь - ад кромешный, тишь да гладь - варфоломеевская ночь*.

Потом пришлось отстегнуть еще немалую сумму, чтобы провести выделенную линию Интернета сразу в две комнаты, иначе мы не могли воспользоваться домашним телефоном. Зато сейчас у нас *тишь да гладь* (Донцова Д. Но-шпа на троих). «Господи, просто *конец света*, пожаловалась Инга Сергеевна, встречая Фандорина на пороге гостиной. Ходкевич

исчез, охранники тоже. Хулиганье какое-то кинуло из-за стены камнем в оранжерею» (Б.Акунин. Внеклассное чтение).

В семантической подгруппе состояния бытия выделяется группа фразеологизмов, организованная иерархически. В центре находится фразеологизм с наиболее общим, отвлеченным значением *положение вещей*. Вместе с другими фразеологизмами он образует семантические привативные оппозиции: *положение вещей - тишь да гладь, положение вещей - тришкин кафтан, положение вещей - девятый вал, положение вещей - буря в стакане воды, положение вещей - конец света, положение вещей - ад кромешный, положение вещей - гордиев узел, положение вещей - кошмарный сон, положение вещей - круговая порука, положение вещей - театр абсурда, положение вещей - колодная война.*

«Исходя из существующего *положения дел* мы и разработаем технологию осуществления комбинации» (Маринина А. Мужские игры). «Тут *заколдованный круг* получается. Вроде бы мстители эти сами представляются: перед тем, как накрячить очередного буржуя, приговор высылают. Ставь засаду и бери их голыми руками, так?» (Акунин Б. Внеклассное чтение). «Но вы сами справедливо заметили, что случай с Нурбагандовым был именно случаем, непредвиденной случайностью. Ее безусловно можно и нужно использовать, но как можно надеяться на повторение счастливого для нас *стечения обстоятельств*?» (Маринина А. Мужские игры). Статья критика Реда Куссима «За национальную кинопромышленность», напечатанная в бюллетене Межарабского киноконцерна, подвергает детальному анализу трудности, встающие на пути развития алжирского кинопроизводства, и пытается наметить выход из того, что автор называет *«порочным кругом»* (Искусство кино, № 7, 1968).

В семантической подгруппе состояния окружающей среды 22,9% фразеологизмов образуют семантические эквиполентные оппозиции, представленные семантико-стилистическими синонимами: *содом и гоморра -сумасшедший дом, ад кромешный - содом и гоморра, первозданный хаос -лирический беспорядок, мамаево побоище - первозданный хаос, содом и гоморра - вавилонское столпотворение, сумасшедший дом - ад кромешный, ад кромешный - светопреставление, содом и гоморра - светопреставление, сумасшедший дом - ведьмин шабаш, мамаево побоище - татаро-монгольское нашествие.*

Татьяна нахмурилась:

- Видали, какой у нас *сумасшедший дом*? Правда, платят очень хорошо, кассиршам еще и процент идет.

-Это как?

-Успеешь оформить за день сорок заказов, с сорок первого начинают денежки капать, два процента от суммы, указанной в чеке (Донцова Д. Инстинкт Бабы Яги). «Спасут ли их наши, когда дойдут до Германии? Там же сейчас что делается, бомбежка какая! *Содом и гоморра!»* (Овечкин В.

С фронтовым приветом). «Музыка кафешантанов, колокольный звон, ... звонки конок, крики разносчиков, сущий *ад кромешный»* (Успенский Г. Очерки переходного времени). На последней станции пред горами *столпотворение вавилонское*: шум, крики, плач, матерная отборная ругань, разрозненные воинские части, отдельные группы солдат, а за станцией выстрелы, крики, смятение» (Серафимович. Железный поток).

16,6% фразеологизмов образуют семантические и формально-семантические эквиполентные оппозиции, представленные антонимами-контративами: *ад кромешный - аркадская идиллия, полярная ночь - полярный день, светопреставление - аркадская идиллия, ведьмин шабаш - аркадская идиллия, содом и гоморра - аркадская идиллия, сумасшедший дом - аркадская идиллия.*

И.В. Щурова

ВОСПРИЯТИЕ ЖАРГОНИЗМОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

(результаты анкетирования)

Современная русская речь привлекает внимание большого количества исследователей в силу многих причин, одной из которых является осознанная большинством жаргонизация литературного языка.

Нами было предпринято исследование, которое ставило целью изучить отношение к жаргонизации представителей разных социальных групп. В основу работы легли данные анкетирования, проведенного в феврале 2006 года на базе Курганского государственного университета и гимназии № 47 г. Кургана. Респондентами выступили учащиеся 11 класса гимназии, студенты исторического факультета КГУ (2 курса), студенты филологического факультета КГУ (3 курса), а также преподаватели (филологи, психологи и физиологи). Каждая группа включала 20 человек, таким образом, было опрошено 80 человек. Всем им была предложена анкета, разработанная в Санкт-Петербургском государственном университете и носящая название «Русская речь-2006». Анкета содержала 29 вопросов, среди которых были, в частности, следующие: «Какие тенденции в современном русском языке и речи Вы считаете 1) позитивными; 2) негативными»; « Какие нарушения норм речевой культуры вызывают у Вас негативную реакцию («режут слух»)?

1) нарушение грамматической правильности русской речи;

2) нарушение норм произношения, неправильные ударения;

3) замена исконно русской лексики иностранными заимствованиями;

4) распространение жаргонных слов и выражений;

5) неправильное интонирование речи;

6) использование ненормативной лексики;

7) другое».

Как негативную тенденцию 32,5 % респондентов назвали использование жаргонизмов.

На второй, более конкретный, вопрос были получены следующие ответы: распространение жаргонных слов и выражений вызывает негативную реакцию у 50% респондентов. Таким образом, каждый второй опрошенный проявляет беспокойство по поводу загромождения нашей речи жаргонными словами. Очевидна заинтересованность по крайней мере половины представителей гимназии и вуза в том, чтобы речь была чище. Такую заинтересованность проявили 35% школьников, 50% студентов обоих факультетов и 65% преподавателей. Очевидно, что школьники и студенты меньше озабочены жаргонизацией, чем преподаватели, что вполне объяснимо, ведь в молодежной среде жаргон (его разновидность - сленг) широко распространен. Причем самое лояльное отношение к жаргону демонстрируют школьники.

Третьим вопросом анкеты, относящимся к употреблению жаргонизмов, был вопрос: «Как Вы относитесь к следующим словам: *прикольно, стёб, халява, тусоваться, кайф, крутой, базарить, улётный, крышевать, лохотрон, клёво, раскрутка*?» Респондентам было предложено 3 варианта ответов к каждому слову: положительно, отрицательно, затрудняюсь ответить. Примечательно, что жаргонная принадлежность слов не фиксировалась в вопросе анкеты.

Результаты оказались следующими.

Большинство школьников, студентов-историков и студентов - филологов положительно относятся к словам 1) *прикольно*; 2) *халява*; 3) *крутой*; 4) *клёво*. Слово *прикольно* одобрили 75% школьников, 80% студентов-историков, 60% студентов- филологов и только 25% преподавателей.

Слово *халява* нравится 75% школьников, 55% студентов – историков, 60% студентов-филологов и лишь 30% преподавателей.

Слово *крутой* одобрили 75% школьников, 65% историков, 60% филологов и 35% преподавателей.

Слово *клёво* нравится 75% школьников, 65% студентов – историков и филологов и 10% преподавателей.

Таким образом, оцененными положительно школьниками и студентами оказались 4 слова (*прикольно, халява, крутой, клёво*) из 12 имеющихся в анкете.

Мы видим объяснение этому факту отчасти в семантике и стилистической окрашенности названных четырех слов.

1. Слово *прикольно* в словаре Т.Г.Никитиной «Молодежный сленг: Толковый словарь» объясняется так: «Весело, оригинально, с юмором» (554 с.).

2. Клёво означает «хорошо, прекрасно, отлично» (282 с.).

3. Халява имеет значение: «1. Удовлетворение потребностей, получение чего-либо за чужой счет, бесплатно. 2. Достижение чего-либо без труда, за счет наглости, напористости, нахальства». 3. О наглом, нахальном человеке, привыкшем все получать даром, за чужой счет. 4. Что-либо необременительное, не представляющее трудностей. 5. Неодобр. Безответственность, небрежное отношение к делу, непрофессионализм. 6. Пренебр. Что-либо негодное, ненужное. 7. Пренебр. Проститутка низшей категории, опустившаяся женщина. 8. Девушка, женщина. Шутл. Комп. Бесплатно распространяемая программа» (766 с.). Кроме того, слово *халява* входит в состав студенческих фразеологизмов «*халяву кормить (халявку*) – название предэкзаменационного ритуала привлечения удачи, когда в окно бросают вкусную пищу», «*халява, ловись*» - риторическое восклицание перед экзаменом» (766-767 с.). Для студентов и школьников *халява* – это, прежде всего, желаемая и ожидаемая удача на экзаменах, надежда, особенно не напрягаясь, получить положительную оценку. То есть из всех значений этого слова 1, 2 и 4 обладают в студенческой и ученической среде положительной коннотацией.

4. Слово *крутой* имеет значение: «1. Одобр. Преуспевающий, удачливый, респектабельный (часто- связанный с криминальными структурами). 2. Одобр. Впечатляющий, яркий, оригинальный. 3. Одобр. Отличный, прекрасный, заслуживающий одобрения. 4. Неординарный, переходящий границы нормы в чем-либо. 5. Очень сильный (о высшей степени проявления признака). 6. Сложный, напряженный, неприятный (о ситуации) (325 с.). В современном студенческом жаргоне последнее значение слова реализуется наиболее редко, остальные же окрашены положительно. Очевидно, что все 4 слова так или иначе отражают положительную оценку явлений.

Кроме названных 4 слов, большинство школьников и студентов-историков выразили положительное отношение к словам *тусоваться* и *кайф*.

Тусоваться - многозначное слово, которое обозначает: «1. Посещать тусовки – сборища хиппи. 2. Вести образ жизни хиппи. 3. Собираться группами (по интересам, по возрасту и т.п.), проводить время в компании друзей, единомышленников. 4. Проводить время в общении, разговорах с кем-либо. 5. Приятно проводить время в ночном клубе, на вечеринке. 6. Ходить, прогуливаться без дела где-либо. 7. Общаться, дружить, находиться в приятельских отношениях с кем-либо. 8. Жить вместе с кем-либо, быть в близких отношениях с кем-либо. 9. Находиться где-либо, занимать какое-либо место» (714-715 с.).

Кайф – «1. Удовольствие, наслаждение, любые приятные эмоции от чего-либо, состояние полной уравновешенности. 2. О чем-либо очень хорошем, отличном, заслуживающем высокой оценки. 3. В значении междометия. Выражение любой положительной эмоции. 4. Нарк. Состояние

наркотической эйфории. 5. Также в значении собир. Наркотики. 6. Алкогольное опьянение. 7. Алкогольные напитки» (253-254 с.).

Студенты – филологи, а также преподаватели к словам *тусоваться* и *кайф* относятся негативно. Вероятно, это можно объяснить значением слов. Глагол *тусоваться* характеризует определенный образ жизни молодых людей, с посещением ночных клубов, других модных заведений. Существительное *кайф* соотносится у большинства с наркотиками и потому не принимается преподавателями и студентами – филологами (среди которых подавляющее большинство – девушки). (К слову, реклама йогурта, которая проходила на первом канале российского телевидения, была построена на отрицании способности слова *кайф* выразить всю гамму положительных эмоций: «Не кайф, а услада»).

К 2 из 12 слов высказали положительное отношение только учащиеся гимназии.

1. Это слово *лохотрон*, которое было одобрено 75% гимназистов. 45% студентов – историков, 70% студентов – филологов и 70% преподавателей это слово не принимают. *Лохотрон* обозначает «уличную беспроигрышную лотерею, устраиваемую мошенниками» (357 с.). Здесь так же, как со словами *кайф, тусоваться*, отношение к понятию сказывается на отношении к слову, его обозначающему.

2. Слово *раскрутка*, положительное отношение к которому продемонстрировали 70% гимназистов и лишь 40% студентов-историков, 20% студентов-филологов и 20% преподавателей. Оно имеет несколько значений: «1. Период становления, достижения устойчивости, стабильности. 2. Муз. Популяризация рок- или поп-группы, исполнителя, диска (в прессе, на радио, TV и т.п.). 3. Муз. Установление контакта с залом во время концерта. 4. Уговоры, попытка убедить кого-нибудь сделать что-нибудь. 5. Ухаживания за девушкой. 6. Шутл.-ирон. Девушка». В данном случае на отношении к слову также сказывается интерес поп- и рок-культуре со стороны прежде всего молодых людей.

Слово *улетный (*«одобр. Превосходный, отличный, вызывающий восторг, восхищение» (726 с.)) принимают и выражают к нему положительное отношение 50% школьников. Большинство представителей остальных групп его не одобряют.

3 слова, предложенных в анкете, не принимает ни одна из групп. Это *стёб*, основное значение которого – «иронически-издевательское отношение к чему-либо» (664 с.), *базарить* – грубо окрашенное «1) торговать; 2) говорить что-нибудь» (31 с.), *крышевать* – «за определенную плату обеспечивать кому-либо «крышу» - защиту от рэкета» (328 с.). Во всех этих словах в той или иной мере присутствует отрицательная коннотация.

Итак, школьниками одобрено самое большое количество жаргонных слов (9 из 12). Менее лояльны к жаргонизмам студенты – историки: они

одобрили большинством 6 слов из 12. Еще меньше слов вызывают положительное отношение студентов – филологов: 4 из 12. И, наконец, преподаватели не высказали положительного отношения (большинством голосов) ни к одному из жаргонизмов.

Таким образом, анкетирование показало, что даже среди школьников и студентов, которые, как считается, наиболее лояльно относятся к жаргонизмам, немалую группу составляют те, кто не считает жаргонные слова положительным явлением речи.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕКСТ И ДИСКУРС: КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гришкова Л.В.
ЭКФРАСИС КАК ТЕКСТ В ТЕКСТЕ 3

Гришкова Л.В.
РОМАНТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РЕАЛИСТИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ (на материале романа Ш. Бронте «Джейн Эйр») 9

Захаров Е.В.
О РОЛИ ОДНОГО РАССКАЗА Д. ХАРМСА: «ПЕТРОВ И КАМАРОВ» В ЦИКЛЕ «СЛУЧАИ» 14

Литовченко Ю.Б.
ПРОЗА В. РААБЕ В КОНТЕКСТЕ НЕМЕЦКОГО РЕАЛИЗМА XIX ВЕКА 16

Мальцева О.А., Макарьева И.И.
СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ И АДРЕСОВАННОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ (на материале книги М. Мура “Dude, Where’s My Country?”) 19

Подкорытов А.П.
О ГРАНИЦАХ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И ГРАНИЦАХ ЛИТЕРАТУРЫ . 25

Просекова А.А.
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ НАПРЯЖЕННОСТИ В ТЕКСТЕ ДЕТЕКТИВНОГО РАССКАЗА (на материале рассказа Г.К.Честертона “THE DOOM OF THE DARNAWAYS”) 30

Сысуева Р.П.
ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ РЕВИЗСКИХ СКАЗОК 1816 ГОДА ГОРОДА КУРГАНА 37

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Березина Е.В.
КУЛЬТУРОВЕДЕНИЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ 39

Бочегова Н.Н.
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА 43

Бочегова Н.Н., Филатова Е.В.
ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ТЕКСТОВ РОК- МУЗЫКИ (на материале английского языка) 50

Власова В.В.
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ 56

Гринько А.В.
К ВОПРОСУ ОБ АМЕРИКАНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЖАНРЕ 60

Гринько А.В.
ВЫРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ МЫШЛЕНИЯ В АМЕРИКАНСКИХ СКАЗКАХ ЭПОХИ ФРОНТИРА 64

Груздева О.Г.
ЯЗЫК В СФЕРЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ 68
Кожокина Е.А.
ОБУЧЕНИЕ ПОТРЕБНОСТНО - МОТИВАЦИОННОМУ АСПЕКТУ ЧТЕНИЯ ТЕКСТОВ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 72
Поманисочка М.А.
ДИСКУРС КАК ЦЕЛЬ СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ. 76
Свириденко О.А.
РОЛЬ ДИСКУРСА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ 83
Федулова Г.И.
О ЛАКУНАРНОМ ПОДХОДЕ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ТЕКСТА 89
Цыцаркина Н.Н.
СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КООПЕРАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ 95

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИИ

Белозерова Ф.М., Микаилова Л.Д.
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГРУППЫ ЕДИНИЦ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ 102
Мальцева О.А., Жемерикина М.П.
СТРАТЕГИИ КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ 108
Омельченко С.В.
ВЫРАЖЕНИЕ УСЛОВНОГО И ВРЕМЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ В СЛОЖНОПОДЧИНЁННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ С СОЮЗОМ “WENN” 116
Степаненко О.А., Коростелева Т.В.
РОЛЬ ФЕ В РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ ФУНКЦИЙ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ
(на материале современного немецкого языка) 120
Иванова Е.Е.
СИСТЕМНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ СОСТОЯНИЯ БЫТИЯ. 132
Щурова И.В.
ВОСПРИЯТИЕ ЖАРГОНИЗМОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП (результаты анкетирования). 139

Научное издание

ТЕКСТ, ДИСКУРС И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ЯЗЫКА

МЕЖКАФЕДРАЛЬНЫЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Редактор Н.М.Кокина

Подписано к печати	Формат 60x84 1 / 16	Бумага тип. №1
Печать трафаретная	Усл. печ. л. 9,00	Уч.-изд.л. 9,00
Заказ	Тираж 100 экз.	Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ.
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.